
САРАТОВСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

САРАТОВСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ
АКАДЕМИЯ

АССОЦИАЦИЯ
ЮРИДИЧЕСКИХ
ВУЗОВ
(г. МОСКВА)

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА И ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ

*Академический и вузовский
юридический научный журнал*

*Территория распространения:
Российская Федерация, страны СНГ*

*Журнал включен ВАК Минобрнауки России
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и
изданий, в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций на соискание ученых
степеней доктора и кандидата наук*

4 (53) • 2013

САРАТОВ • МОСКВА

Редакционная коллегия:

А.В. Малько (главный редактор), д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ; Н.И. Матузов (зам. главного редактора – председатель ред. совета), д.ю.н., профессор; К.Е. Игнатенкова (ответственный секретарь), к.ю.н.; В.А. Абалдуев, к.ю.н., доцент; С.Ф. Афанасьев, д.ю.н., профессор; Е.В. Вавилин, д.ю.н., профессор; С.В. Ворошилова, д.ю.н., доцент; О.С. Вырлеева-Балаева, к.ю.н.; А.В. Голикова, к.ю.н., доцент; М.В. Данилов, к.п.н., доцент; А.Н. Иванов, к.ю.н., доцент; Н.В. Исаков, д.ю.н., профессор; Е.В. Кобзева, к.ю.н., доцент; Н.Н. Ковалева, к.ю.н., доцент; А.В. Колесников, к.ю.н., доцент; Е.В. Колесников, д.ю.н., профессор; Г.Н. Комкова, д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ; И.Н. Коновалов, д.и.н., профессор; Д.А. Липинский, д.ю.н., профессор; В.В. Нырков, к.ю.н., доцент; В.А. Пономаренков, к.ю.н., доцент; В.В. Попов, д.ю.н., доцент; В.А. Рудковский, д.ю.н., профессор; А.Ю. Саломатин, д.ю.н., д.и.н., профессор; О.Л. Солдаткина, к.ю.н., доцент; В.В. Субочев, д.ю.н., доцент; Н.С. Судоргин, к.ю.н., доцент; Н.И. Сухова, к.ю.н., доцент; Л.А. Тимофеев, д.ю.н., профессор; В.Д. Холоденко, к.ю.н., доцент; Е.Ю. Чмыхало, к.ю.н., доцент; Р.З. Юсупов, к.ю.н., доцент; Е.А. Игнатенков (зав. редакцией)

Редакционный совет:

Н.И. Матузов (председатель), д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ; С.А. Белоусов, к.ю.н., доцент; А.И. Демидов, д.ф.н., профессор; И.А. Иванников, д.ю.н., профессор; С.А. Комаров, д.ю.н., профессор; А.Г. Лисицын-Светланов, д.ю.н., профессор, академик РАН; С.Б. Суоров, д.ю.н., профессор; С.Н. Туманов, к.ю.н., доцент; Р.С. Байниязов, д.ю.н., профессор; Ю.А. Волошин, д.ю.н., профессор (Украина); Г.А. Василевич, д.ю.н., профессор (Республика Беларусь); Г. Робберс, доктор наук, профессор (Германия); Я. Зелински, доктор наук, профессор (Польша); С. Лю, д.ю.н., профессор (Китай).

Editorial board:

Malko A.V. (editor-in-chief), Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of Russian Federation; Matuzov N.I. (deputy of editor-in-chief – chief of editorial council), Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of Russian Federation; Ignatenkova K.E. (executive secretary), Candidate of Law; Abalduiev V.A., Candidate of Law, Associate Professor; Afanasiev S.F., Doctor of Law, Professor; Vavilin E.V., Doctor of Law, Professor; Voroshilova S.V., Doctor of Law, Associate Professor; Vyrlieeva-Balaeva O.S., Candidate of Law, Associate Professor; Golikova A.V., Candidate of Law, Associate Professor; Danilov M.V., Candidate of Political Science, Associate Professor; Ivanov A.N., Candidate of Law, Associate Professor; Isakov N.V., Doctor of Law, Professor; Kobzeva E.V., Candidate of Law, Associate Professor; Kovaleva N.N., Candidate of Law, Associate Professor; Kolesnikov A.V., Candidate of Law, Associate Professor; Kolesnikov E.V., Doctor of Law, Professor; Komkova G.N., Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Russian Federation; Konoalov I.N., Doctor of History, Professor; Lipinskiy D.A., Doctor of Law, Professor; Nyrkov V.V., Candidate of Law, Associate Professor; Ponomarenkov V.A., Candidate of Law, Associate Professor; Popov V.V., Doctor of Law, Associate Professor; Rudkovskiy V.A., Doctor of Law, Associate Professor; Salomatina A.Y., Doctor of Law, Doctor of History, Professor; Soldatkina O.L., Candidate of Law, Associate Professor; Subochev V.V., Doctor of Law, Associate Professor; Sudorogin N.S., Candidate of History, Associate Professor; Sukhova N.I., Candidate of Law, Associate Professor; Timofeev L.A., Doctor of Law, Professor; Holodenko V.D., Candidate of Law, Associate Professor; Chmyhalo E.Y., Candidate of Law, Associate Professor; Yusupov R.Z., Candidate of Law, Associate Professor; Ignatenkov E.A. (chief of editorial office).

Editorial council:

Matuzov N.I. (chief), Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of Russian Federation; Belousov S.A., Candidate of Law, Associate Professor; Demidov A.I., Doctor of Philosophy, Professor; Ivannikov I.A., Doctor of Law, Professor; Komarov S.A., Doctor of Law, Professor; Lisitsin-Svetlanov A.G., Doctor of Law, Professor; Starilov Y.A., Doctor of Law, Professor; Suorov S.B., Doctor of Sociology, Professor; Tumanov S.N., Candidate of Law, Associate Professor; Bayniyazov R.S., Doctor of Law, Professor; Volishin Y.A., Doctor of Law, Professor (Ukraine); Vasilevich G.A., Doctor of Law, Professor (The Republic of Belarus); Robbers G., DR, Professor (Germany); Zielinski J., Dr hab, Professor (Poland); Lyu S., Doctor of Law, Professor (China).

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВОВАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА

- Малько А.В., Невважай И.Д. (г. Саратов)*
Правовая жизнь и теневое «право» 8
- Гаврилова Ю.А. (г. Волгоград)*
Понятия «смысловое поле права», «правовое поле», «правовая жизнь»: проблемы соотношения 16
- Кузнецова И.О. (г. Саратов)*
Специфика коммуникации региональных политических лидеров и электората в информационном обществе 21
- Горбачев М.В. (г. Саратов)*
Особенности трансформации моделей регионального политического лидерства в общественно-научном дискурсе современной России 23
- Гамзатов М.К. (г. Саратов)*
Правовой статус Каспийского региона (политический аспект) 25

РОССИЙСКАЯ ПРАВОВАЯ СИСТЕМА: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- Тихонова С.В. (г. Саратов)*
Теоретические основания концепции «электронного государства» 29
- Афанасьев С.Ф. (г. Саратов)*
Доступность правосудия по гражданским делам в аспекте гражданско-правовой ответственности судей 33
- Волкова С.Н. (г. Иркутск)*
Понятие и признаки регламентарных нормативных правовых актов 39
- Поддубная Д.А. (г. Саратов)*
Проблемы саморегулирования на современном этапе 42
- Жирнова Н.А. (г. Саратов)*
К вопросу о субъектном составе налоговой тайны 46

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

- Колесникова А.Ю. (г. Благовещенск)*
Правовая политика России в отношении общественных организаций инвалидов в 1991 – 2004 годах 50
- Вяслев Р.Р. (г. Саратов)*
Сравнительный анализ возникновения и развития института страхования рабочих в Англии XIX века и России конца XIX – начала XX веков 55

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЮРИДИЧЕСКИЕ ВУЗЫ РОССИИ – КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Х.М. БЕРБЕКОВА ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

- Карамурзов Б.С., Гукешоков М.Х. (г. Нальчик)*
Кабардино-Балкарский ордена Дружбы народов государственный университет им. Х.М. Бербекова. Юридический факультет 60
-

<i>Гукешоков М.Х., Кушхов И.Р. (г. Нальчик)</i>	
Эволюция взглядов на монархическую форму правления в истории политико-правовой мысли России	65
<i>Хоконов М.А., Дымов Э.М. (г. Нальчик)</i>	
Агональность в культуре и социально-правовых отношениях	71
<i>Хабачиров М.Л. (г. Нальчик)</i>	
О современных средствах ведения военных действий: статус оружия на новых физических принципах	77
<i>Залиханова Л.И. (г. Нальчик)</i>	
К вопросу о совершенствовании уголовной антиэкстремистской политики Российской Федерации	85
<i>Бецуков А.З., Хупсергенов Х.М. (г. Нальчик)</i>	
Проблемы соединения, выделения, приостановления и возобновления производства по уголовному делу в суде	88
<i>Жиров Р.М. (г. Нальчик)</i>	
К вопросу о систематизации криминалистических методик расследования преступлений	96
<i>Дышеков М.В., Мирзоев З.Т. (г. Нальчик)</i>	
К вопросу о земельной реформе 1870 года в Кабарде	100
<i>Маремкулов А.Н. (г. Нальчик)</i>	
Проблемы трансформации института аманатства на Северном Кавказе в XVIII – XIX веках	105
<i>Абазов А.Х. (г. Нальчик)</i>	
Материалы сельских судов как источник изучения обычного права кабардинцев в последней трети XIX – начале XX века	110

**ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЮРИДИЧЕСКИЕ ВУЗЫ РОССИИ –
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ**

<i>Трофимов М.С. (г. Ставрополь)</i>	
Влияние социальных факторов на реализацию права человека и гражданина на образование	115
<i>Струсь К.А. (г. Пятигорск)</i>	
К вопросу о применении репутационного рейтинга вузов «Times Higher Education» в российской практике	118
<i>Лукинова С.А. (г. Ставрополь)</i>	
Заключение трудового договора с руководителем образовательной организации: сравнительно-правовой анализ	122
<i>Вышеславова Т.Ф. (г. Ставрополь)</i>	
Дисциплинарная ответственность обучающихся	125

Трибуна молодого ученого

<i>Моисеев Е.А.</i>	
Защита конституционного права граждан Российской Федерации на доступ к государственной службе	130
<i>Чагаров Р.А-А. (г. Саратов)</i>	
Перспективы использования систем видео-конференц-связи при рассмотрении гражданских дел	133

<i>Пратьков Д.Ю. (г. Саратов)</i>	Инвестиционный договор как правовая форма осуществления капитальных вложений по законодательству Российской Федерации . . .	136
<i>Сотник А.Л. (г. Киев)</i>	Предмет, цели и задачи учебной дисциплины «Правовая политология»	141
<i>Токмин С.А. (г. Иркутск)</i>	Политико-правовые документы в системе источников российского права	145
<i>Балаев С.А. (г. Астрахань)</i>	Налогово-правовая политика России в контексте реализации функции налогообложения	150

CONTENT

POLITICAL AND LEGAL LIFE OF SOCIETY

<i>Malko A.V., Nevvazhay I.D. (Saratov)</i>	Legal life and shadow «law»	8
<i>Gavrilova Y.A. (Volgograd)</i>	The concepts of «semantic field of law», «legal field», «legal life»: the problem of correlation	16
<i>Kuznetsova I.O. (Saratov)</i>	Specifics of communication of regional political leaders and the electorate in the information society	21
<i>Gorbachov M.V. (Saratov)</i>	Features of transformations of models of regional political leadership in social-scientific discourse of modern Russia	23
<i>Gamzatov M.K. (Moscow)</i>	Legal status of Caspian region (political aspect)	25

RUSSIAN LEGAL SYSTEM: URGENT PROBLEMS

<i>Tikhonova S.V. (Saratov)</i>	The theoretical basis of the concept «electronic state»	29
<i>Afanasiev S.F. (Saratov)</i>	Availability of justice on civil cases in aspect of civil-law judicial responsibility	33
<i>Volkova S.N. (Irkutsk)</i>	Concept and signs of regulatory acts	39
<i>Poddubnaya D.A. (Saratov)</i>	Problems of self-regulation at the modern step	42
<i>Girnova N.A. (Saratov)</i>	To the question about the subjects of a tax secret	46

HISTORICAL ASPECT OF LEGAL POLICY

<i>Kolesnikova A.Y. (Blagoveshchensk)</i>	Legal policy of Russia as regards social organizations of persons with disabilities in the period 1991–2004	50
---	--	----

<i>Vyaselev R.R. (Saratov)</i>	Comparative analysis of the origin and development of the institution of insurance of workers in the UK XIX century and Russia in the late XIX - early XX centuries	55
--------------------------------	---	----

**PRESENTATION OF HIGHER EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS OF RUSSIAN FEDERATION – KABARDINO-BALKARIAN STATE UNIVERSITY NAMED AFTER H.M. BERBEKOV
LAW FACULTY**

<i>Karamurзов B.S., Gukepshokov M.K. (Nalchik)</i>	Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov. Law faculty	60
<i>Gukepshokov M.K., Kushkhov I.R. (Nalchik)</i>	Evolution of views about monarchic form of government in the history of political and legal sights in Russia	65
<i>Hokonov M.A., Dymov E.M. (Nalchik)</i>	Agonal in the culture and socio-legal relations	71
<i>Habachirov M.L. (Nalchik)</i>	About modern means of conducting military operations: the weapon status on the new physical principles	77
<i>Zalikhanova L.I. (Nalchik)</i>	To the question of improvement of criminal anti-extremist policy of the Russian Federation	85
<i>Becukov A.Z., Khupsergenov K.M. (Nalchik)</i>	Problems associated with the connection, allocation, suspension and resumption of the proceedings on the criminal case in court	88
<i>Zhirov R.M. (Nalchik)</i>	To the question of systematization of the criminalistic techniques of investigation of crimes	96
<i>Dyshekov M.V., Mirzoev Z.T. (Nalchik)</i>	On the issue of land reform in 1870 in Kabarda	100
<i>Maremkulov A.N. (Nalchik)</i>	To the question of studying of transformation of institute of an amanatstvo in the North Caucasus in the XVIII-XIX centuries	105
<i>Abazov A.H. (Nalchik)</i>	The materials of rural courts as the source of study of the common law of Kabardians in the last third of XIX – the beginning of the XX centuries	110

**PRESENTATION OF HIGHER EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS OF RUSSIAN FEDERATION – NORTH CAUCASIAN FEDERAL UNIVERSITY
LEGAL INSTITUTE**

<i>Trofimov M.S. (Stavropol)</i>	Influence of social factors on human right and citizen realization on education	115
<i>Strus K.A. (Pyatigorsk)</i>	To the question of application of the reputation rating of higher education institutions of «Times Higher Education» in the Russian practice	118

Lukinova S.A. (Stavropol)	
Execution of an employment agreement with the head of the educational organization: comparative and legal analysis	122
Vysheslavova T.F. (Stavropol)	
Disciplinary responsibility of the being trained	125

TRIBUNE OF YOUNG SCIENTIST

Moiseev E.A. (Engels)	
Protection of the constitutional right of Russian citizens to have access to the public service	130
Chagarov R.A.-A. (Saratov)	
Prospects for the use of video conferencing systems by consideration of civil cases	133
Pratkov D.Y. (Saratov)	
Investment contract as a legal form of capital investments under the legislation of the Russian Federation	136
Sotnyk A.L. (Kiev)	
The subject, aims and objectives of the discipline «Legal Political Science»	141
Tokmin S.A. (Irkutsk)	
Political and legal documents in the system of sources of Russian Law	145
Balayev S.A. (Astrakhan)	
Tax-legal policy of Russia in the context of realization of function of the taxation	150

• ПРАВОВАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА •

А.В. Малько,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
директор Саратовского филиала
Института государства и права РАН
igp@sgar.ru

И.Д. Невважай,

доктор философских наук, профессор,
зав. кафедрой философии Саратовской
государственной юридической академии
inevv@yandex.ru

Правовая жизнь и теневое «право»

Аннотация: в статье анализируются проблемы соотношения категорий «правовая жизнь» и «теневое "право"». Делается вывод о том, что теневое «право» выступает составной частью теневой правовой жизни.

Ключевые слова: правовая жизнь, теневая правовая жизнь общества, теневое «право».

Summary: the problems of correlation of the categories «legal life» and «shadow "law"» are analyzed in the article. The authors come to the conclusion that shadow «law» is the part of shadow legal life.

Keywords: legal life, shadow legal life of society, shadow «law».

Современная юридическая наука испытывает острый дефицит в сфере наиболее обобщающих понятий, которые смогли бы полноценно отразить сложные и многогранные процессы, происходящие в правовом развитии российского общества.

Среди таких понятий, проходящих этап своего становления, на рубеже XX–XXI вв. предложено и понятие «правовая жизнь», под которым можно понимать форму социальной жизни, выражающуюся преимущественно в правовых актах и правоотношениях, характеризующую специфику и уровень правового развития данного общества, отношение субъектов к праву и степень удовлетворения их интересов¹.

Категория «правовая жизнь» приобретает все большую научную и практическую значимость. Именно она призвана отражать сложноразвивающуюся и

¹ См. подробнее: Малько А.В. Новые явления в политико-правовой жизни России: вопросы теории и практики. Тольятти, 1999; Его же. Политическая и правовая жизнь России: актуальные проблемы. М., 2000. С. 35; Его же. «Правовая жизнь» как важнейшая категория юриспруденции // Журнал российского права. 2000. № 2; Его же. Современная российская правовая политика и правовая жизнь // Правовая политика и правовая жизнь. 2000. Ноябрь. С. 21; Его же. Категория «правовая жизнь»: проблемы становления // Государство и право. 2001. № 5; Его же. Правовая жизнь: основы теории // Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. Саратов, 2005. С. 43 и др.

противоречивую юридическую действительность, неразрывную связь многообразных правовых явлений со всеми другими сферами жизнедеятельности общества — экономической, политической, нравственной, религиозной и т. п.

Однако в литературе введение категории «правовая жизнь» в понятийный ряд юридической науки получило неоднозначную оценку. Одни авторы выступают за подобное введение¹, другие согласны с детальным исследованием самой правовой жизни, но не одобряют «придание» ей статуса научной категории².

Идею выдвижения правовой жизни в качестве категории поддержали философы³, этому были посвящены три успешно защищенные кандидатские диссертации⁴, а также ряд монографий⁵, сборников научных трудов и материалов конференций и круглых столов⁶. Научное сопровождение процесса «придания» правовой жизни категориального статуса осуществляется специальными профильными журналами «Правовая политика и правовая жизнь» (издается Саратовским филиалом Института государства и права РАН) и «Правовая жизнь» (издается Институтом государства и права Таджикской академии наук).

С позиции синергетического подхода проблему правовой жизни общества рассмотрел К.В. Шундигов, который верно подметил, что «одной из

¹ См., напр.: Трофимов В.В. Правовая жизнь: теоретические и социально-философские проблемы исследования // Правовая политика и правовая жизнь. 2003. № 4. С. 124–133; Ветютнев Ю.Ю. Закономерное и случайное в правовой жизни // Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. Саратов, 2005; Синюков В.Н., Синюкова Т.В. К обновлению методологии юридической науки // Современные методы исследования в правведении / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. Саратов, 2007. С. 38; Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. 2-е изд., доп. М., 2010. С. 18.

² См., напр.: Баранов В.М. Теневое право. Н. Новгород, 2002; Матузов Н.И. Правовая жизнь как объект научного исследования // Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. Саратов, 2005.

³ См., напр.: Невважай И.Д. Социально-философские основания концепции правовой жизни // Философская и правовая мысль : альманах. Вып. 4. Саратов; СПб., 2002. С. 38–51; Егзаже. История и философия науки в двух частях. Ч. 2: Философские проблемы социально-гуманитарных (юридических) наук. Саратов, 2012. Гл. 3; Демидов А.И. Политико-правовая жизнь: ненормативный аспект // Правовая политика и правовая жизнь. 2002. № 3.

⁴ См.: Михайлов А.Е. Правовая жизнь современной России (проблемы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004; Коновалова А.С. Обычное право в российской правовой жизни : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005; Шиянов В.А. Правовая система и правовая жизнь общества: теоретический аспект взаимодействия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

⁵ См., напр.: Политическая и правовая жизнь модернизирующегося общества / А.И. Демидов, А.В. Малько, А.Ю. Саломатин, В.М. Долгов. Пенза ; Саратов, 2002; Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. Саратов, 2005.

⁶ См.: Политическая и правовая жизнь: федеральные и региональные проблемы : сб. материалов региональной науч. конференции / под ред. А.В. Малько и А.Ю. Саломатина. Пенза, 2001; Актуальные проблемы российской правовой жизни : материалы круглого стола / под ред. А.В. Малько. Самара, 2006; Политическая и правовая жизнь изменяющейся России : межвуз. сб. науч. трудов / под ред. Г.Н. Комковой и А.В. Малько. Вып. 1. Саратов, 2007; Актуальные проблемы правовой политики и правовой жизни современной России : сб. науч. статей / отв. ред. Р.В. Пузиков. Тамбов, 2008; Правовая политика и правовая жизнь России в начале XXI века : материалы междунар. круглого стола / под ред. И.А. Иванникова и др. Ростов н/Д, 2008.

интегративных юридических абстракций, относительно недавно введенных в научный оборот, стало понятие правовой жизни общества», которое «представляет интерес прежде всего в связи с его системным характером, направленностью на отражение весьма обширного комплекса юридических явлений и процессов в качестве организованной целостности»¹.

Думается, использование синергетического подхода в исследовании правовой жизни общества весьма перспективно. Он позволяет по-новому взглянуть на юридическую действительность, выявить в ней самоорганизующиеся начала, определить источники ее развития. Тем самым вносится вклад в создание теории правовой жизни общества, совершенствуется методологический ресурс, с помощью которого названную правовую жизнь можно полноценно анализировать.

Несогласие предоставлять термину «правовая жизнь» категориальный статус высказал, в частности, В.М. Баранов, отметивший, что «категория “правовая жизнь” вряд ли может приобрести строгий гносеологический статус и в силу этого “найти” свое логически оправданное место в понятийных рядах общей теории права». В связи с этим ученый не разделяет «оптимизм А.В. Малько относительно придания понятию “правовая жизнь” статуса самостоятельной юридической категории со всеми вытекающими отсюда последствиями»².

Хотелось бы разобраться обстоятельнее в позиции В.М. Баранова, поскольку она наиболее аргументированна. В своей монографии «Теневое право» автор подчеркивает, что определять «правовую жизнь» через «формы юридического бытия» алогично, ибо «юридическое бытие» — столь же объемная и столь же неопределенная категория, как и «правовая жизнь»³. Мы отчасти согласны с подобным замечанием и предлагаем определять данное понятие посредством более общего (родового) понятия «форма социальной жизни», которое весьма активно исследуется в философской и социологической литературе⁴.

В.М. Баранов отмечает, что десятый признак правовой жизни общества «представляет собой, с точки зрения логики, непримиримое противоречие»⁵. Сам этот признак заключается в следующем: правовая жизнь содержит комплекс всех юридических явлений, включающий как позитивные, так и негативные составляющие. Если *к первым* следует отнести само право (отражающее права человека, идеи справедливости, гуманизма, свободы и т. п.); правовую систему в целом; механизм правового регулирования; законные правовые акты (правомерные действия, их результаты, юридические документы); юридические поступки (как разновидность правомерного действия —

¹ Шундигов К.В. Синергетический подход в правоведении. Проблемы методологии и опыт теоретического применения. М., 2013. С. 108, 109.

² Баранов В.М. Указ. соч. С. 25.

³ См.: Там же. С. 21, 23.

⁴ См., напр.: Барулин В.С. Социальная жизнь общества. Вопросы методологии. М., 1987; Его же. Социальная философия : в 2 ч. М., 1993. Ч. 1; Гидденс Э. Социология. М., 1999; Тоценко Ж.Т. Социология жизни как концепция исследования социальной реальности // Социс. 2000. № 2. С. 3–13; Основные составляющие социальной жизни // Социология. Основы общей теории / отв. ред. Г.В. Осипов и Л.Н. Москвичев. М., 2002; Левашев В.К. Социополитическая динамика российского общества (2000–2006). М., 2007.

⁵ Баранов В.М. Указ. соч. С. 21.

юридического факта) и события как юридический факт; правовые режимы и составляющие их первичные юридические средства (льготы, поощрения, дозволения, запреты, наказания, обязанности и т. п.); правоотношения и юридическую практику; правосознание и правовую культуру; законность и правопорядок; юридическую науку и образование (и их структуры) и т. д.; то ко *вторым* — в основном противоправные явления (преступления и иные правонарушения; их субъектов и криминальные структуры; коррупцию, злоупотребления, деформации правосознания, выражающиеся, в частности, в правовом нигилизме, идеализме, популизме; ошибки в праве и иные препятствующие положительной юридической деятельности факторы).

«Вторая часть этого признака, как видим, в основном, негативная, и именно в этом качестве она “присутствует” как противоположность позитивной составляющей»¹. Однако в данном высказывании не доказывается логическое «непримиримое противоречие», а лишь декларируется.

Можно предположить, что включение нами негативной, противоправной составляющей в понятие «правовая жизнь» представляется с позиции формальной логики уязвимым, поскольку стремится подвести под общее родовое понятие «правовое» разные, в том числе и прямо противоположные явления. Да, это так. Однако нам приходилось уже не раз отмечать, что правомерные и противоправные начала правовой жизни общества являются *правовыми* по своему характеру (в смысле юридическими) и выступают составными частями юридической среды, являются сегментами правового поля. Конечно, и те и другие различаются по природе и направленности, как, например, правомерное и противоправное поведение. Но и то и другое поведение — *правовое*. В связи с этим В.Н. Кудрявцев верно подметил, что «основное различие в рамках правового поведения — это различие между поведением правомерным и неправомерным, противоправным»². Это же подчеркивает и Р.Т. Жеругов, когда пишет, что «понятие “правомерное поведение” является составной частью более широкой категории — “правовое поведение”, содержание которой охватывает любую юридически значимую деятельность, в том числе и противоправную»³.

На наш взгляд, в вышеприведенном положении противоправное поведение обоснованно названо *правовым* (но не *правомерным*), как, собственно, обоснованно называют *правовыми и незаконными актами* (например, конкретный признанный судом незаконный нормативный правовой акт). Ведь в данном случае речь идет не о правомерности либо неправомерности, а об отнесении данных феноменов к юридическим явлениям, не о праве как таковом, а о юридическом бытии, о специфической форме жизнедеятельности, которые неизбежно включают в себя и теневой сектор.

Разумеется, определенные условности («погрешности») присутствуют в подобном понимании. И мы в принципе не против названия более точного и нейтрального — «*юридическая жизнь*», имея в виду в данном случае их синонимический режим использования (*правовой—юридический*).

¹ Баранов В.М. Указ. соч. С. 22.

² Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982. С. 3.

³ Жеругов Р.Т. Теория государства и права. Москва ; Нальчик, 1995. С. 227.

Но разве это касается лишь правовой (юридической) жизни? В полной мере сказанное можно отнести не только к понятиям «*правовое поведение*» и «*правовой акт*» (которые, как уже говорилось, могут содержать в себе и противозаконные элементы), но и к правовой системе общества. В частности, в последнее время некоторые авторы стали включать в понятие правовой системы и негативные элементы, в том числе и правонарушения. Так, В.Н. Карташов отмечает, что «в рамках рассматриваемой нами теории предусмотрен значительный раздел, посвященный социально-правовым отклонениям в правовой системе общества (правонарушениям, юридическим конфликтам, рискам, ошибкам и т. п.)»¹. Правонарушения же, как известно, противоправны, и, следовательно, в таком случае тоже появляется логическое противоречие, и правовую систему в такой ситуации лучше называть «юридической». А разве понятие «правовая информация» содержит в себе только правомерные составляющие?

Таким образом, считаем, что «*правовое*» (в смысле «юридическое») может и должно включать в себя все так или иначе относящееся к праву, не только правомерное, но и противоправное, соответственно, правовая жизнь общества, как и всякая иная (социальная, экономическая, политическая и т. д.), действительно, есть единство противоположностей позитивного и негативного, правомерного и противоправного. Между тем и другим нет никакого логического противоречия. Это две части одного целого — правовой жизни, которые и анализировать необходимо вместе, комплексно, как взаимосвязанные.

В.М. Баранов отрицает обоснованность введения понятия «правовая жизнь». На каком же основании? В частности, он пишет, что «не беднее» понятия правовой жизни другие понятия, такие как «бытие права», «правовая среда», «правовая действительность», «правовая реальность», «правовая сфера»².

Что касается понятия «правовая среда», то оно не является «конкурентом» понятия правовой жизни, ибо не обладает ясным научным содержанием (что значит «среда?»). Точно также может быть оценено понятие «правовая сфера». В лучшем случае оно выступает ненаучным выражением смысла понятий «правовая действительность» или «правовая реальность». Последние два понятия вне определенного философского контекста являются просто синонимичными. Они обозначают совокупность наличных юридических феноменов, которые имеют место в каждом конкретном обществе. Юристы пользуются термином «бытие», как правило, не в философском смысле, а просто для обозначения всего сущего, существующего и относящегося к праву, связанного с правом. Иначе говоря, «правовое бытие» — это все сущее, имеющее атрибут правового; «бытие права» — это право в своем бытии, право, как оно существует в действительности, как оно есть (в смысле наличия). В слове «есть» заключен и другой смысл — связки в суждениях «А есть Б», когда мы говорим о чем-то, что оно не просто есть, а есть что-то, обладает чем-то, принадлежит чему-то. В отличие от понятия правового бытия понятие правовой жизни указывает на то, что право — это не просто

¹ *Карташов В.Н.* Теория правовой системы общества : в 2 т. Ярославль, 2005. Т. 1. С. 55.

² См.: *Баранов В.М.* Указ. соч. С. 22–24.

бытие в широком смысле слова, а то бытие, которое связано с реальной повседневной жизнью людей.

По поводу замечания В.М. Баранова об оправданности понимания «отношения субъектов к праву» как «проявления права» хотелось бы отметить, что критикуемый автор сам подчеркивает, что противоправное поведение есть отношение (негативное) к праву. Можно ли это понимать как «проявление права»? Да, конечно! Аргументация В.М. Баранова такова: «предмет и отношение к предмету — это совершенно разные вещи»¹. В этом положении нет места для спора. Однако существуют две концепции отношений, так что эту фразу можно по-разному толковать: а) отношение к предмету не определено предметом, не зависит от него и б) отношение к предмету обусловлено самим предметом. В последнем случае отношение является не *внешним* для предмета (как в первом случае), а *внутренним*. Иными словами, во-первых, само существование «отношения к» предполагает бытие предмета (в нашем случае — права). При этом само отрицание права (т. е. отношение к нему) предполагается самим существованием права. Так, если закон никогда не нарушается и не может быть нарушен, то его не надо декларировать как правило, которому должно следовать. Во-вторых, определенность бытия права обуславливает совокупность отношений, в которых может находиться, в которые может вступать право. Так же как, например, протяженность вещи предполагает определенные (не всякие!) отношения к ней других вещей. Именно эту концепцию отношений имел в виду Гегель, когда рассматривал неправо как выражение отношения права к самому себе.

Категория «правовая жизнь общества» самым тесным образом связана с категорией «теневое «право», которую предлагает В.М. Баранов в своей монографии. На наш взгляд, теневое «право» — составная часть теневой правовой жизни. «Правовая жизнь, — обоснованно отмечается в литературе, — включает своим содержанием и действия так называемого “теневого права” и различного рода правовые аномалии. Правовая патология в этом смысле также часть правовой жизни, ее ингредиент»². Однако, прежде чем доказать обозначенный тезис, проанализируем сначала то, как В.М. Баранов понимает теневое «право».

Исходя из факта существования правового плюрализма, он считает оправданным рассматривать теневое «право» как составную часть одной из юридических систем, существующих в обществе, и понимает его вслед за В.А. Бачининым³ как специфическую форму неправа⁴. Причем определяет теневое «право» В.М. Баранов, по нашему мнению, весьма противоречиво. Так, сначала он пишет, что «теневое право — разновидность негативного неофициального права», а чуть ниже замечает, что «теневое право “выбивается” из раздела негативного права»⁵.

¹ Баранов В.М. Указ. соч. С. 24.

² Гойман-Калинский И.В., Иванец Г.И., Червонюк В.И. Элементарные начала общей теории права. М., 2003. С. 395.

³ См.: Бачинин В.А. Неправо (негативное право) как категория и социальная реалья // Государство и право. 2001. № 5. С. 14–20.

⁴ См.: Баранов В.М. Указ. соч. С. 9.

⁵ Там же. С. 10.

Что касается употребления гегелевского понятия «неправо», то, судя уже по заголовку статьи В.А. Бачинина («Неправо (негативное право) как категория и социальная реалья»), последний отождествляет данное понятие с негативным правом.

Между тем Гегель обсуждает понятие «неправо» во вполне определенном контексте¹, который, как нам представляется, В.М. Баранов толкует по-своему. Дело в том, что если использовать термин «неправо» по-гегелевски, то это значит, во-первых, анализировать неправо как категорию диалектического отрицания, его нельзя рассматривать как логическое дополнение к понятию права, потому что в этом случае возникает вопрос о том, частями какого (третьего) понятия выступают право и неправо? По-гегелевски неправо является моментом самого понятия права. Во-вторых, по Гегелю, неправо есть момент самоотрицания, или отрицательный момент, права, т. е. результат отношения права к самому себе. В-третьих, право, опять же по Гегелю, есть тезис, неправо — антитезис, а их синтез ведет (или образует) к более содержательному понятию права. Поэтому неправо нельзя, если следовать Гегелю, понимать как особый вид права. Оно может быть понято только как выражение отношения права к самому себе (внутри себя), как отношение к праву, но не извне, а внутри бытия самого права.

К тому же, согласимся с Н.И. Матузовым в том, что «В.М. Баранову, возможно, уже в самом названии своей книги слово право следовало взять в кавычки, ибо на самом деле теневое право — это не подлинное, не настоящее право, а квазиправо, нечто фальшивое, суррогатное и вредное. Вообще не право»². Именно поэтому в данной статье мы так и используем анализируемое нами «право», взяв его в предлагаемые кавычки.

Кроме того, согласно представлениям В.М. Баранова, теневое право есть разновидность неофициального права (это не то же самое, что неправо!), специфическим признаком которого автор считает его негативность³. Но в таком случае логически оправданно использовать также понятие «позитивного» неофициального права. Что это такое? Такого рода неофициальное право является уже не тенью права, а правом?! Что означает тогда «позитивность» и «негативность» неофициального права?

На наш взгляд, В.М. Баранов не четко прописывает характеристики теневого права, то подчеркивая его «негативность» и необходимость борьбы с ним как с негативным явлением (чего? — не теневой ли правовой жизни?), то указывая, что «неофициальное право является глубинной основой официального права»⁴. Тогда с каким из теневого «прав» надо бороться?

Не лучше ли тогда вместо понятия теневого «права» использовать дихотомию официального и неофициального права? Подменять ее дихотомией «право–неправо», где неправо отождествляется с тенью «правом», некорректно. Стоит также обратить внимание на то, что противоречия, возникаю-

¹ См. подробнее: *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М., 1990. С. 137–141.

² *Матузов Н.И.* Правовая жизнь как объект научного исследования // Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект. Саратов, 2005. С. 32.

³ См.: *Баранов В.М.* Указ. соч. С. 13.

⁴ Там же.

шие в рассуждениях В.М. Баранова по поводу теневого «права», связаны с использованием двух значений «негативного» (и «позитивного»): как синоним «плохого», «отрицательного», «вредного», «разрушительного» (и, соответственно, «хорошего», «прогрессивного», «полезного», «конструктивного») и как обозначение «неофициального» (соответственно, «официального») права. Все это проявляется в утверждениях, что теневое право содержит в себе как позитивные, так и негативные феномены. Получается так, что неофициальное теневое право является, с одной стороны, глубинной основой официального права, а с другой, — оно выступает основой «воспроизводства преступной сферы»¹. Не совсем ясно тогда, только ли теневое право (и какое именно) является основой воспроизводства преступной сферы, или этому способствует и официальное право, возникшее на «глубинной основе» неофициального права?

Несмотря на «теоретические реверансы» в сторону позитивного значения теневого права (что в общем-то верно), В.М. Баранов признается, что «теневое право — отрицательное проявление юридического плюрализма, специфическая форма неправа, опасная разновидность негативного неофициального права, представляющего собой находящийся в состоянии борьбы с официальным правом свод асоциальных обязательных, устанавливаемых самими участниками общественных отношений, предписаний, символов, ритуалов, жестов, жаргона, посредством которых регламентируются все этапы противоправной деятельности, образуется теневой правопорядок, охраняемый специальными морально-психическими, материальными и физическими санкциями»².

Тут проявляется, на наш взгляд, непоследовательность автора в оценке места, роли и содержания теневого права, которое рассматривается В.М. Барановым все же как *право*. Но тогда не получаем ли мы право на противоправную деятельность?

По поводу критики В.М. Барановым понятия «теневая правовая жизнь» хотелось бы сказать следующее. По нашему мнению, оно более корректно, чем понятие «теневое право», поскольку о негативных и позитивных сторонах жизни (в том числе и правовой) можно говорить, не впадая в логические противоречия, с которыми мы сталкиваемся, когда логическим субъектом выступает не «жизнь», а «право» (как у В.М. Баранова). В этом случае, выражаясь философским языком, субстанцией негативного и позитивного выступает не право (как у В.М. Баранова), а жизнь, правовая (юридическая) жизнь.

Казалось бы, В.М. Баранов должен не отрицать концепцию правовой жизни, а наоборот, постараться вписать в нее теневое «право» как компонент теневой юридической жизни. Между тем сам ход его исследования привел к тому, что он вынужден был анализировать всю негативную составляющую именно юридической жизни — нормы, деформированное правосознание, язык и т. д.

В частности, анализируя «теневое преступное право», В.М. Баранов «выходит» и на соответствующую теневую юридическую жизнь, отмечая, что, «как и во всех биологических сообществах, в преступных формированиях люди стратифицируются по определенным категориям (слоям, кастам)», что

¹ Баранов В.М. Указ. соч. С. 14–18.

² Там же. С. 20–21.

«стратификация подчинена характеру и особенностям преступной деятельности», что «жизненно важное значение для преступных сообществ имеет сокрытие своей жизни от внешнего мира», что, например, «вор в законе» обязан: активно участвовать в жизни «воровского сообщества»; проживать на средства, добытые преступным путем; пропагандировать «воровские обычаи». Об этом же говорится, когда перечисляются особенности тюремной жизни. Обращаясь к опыту специальных исследований в сфере теневых социально-экономических отношений, автор прямо называет их «теневой жизнью»¹.

Названные и многие иные иллюстрации из книги В.М. Баранова свидетельствуют о том, что им дается анализ не столько теневого «права», сколько теневой составляющей юридической жизни.

Таким образом, теневое «право» выступает лишь частью правовой жизни, точнее частью ее теневого сегмента. Тем самым само понятие теневого «права» есть аргумент в пользу значимости категории правовой жизни.

¹ Баранов В.М. Указ. соч. С. 28, 29, 46 и др.

Ю.А. Гаврилова,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры теории и истории права и
государства Волгоградского
государственного университета
juliagavr@yandex.ru

Понятия «смысловое поле права», «правовое поле», «правовая жизнь»: проблемы соотношения

Аннотация: в статье раскрываются взаимосвязи понятий «правовое поле» и «правовая жизнь», наполненных своими содержательными аспектами, с понятием смыслового поля права. Смысловой контекст связывает субъекта права и окружающее его правовое бытие, придавая им динамическое смысловое единство: ценностное, идейное, нормативное.

Ключевые слова: смысл права, смысловое поле, правовое поле, правовая жизнь, субъект.

Summary: The article covers the interrelationship between the concepts of «legal field» and «legal life», with the semantic field of the right. The semantic context of subject associates and the legal existence, giving the dynamic unity of meanings.

Keywords: meaning of law, semantic field, legal field, legal life, subject.

Исследование проблемы смысла права в современном российском правоведении предполагает обращение к понятиям теории права, необходимым для рассмотрения этой проблемы во всей содержательной полноте, глубине и актуальности. Наиболее тесная связь в юридическом аспекте прослеживается между понятиями «смысловое поле права», «правовое поле» и «правовая жизнь». Право воздействует на общественные отношения не само по себе, а путем влияния на сознание и поведение человека, вступающего в

эти отношения с другими людьми, и без связи с личностью, ее проблемами и нуждами, социальная эффективность права будет крайне низкой. Несмотря на то что большинство исследователей признают эту «субъектно-объектную» дихотомию права, особенности гносеологического аппарата человека таковы, что он не может «вынести себя за скобки» из исследовательской ситуации, а поэтому почти всегда склонен отступать от принципа подобной «парности» и оказывать предпочтение какой-либо одной стороне категориальной пары. Осмысление указанного феномена позволяет предположить, что именно по этим критериям близкие по смыслу и содержанию понятия правового поля и правовой жизни наполнены своими содержательными аспектами, и при этом ни одно из них не находится в отношениях конфронтации с понятием смыслового поля права.

Важно отметить также, что не все ученые признают категориальный статус всех выделенных нами понятий. Так, вместо термина «правовое поле» часто употребляются понятия правового пространства и сферы правового регулирования¹. Правовая жизнь как совокупность многообразных правовых отношений в обществе рассматривается как явление или понятие, тяготеющее к тому, чтобы стать еще и категорией². Наконец, понятие смыслового поля права, активно разрабатываемое современной философией, культурологией, психологией, политологией и лингвистикой, обладает значительным потенциалом для трансформации в самостоятельную категорию юридической науки. Оно представляет собой интегративную теоретико-познавательную модель смысла права, аккумулирующую в себе комплекс инструментов для освоения и анализа как правового поля, так и правовой жизни, но в особом ракурсе, под особым углом общенаучной проблемы смысла³.

Введение понятия «правовое поле» стало актуально на определенном этапе развития общей теории права по следующим причинам: 1) оно определяло сферу действия права и его общие рамки (границы); 2) указывало начало неправового пространства, где действуют иные социальные регуляторы: мораль, религия, обычаи и т. д. Разумно вспомнить и мир обыденных мыслей, чувств, идей, переживаний, часто не подвластных силе официального правового нормирования; 3) констатировало существование определенного механизма динамики в правовом регулировании общественных отношений, когда правовое и неправовое пространство могут двигаться навстречу друг другу, отдаляться, а иногда и взаимно пересекаться; 4) устанавливало меру гармоничного взаимодействия права и других социальных норм с тем, чтобы избежать деформаций правосознания, прежде всего крайностей правового нигилизма и правового идеализма.

¹ См.: Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права : учебник для вузов. М., 2002. С. 315; Капустина М.А. О понятии «правовое поле» // Правоведение. 2006. № 6. С. 220–222; Лазарев В.В. Общая теория права и государства : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 142.

² См.: Матузов Н.И. Правовая жизнь как объект научного исследования // Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект. Саратов, 2005. С. 16–19.

³ См.: Гаврилова Ю.А. Смысловое поле права (философско-правовой аспект). Волгоград, 2011. С. 46–49; *Ее же*. Понятие толкования права в контексте идеи смыслового поля // Вестник СГАП. Саратов, 2007. № 5. С. 34–38.

Представляется, что все обозначенные потребности в оперировании понятием правового поля продолжают реализацию в концепции смыслового поля права хотя бы потому, что позволяют обнаружить и закрепить в сознании: 1) объем смыслового охвата общественных отношений, подпадающих, по устоявшемуся выражению, под «юрисдикцию» права; 2) смысловые пределы действия правовых норм в той или иной социальной сфере; 3) «социально-предметный» слой смысла права, подвижный до границ его взаимодействия с иными социальными сферами; 4) адекватную смысловую модель отношения к праву как особому достижению человеческой цивилизации, отличному от других форм и способов социально-нормативной регуляции.

Основными аргументами за использование понятия «правовая жизнь» в категориальном аппарате юридической науки являлись следующие положения: 1) оно позволяет под особым углом зрения общекультурных факторов взглянуть на право и процесс его воздействия на общественные отношения; 2) рассматривать правовые явления в единстве институциональных (статических) и поведенческих (динамических) аспектов бытия; 3) глубже, основательнее и более комплексно познать правовую реальность, состоящую как из позитивных, так и из негативных элементов; 4) увидеть уровень действительной правовой культуры и степень существующего правосознания всех социальных субъектов; 5) определять основополагающие принципы юридической взаимоотношений личности и власти; 6) оценивать право как один из важнейших цивилизованных социальных регуляторов отношений людей. Вместе с тем данные задачи параллельно формулируются и решаются в теории смыслового поля права. В этом аспекте правовая жизнь есть настоящая актуализация смыслового поля права, а оно — когнитивная схема познания правовой жизни.

Думается, что понятие «правовое поле» тяготеет к «объективному» праву, действующему через всю систему институционально-нормативных форм его выражения, а понятие «правовая жизнь» — напротив, распространяет смысл на «совокупность многообразных видов и форм юридической жизнедеятельности субъектов в обществе, представленных в итоге как мир упорядоченных (предусмотренных) нормами права реалей (действий, поступков, отношений)»¹. При этом нельзя отрицать, что правовое поле конституируется в сознании человека через систему его проективных и реальных юридических действий, а правовая жизнь вполне реально опирается на заранее установленные, заданные образцы поведения. «Разумеется, большую роль в ней играют также инициативные, свободные действия субъектов, их личные устремления, потребности, интересы, но в целом поведение индивида должно находиться в рамках правового поля. Вне этого поля простирается другая, неправовая жизнь, в том числе противоправная»².

¹ Малько А.В. Правовая жизнь: основы теории // Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов, 2005. С. 43.

² Матузов Н.И. Правовая жизнь как объект научного исследования // Там же. С. 28.

Если бы правовое поле понималось только догматически как «объективная» оболочка, форма того жизненного пространства, в котором оказывается человек, то сразу появился бы соблазн, особенно у субъектов политической власти, прежними юридическими средствами сузить пределы жизненного мира человека. Это можно было бы квалифицировать как «возрожденный» или «цивилизованный» этатизм. Напротив, включение личности в сложную и разветвленную систему правовых отношений наполняет адекватным смыслом соответствующее правовое поле. Тогда правовое поле предстает как «осмысленное» пространство, очерчивающее актуальные границы правового бытия личности и обозначающее исходные «пункты» ее взаимодействия с окружающей правовой, моральной, политической и другой средой. В этих открытых границах человек свободен и самореализуется. Каково оно, правовое поле, человек может понять, реконструировав транслированный ему через правовое поле смысл и (или) наполнив его (правовое поле) индивидуальным ценностным смыслом. Без феномена смысла правовое поле постепенно воспринималось бы пустым физическим пространством и лишь в единстве с нормами права создавало бы позитивно-правовое бытие. Однако нормирование, «измерение» степени свободы в законодательстве и иных формальных юридических источниках права — суть внешнее проявление глубинных процессов осмысления правового поля, осуществляемого каждым правовым субъектом и выражаемого в смысловом поле права.

Рассмотрение на методологическом уровне проблемы смысла права требует и выявления граней взаимодействия смыслового поля права и правовой жизни. Если представить правовую жизнь вне контекста смысла, то мы имели бы картину механического перемещения в социальном пространстве субъектов права, поведение которых направляется, сохраняется, передается и преобразуется нормами права — источниками внешнего воздействия. Напротив, правовая жизнь представляет собой компактное выражение многообразия практической деятельности человека в правовой сфере, но не ограничивает свое содержание правовыми актами, охватывая также правовую систему — специфику правовой действительности, правовую культуру — уровень существования правовой действительности, правосознание — отношение субъектов к праву, проблемы эффективности правотворчества и реализации права — степень удовлетворения людьми своих законных интересов, а также, возможно, и другие юридические явления, если они характеризуют право под углом всех форм его бытия и проявления в общественной жизни¹. Вместе с тем важно отметить, что смысловые рамки самого понятия правовой жизни во многом зависят от того, не отдаляется ли исследователь правовой жизни от общей проблемы смысла права. Ведь смысловой контекст связывает субъекта права и окружающее его правовое бытие, придавая тому и другому живое и динамическое смысловое единство: ценностное, идейное, нормативное и поведенческое, что нередко выглядит в современном изменчивом мире как более широкий подход, чем констатация исключительно логического единства всеобщего (правового бытия) и

¹ См.: Михайлов А.Е., Невважай И.Д. Правовая жизнь // Правовая политика: словарь и проект концепции. Саратов, 2010. С. 47.

единичного (человека, субъекта, личности). Одновременно с этим смысловая проблематика придает правовой жизни разнообразие, т. к. чем больше различного и неповторимого представлено в индивидуальных картинах мира всех субъектов права, тем более уникальной представляется и сама правовая жизнь, состоящая из актов жизнедеятельности этих субъектов.

По нашему мнению, точкой пересечения понятий правового поля и правовой жизни выступает понятие смыслового поля права. Однако это не просто отношения частичного совпадения понятий по объему. Это особого рода отношения функционального дополнения, взаимной соотнесенности. Данный взгляд представляется обоснованным, особенно, если принять во внимание точку зрения М.И. Байтина о том, что именно человек как носитель прав и обязанностей — центр правовой жизни (а не правовой системы общества)¹. Через смысловое поле права человек самоидентифицируется, т. е. определяет свое место и роль в правовом поле и правовой жизни. В связи с тем, что правовое поле создает массу потенциальных, не всегда реализуемых юридических возможностей, оформляет известное пространство социальной свободы и активности, сам процесс осмысления (понимания), объяснения и интерпретации действительного поведения личности образует смысловой радиус правового поля, идеальный план его восприятия как данности, действительности, сущего. Соответственно, оценка реальных правовых явлений в процессе непрерывно протекающей правовой жизни, общее «встраивание» результатов этой оценки в структуру потребностей, интересов, целей и мотивов юридически значимого поведения личности позволяют говорить о своеобразной смысловой составляющей правовой жизни. Ее богатство, многообразие и неисчерпаемый потенциал представляются сознанию во многом потому, что правовая жизнь концептуализируется разными людьми, с различным уровнем индивидуального правосознания и правовой культуры, имеющими неодинаковый социальный статус, интеллектуальные, профессиональные и психологические особенности. Единство же человеческого осмысления правовой жизни как целостного феномена как раз может быть достигнуто путем универсализации знания о праве на уровне смысла: с помощью концепта права и его смыслового поля.

Таким образом, огромное значение при анализе сложной и многогранной проблематики смысла права имеют понятия «смысловое поле права», «правовое поле» и «правовая жизнь». Возникнув в рамках самостоятельных научных течений и претендуя на известную универсальность по отношению к другим правовым явлениям, они приобретают максимальное качество универсальности при корреляции друг с другом. Данные понятия взаимно пересекаются в общем понятийном аппарате теории права и создают определенный диапазон для обозначения содержания, направленности и примерных границ познания общей проблемы смысла права.

¹ См.: Байтин М.И. Право и правовая система: вопросы соотношения // Право и политика. 2000. № 4. С. 4–14.

И.О. Кузнецова,
кандидат социологических наук,
доцент кафедры истории и социологии
политики Саратовской государственной
юридической академии
tss@sgap.ru

Специфика коммуникации региональных политических лидеров и электората в информационном обществе*

Аннотация: в статье анализируются модели коммуникации политических лидеров и электората в зависимости от уровня информатизации субъектов государства, в которых они осуществляют свою деятельность. Изучаются общие особенности модели лидер-электорат в регионах со средним и высоким уровнем развития информационно-коммуникационных технологий.

Ключевые слова: политическая коммуникация, информационное общество, коммуникационные модели, информационно-коммуникационные технологии, индекс информатизации, электоральные технологии, регионализация, информационное пространство власти, политическое лидерство, политический лидер.

Summary: the article analyzes communication models of political leaders and electorate depending on the level of Informatization of the subjects of the state in which they operate. Study General features of the model leader-the electorate in the regions with medium and high level of development of information and communication technologies.

Keywords: political communication, information society, communication models, electoral technologies, information and communication technologies, the index of Informatization regionalization, the informational space of power, political leadership, political leader.

Формирование регионального политического лидерства в современной России имеет свои особенности. Процесс его институционализации проходил в условиях демократизации российского общества, утверждения основ разделения властей, становления федеративного государства, создания новых правовых механизмов взаимодействия ключевых политических и общественных субъектов. При этом, как полагают многие специалисты, на характер регионального политического лидерства в большей степени повлияли административно-территориальные реформы. В частности, отмечается, что региональное политическое лидерство как особое политическое явление в условиях федеративных государств как в России, так и в остальном мире имеет ряд особенностей¹. Лидер практически каждого административно-территориального субъекта вынужден подбирать свой уникальный «код» и «формат общения» как электоратом, так и с федеральными органами власти. От степени успешности выбора этого формата взаимодействия зависит эффективность его политики и понимание социумом проводимых им

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 6.3474.2011 «Образ политического лидера в региональном пространстве современной России» в соответствии с Государственным заданием на оказание услуг (выполнение работ) Министерства образования и науки Российской Федерации.

¹ См.: Гельман В. Региональные режимы: завершение трансформации? // Свободная мысль. 1996. № 9.

решений и действий. Задача настоящей статьи — исследовать модели взаимодействия региональных политических лидеров и электората в условиях становления информационного общества.

В современной России каждый субъект не только отличается специфическими культурными, экономическими и правовыми характеристиками, но и имеет разный уровень информатизации. Индексы готовности регионов к информационному обществу (ИО-индекс) рассчитываются с целью оценки характера и масштаба использования в них новейших информационно-коммуникационных технологий в различных сферах общественной жизни, в том числе и в политике. Применительно к России данный индекс рассчитывается на основе более 70 различных показателей¹. При этом максимальное значение индекса составляет 7 баллов². Относительно некоторых регионов России его значение за 2009–2010 гг. выглядит следующим образом: «за 2004–2005 гг. индексы колебались в пределах от 1,96 (Республика Ингушетия) до 5,65 (г. Москва)... по трем регионам (г. Москва, г. Санкт-Петербург и Томская область) ИО-индексы были выше 4,00; по пяти регионам (Самарская и Мурманская области, Чукотский автономный округ, Республика Карелия и Тюменская область) ИО-индекс составил 3,51–4,00; в 26 регионах — 3,01–3,50»³.

Такие различия в готовности населения и органов власти использовать информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) в своей деятельности программируют выбор политическими лидерами той или иной модели взаимодействия с электоратом. Эти модели могут быть объединены в два основных типа: «рациональная» и «творческая». Как в «рациональной», так и в «творческой» коммуникационных моделях важное значение имеет восприятие политического лидера с точки зрения его репутационных характеристик. Эти репутационные характеристики могут вырабатываться посредством различных подходов и имеют ярко выраженную региональную специфику. При этом в зависимости от степени развития в регионе (субъекте) ИКТ, в структуре восприятия политического лидера, полученной в различных электоральных группах, имиджевая и содержательная составляющие репутации проявляются неодинаково. Имиджевая составляющая приобретает решающее значение в субъектах, где ИКТ широко распространены во всех сферах общественной жизни. Содержательная составляющая играет особую роль в регионах, где уровень развития ИКТ еще не достаточно высок.

¹ По данным Министерства информационных технологий и связи РФ. См.: URL: <http://minsvyaz.ru> (дата обращения: 12.08.2013).

² См.: Индекс готовности регионов России к информационному обществу. 2004–2005, 2005–2006, 2007–2008, 2008–2009, 2009–2010. URL: <http://minsvyaz.ru/ru/directions/struct/> (дата обращения: 14.09.2013).

³ *Адамадзиев К.Р., Адамадзиева А.К.* Связи, зависимости и динамические тенденции в экономике регионов: оценка методами математического и компьютерного моделирования // Открытое образование. 2011. № 2. С. 297–301.

М.В. Горбачев,
кандидат политических наук, старший
преподаватель кафедры теоретической
и прикладной политологии Саратовской
государственной юридической академии
e-mail: ktp@sgap.ru.

Особенности трансформации моделей регионального политического лидерства в общественно-научном дискурсе современной России*

Аннотация: в статье анализируются институциональные и прочие характеристики политического лидерства в современной России. Изучаются его исходные типы и возможные модели для трансформаций. Определяется зависимость эволюции политического лидерства в контексте осуществляемых государством политико-правовых реформ.

Ключевые слова: политическое лидерство, политический лидер, политический руководитель, команда политического лидера, управленческая команда, модели политического лидерства, пространство региональной политической власти.

Summary: the article is devoted to analysis of the institutional and other characteristics of the political leadership in modern Russia. They study his source types and possible models for transformations. Determined the dependence of the evolution of the political leadership in the context of state for political and legal reforms.

Keywords: political leadership, political leader, a political leader, a team leader, management political leadership, the space of the regional political authorities.

Региональное политическое лидерство представляет собой одну из важнейших характеристик постсоветской России. Фактически до 2000 г. наблюдались процессы укрепления региональных властей, формирования региональной политической элиты. Несмотря на ряд политических реформ начала XXI в., включавших в себя меры по укреплению федеральной вертикали власти и ее контролирующих функций¹, региональное политическое лидерство останется важным компонентом российской политической системы. Задача настоящей статьи — исследовать трансформацию образа регионального политического лидера в научном и общественном дискурсах современной России.

По мнению ряда ученых, образ руководителя региона, сложившийся за последнее время, не вполне соответствует реальности. Это не просто хозяйственник-прагматик, как это принято считать; скорее, это — прагматик-политик, умеющий сопоставлять политическую ситуацию на федеральном уровне с ситуацией в регионе, выбирать эффективный вариант политического

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 6.3474.2011 «Образ политического лидера в региональном пространстве современной России» в соответствии с Государственным заданием на оказание услуг (выполнение работ) Министерства образования и науки Российской Федерации.

¹ См.: Трофимова В.В. Основные каналы рекрутирования современной российской политической элиты // Полис. 2011. № 2. С. 53–55.

поведения, обладающий тонкой политической интуицией¹. Другой моделью регионального лидерства, которую выделяют исследователи, являются политики, пришедшие из бизнеса. Нередко они не имеют или имеют очень мало опыта политического администрирования, слабо представляют структуру региона².

На современном этапе, по мнению ученых и общественных деятелей, в регионах необходим человек, который должен не только обладать широким мировоззрением, быть хорошо образованным, но и уметь проявлять гибкость в восприятии новой информации, иметь высокий уровень адаптивности, познавательной активности, интеллектуального роста, быть открытым новому опыту³. Данное утверждение показывает, что современное региональное политическое лидерство должно быть настроено на сотрудничество, что позволит минимизировать риски возникновения региональных конфликтов и недовольства властью со стороны граждан, а также поможет оперативно решать насущные проблемы региона.

Еще одним немаловажным аспектом рассматриваемого явления выступает то, как осуществляется власть региональных политических лидеров над своим окружением. Так, рядом исследователей утверждается, что «данный институциональный механизм связан с возможностью лидеров формировать и контролировать свое непосредственное окружение... изменения в его составе и полномочиях отражаются на влиянии лидера... окружение само по себе накладывает отпечаток на влияние лидера и может, вероятно, играть некоторую роль в росте или снижении влияния лидера»⁴.

Таким образом, в научном и общественном дискурсах современный региональный политический лидер позиционируется с вполне четкими и определенными характеристиками. Эти характеристики составляют самую общую модель регионального политического лидерства. Полагаем, что сегодня региональный политический лидер должен не только иметь хорошее образование, четкие жизненные позиции, но и уметь адекватно выстраивать вертикаль властеотношений со своими подчиненными. Он должен обладать соответствующими нравственными, культурными и моральными качествами. Для решения региональных проблем лидер должен уметь четко формулировать цели, достижение которых было бы ограничено конкретными временными рамками. Немаловажно и то, что современный лидер должен проявлять настойчивость при отстаивании интересов региона во взаимодействии с федеральной властью.

¹ См.: *Понеделков А.В., Старостин А.М.* Региональные административно-политические элиты России: прошлое, настоящее, будущее // *Полис.* 2008. № 6. С. 86–87.

² См.: Там же. С. 86–98.

³ См.: *Хребина С.В., Асриева Е.Н.* Феномен политического лидерства: теоретическая проекция // *Вестник Института стратегических исследований ПГЛУ* : сб. науч. трудов. Вып. 1: Конфликты — безопасность — геополитика: стратегический анализ современного мирового развития. Ставрополь, 2011. С. 10.

⁴ *Гржейщак С.Е.* Региональное политическое лидерство в современной России: институциональный аспект // *Общественные науки и современность.* 2000. № 1. С. 36–39.

М.К. Гамзатов,
магистрант факультета национальной
безопасности Российской академии
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ
ksg56@mail.ru

Правовой статус Каспийского региона (политический аспект)

***Аннотация:** в статье анализируется проблема определения правового статуса региона Каспия и вопросы политико-правового взаимодействия прикаспийских государств в нахождении консенсуса в использовании его природного богатства.*

***Ключевые слова:** Каспийский регион, правовой статус, правовое регулирование, геополитика, ресурсы, сотрудничество.*

***Summary:** the problem of the legal status of the Caspian region and the issues of political and legal cooperation of the Caspian states to find a consensus on the use of its natural wealth is analyzed in the article.*

***Keywords:** Caspian region, legal status, legal regulation, geopolitics, resources, cooperation.*

В научном политическом дискурсе термин «Каспийский регион» стал широко использоваться в последние десятилетия, преимущественно зарубежными политологами. Тем не менее в научной литературе понятие «Каспийский регион» еще не имеет четкого определения, которое содержало бы полную характеристику данного пространства. Вместе с тем важность исчерпывающего определения Каспийского региона, обобщающего существующие подходы и концепции, определяется сложностью современной геополитической ситуации. Поскольку Каспий вошел в зону жизненных интересов многих стран мира, стал ареной геополитической борьбы и соперничества, интерес к нему — как экономический, так и политический — существенно возрос. Кроме того, данный интерес определяется наличием значительных запасов углеводородных ресурсов, биоресурсами, пересечением транспортных путей¹.

Понятие «Каспийский регион» широко применяется в средствах массовой информации и в Интернете, причем следует заметить, что оно основывается не на четком научном определении, а скорее на интуитивном понимании, что позволяет трактовать его весьма неоднозначно и нередко противоречиво.

Пожалуй, самой сложной проблемой, не позволяющей в перспективе решать разновекторные проблемы Каспия, представляется проблема определения статуса каспийского пространства. Решая ее, государства региона неизбежно сталкиваются с необходимостью нахождения консенсуса в реализации собственных интересов и приоритетов. На сегодня позиции России, Казахстана, Ирана, Туркмении и Азербайджана разнополярны, они не могут найти общий подход, который становится краеугольным камнем в решении задач обеспечения региональной стабильности и безопасности региона.

¹ См.: Зонн И.С., Жильцов С.С. Новый Каспий. География, экономика, политика. М., 2008.

Данная проблема многомерна, ибо включает такие непростые и взаимосвязанные вопросы, как определение международного статуса моря-озера, оформление водных границ прилегающих государств, правила судоходства и использования недр водоема, прокладка трубопроводов по дну моря, согласование пределов рыболовства, в том числе связанных с сохранением и размножением ценных пород осетровых рыб, сбережение природных богатств его флоры и фауны, возможность военного присутствия и иные виды деятельности в пределах акватории и на прилегающих территориях Каспийского бассейна.

Решение проблемы объективно усложняется тем, что в мировой практике, по сути дела, отсутствуют аналоги такой запутанной юридической ситуации и, соответственно, прецеденты решения подобного вопроса. Проблема правового статуса в новых геополитических и региональных условиях остается актуальной еще и потому, что без его определения немыслимо согласованное решение большинства общекаспийских проблем, в том числе наращивания милитаризованности региона, острота которых с течением времени не только не ослабевает, но и продолжает нарастать.

Неопределенность правового статуса приводит к конфликтам, на разрешение которых требуется длительное время, что может вызвать серьезные осложнения во взаимоотношениях между прикаспийскими странами, не в последнюю очередь связанные с определением принадлежности участков морского пространства, где по прогнозам могут находиться нефтегазоносные месторождения.

Иными словами, проблема определения правового статуса Каспийского моря постепенно переходит в разряд затянувшихся, «вечных» тем для государств Каспия и экспертного сообщества. Это объяснимо, т. к. несмотря на многосторонние встречи и саммиты глав государств региона, споры об определении статуса самого большого в мире внутреннего моря-озера, где сосредоточены огромнейшие запасы углеводородного сырья, не утихают, порой приобретая конфликтную окраску.

Еще в начале 1990-х гг. встал вопрос о формировании нового правового статуса Каспийского бассейна. Тогда все прибрежные каспийские государства согласились, что решить его можно, разработав соответствующую конвенцию. В связи с этим за двухлетний период с 1995 по 1996 г. было проведено множество встреч и конференций по поводу определения нового правового статуса Каспия. В частности в Ашхабаде, где состоялась первая из таких встреч, были рассмотрены вопросы реализации российского проекта по сохранению и использованию биоресурсов Каспия. В результате проект был согласован по всем пунктам, кроме пункта о правовом статусе (в частности, не урегулирована протяженность зон исключительной юрисдикции прибрежных государств на рыбную ловлю¹).

¹ На встрече предлагались различные варианты: Россией — 15-мильное ограничение рыболовных зон прибрежных государств, Казахстаном — до 25 миль, Ираном — до 30, Туркменистаном и Азербайджаном — до 40 миль. По итогам встречи было установлено 20-мильное ограничение рыболовных зон прибрежных государств. Против выступил лишь Азербайджан, который отказался признать данную норму, заявив, что ее признание предопределяет правовой статус Каспийского моря.

С тех пор многие расхождения и противоречия удалось разрешить и преодолеть. Россия, Казахстан и Азербайджан теперь выступают с единых согласованных позиций по ряду вопросов, в том числе принципиальных. С ними сближается Туркменистан. И все же противоречия сохраняются. Приходится констатировать, что до настоящего времени не сформировался единый подход к вопросу о возможности принятия согласованного решения по всему комплексу проблем, которые должны быть отражены в предполагаемой конвенции. По итогам 30-го специального заседания Рабочей группы по разработке Конвенции на уровне заместителей министров иностранных дел прикаспийских государств, состоявшейся в 2011 г., было согласовано около 60 % текста, но не были решены вопросы раздела водного пространства, что, в свою очередь, оставило открытой проблемы использования биоресурсов и рыболовства и присутствия военно-морского флота. Было высказано пожелание — до созыва Четвертого саммита по Каспию в Москве эти вопросы доработать и обсудить полный текст Конвенции для последующего ее принятия.

Очевидно, что определение нового юридического статуса Каспия — процесс длительный, требующий поэтапного согласования, исходя из реальных жизненных условий. В первую очередь, безусловно, нуждаются в урегулировании принципиальные экологические проблемы: недропользование, сохранение биоресурсов, защита природной среды Каспия, дабы не нарушить уникальность данного региона.

Российская Федерация призывает двигаться к заключению консенсусных договоренностей на всех этих направлениях и параллельно разрабатывать соответствующие межгосударственные соглашения, вводя их в действие по мере готовности, даже если на других направлениях дело продвигается не столь удачно. Как считают российские эксперты, концепция «единого пакета», когда все соглашения вступят в силу одновременно, может затормозить процесс реализации договоренностей, которые уже достигнуты¹.

Следует также отметить, что процесс правового урегулирования каспийских проблем заметно отстает от реальности. Экономическое использование каспийского пространства и нарастающая милитаризация Азербайджана, Казахстана и Туркменистана под контролем США ушли далеко вперед от его юридического оформления, что создает поводы для беспокойства. Отсутствие правового фундамента затрудняет возможность выстраивать социально-экологическую и энергетическую инфраструктуру региона и обеспечивать цивилизованное сосуществование прибрежных государств, их сотрудничество между собой в плане развития хозяйственной деятельности и природоохраны Каспийского моря.

Серьезным препятствием на пути к полному согласию на Каспии остается существующий спор между Ираном и Азербайджаном и между Азербайджаном и Туркменистаном о принадлежности ряда месторождений. Представляется, что акцент необходимо сделать, прежде всего, на решении задач о разделе или совместной эксплуатации конкретных спорных месторождений, а не на вопросе о разграничении зон недропользования (хотя его решение также существенно), т. к. в случае использования метода

¹ См.: Ланда К. Каспийская модель регионального сотрудничества. М., 2008.

ресурсного разграничения никаких подсчетов в квадратных милях или процентах площадей не потребует.

Россия и Иран с самого начала высказывали мысль о необходимости придания Каспию правового статуса «кондоминиума» («общего владения»), чтобы все каспийские вопросы решались исключительно прикаспийскими государствами. Особенно это касается США и Турции, проявляющих повышенную заинтересованность в контроле за развитием отношений, в создании каспийской буферной зоны между Ираном и Россией как сдерживающего фактора против влияния России в регионе.

Пока Россия придерживалась своих прежних позиций о неделимости Каспия, Иран являлся ее главным потенциальным союзником. Это объяснимо, т. к. оба государства формально считались его «владельцами». По мнению иранской стороны, совместное владение Каспийским морем и использование каспийских ресурсов на равных для прикаспийских государств правах должно осуществляться на принципе справедливости. МИД Ирана подчеркнул, что в условиях отсутствия взаимоприемлемых договоренностей по правовому статусу Каспия «любое одностороннее действие какой-либо из стран может быть квалифицировано как внеправовое»¹. Иран обеспокоен тем обстоятельством, что в обстановке «неразделенного» общего каспийского водного пространства «предугадать, что правительства Азербайджана или Казахстана посчитают за континентальный шельф или за территориальные воды, — невозможно»². Так, несмотря на договоренность, существующую между прикаспийскими странами о непривлечении иностранных корпораций в регион с целью освоения шельфа до определения правового статуса Каспийского моря, Азербайджан в одностороннем порядке заявил о своем праве на национальный сектор Каспия и закрепил это в своей Конституции, нарушив достигнутую договоренность. Был подписан ряд контрактов на разработку каспийских морских месторождений, в том числе (в 1994 г.) по освоению трех крупных месторождений — Азери, Чираг и Гюнешли.

Современная ситуация развивается таким образом, что на данный момент подписали соглашение (по предложенному Российской Федерацией формату «справедливости и взаимного уважения интересов» на Каспийском море) лишь три из пяти прикаспийских стран — Россия, Азербайджан и Казахстан. Принцип «справедливости и взаимного уважения интересов», положенный в основу данного соглашения, заключается в том, что можно делить лишь дно Каспия, а вода моря останется в общем пользовании, как для пяти прикаспийских стран, так и для кораблей, плавающих по Каспию под флагами других государств.

¹ URL: http://www.news_mid_irana (дата обращения: 13.09.2013).

² Там же.

• РОССИЙСКАЯ ПРАВОВАЯ СИСТЕМА: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ •

С.В. Тихонова,
доктор философских наук, профессор
кафедры истории государства и права
Саратовской государственной
юридической академии
segedasv@yandex.ru

Теоретические основания концепции электронного государства

Аннотация: статья посвящена анализу теоретических основ концепции «электронного государства». Современная концепция электронного государства включает междисциплинарные категориальные ряды, описывающие новые механизмы гармонизации отношений человека и государства.

Ключевые слова: электронное государство, методология юридической науки.

Summary: the article deals with the analysis of the theoretical foundations of the concept of «electronic government». The modern concept of e-government includes interdisciplinary categorical series which describing the new mechanisms of the harmonization of the relations between the man and the state.

Keywords: the e-government, the methodology of legal science.

В настоящее время на стыке юридической и политической науки активно формируется концепция электронного государства. Применение интернет-технологий в государственном строительстве инициировало процесс перехода к новому этапу развития института государства, для которого характерна электронная форма его структур и новые принципы взаимодействия граждан.

В правовой науке устойчивый интерес к понятию «электронное государство» можно отметить с начала первого десятилетия нынешнего века. И.Ю. Богдановская на Четвертой научно-практической конференции «Право и интернет: теория и практика» (17 декабря 2002 г.) отметила, что «понятие "электронное государство" наиболее соответствует английскому понятию "e-government"¹, поскольку современные международно-правовые документы (включая решения Европейского суда по правам человека) используют термин «government» для обозначения государства в целом. Поэтому термин «e-government» должен употребляться не для обозначения правительства как центрального органа исполнительной власти, а для системного единства всех трех ветвей власти.

Эту точку зрения поддерживают Н.Н. Федосеева и М.А. Чайковская, определившие электронное государство как форму организации деятельности органов государственной власти в виртуальном пространстве, обеспечивающую за счет широкого использования информационно-коммуникационных технологий оптимизацию государственного управления, усиление открытости государства

¹ См.: Богдановская И.Ю. Концепция «электронного государства» (сравнительно-правовые аспекты). URL: http://parkmedia.ru/conf.asp?ob_no=329 (дата обращения: 18.10.2013).

и реализацию конституционных прав и свобод граждан¹. Авторы отмечают, что научные определения терминов «электронное государство» и «электронное правительство» с момента введения их в научный лексикон строятся специалистами по разным принципам и претерпевают определенную эволюцию, по мере того как электронное правительство внедряется в практику в отдельных странах. Некоторые дефиниции имеют описательный характер и направлены на выявление социальных последствий внедрения принципов электронного государства.

Этот пробел может быть компенсирован с помощью выявления теоретических оснований формирования концепции «электронного государства». Началось оно на методологической платформе идей менеджмента. А.В. Чугунов отмечает, что в западной управленческой мысли на волне движения 1970-х гг. «за перестраивающееся государство» сложилось направление «новый государственный менеджмент», в рамках которого были выдвинуты принципы «перестраивающегося» менеджмента². К ним относятся следующие положения, сформулированные Д. Осборном и Т. Гэблером:

— государство не есть «неизбежное зло», оно есть способ коллективной деятельности и решения общественных проблем;

— эффективное государство не может опираться на централизованную стандартизованную бюрократию, эффективность определяется требованиями экономики информационного общества;

— главная проблема государственного управления — не бюрократы, а сама бюрократия как система;

— традиционная демократия (т. е. демократия США. — *С.Т.*) не может решить наличные проблемы перераспределением средств, их можно решить через «переизобретение» правительства;

— должен быть соблюден фундаментальный принцип равенства возможностей всех граждан³.

Конкретными решениями перевода государственной машины на рельсы нового менеджмента стали концепции «e-government» и «e-governance». Концепт «e-government» появляется в середине 1990-х гг. в связи с особой интенсивностью применения информационных технологий в государственном управлении. Термин имел американское происхождение, был введен по инициативе Национального научного фонда США и семантически охватывал всю систему органов публичной власти, осуществляющих управление. Как отмечает Л.В. Сморгунов, в американском варианте этот термин мог бы охватывать не только исполнительную власть (администрацию), но и другие органы публичной власти, и тогда на русский язык адекватно переводился бы как электронное государство⁴. Позднее концепция электронного

¹ См.: Федосеева Н.Н., Чайковская М.А. Понятие и сущность концепции электронного государства // Российская юстиция. 2011. № 11. С. 6–10.

² См.: Чугунов А.В. Электронное правительство: Эффективность политики внедрения информационно-коммуникационных технологий в государственное управление // Портал «Информационно-коммуникационные технологии в образовании». URL: <http://www.ict.edu.ru/ft/005716/68362e2-st18.pdf> (дата обращения: 30.06.2013).

³ См.: Osborne D., Gaebler T. Reinventing Government. Addison-Wesley Publ. Co., 1992.

⁴ См.: Сморгунов Л.В. От «электронного государства» к «электронному правлению»: смена парадигмы // Политическая наука. 2007. № 4. С. 20–49.

правительства была подвергнута критике, ее сменила модель «e-governance», подчеркивавшая, что формирование электронных технологий осуществления правительственной деятельности изменяет сам характер управления.

Фактически, оба концепта являются стратегиями сближения возможностей развивающихся ИКТ и теоретического ядра нового государственного менеджмента — идеи сервисного государства.

Как отмечает Я.В. Коженко, сервисная концепция государства получила широкое распространение в ряде стран Западной Европы и США в 80–90-х гг. XX вв.¹ Ее основным тезисом является понятие государственной услуги: любые взаимодействия государства и гражданина рассматриваются в терминах сервиса. Государство выступает производителем услуг, гражданин — потребителем, первый заинтересован в удовлетворенности качеством услуги второго. Такой подход несовместим с традиционным для бюрократического управления подавлением личности, поскольку организует взаимодействие гражданина и государства «снизу вверх», на сетевой основе. Оптимизация взаимодействий личности и государства снижает издержки и затратность, повышает инициативность гражданского общества, обеспечивает оперативность государственной деятельности.

Я.В. Коженко выдвигает следующее определение сервисного государства: это особая форма политической организации публичной власти, располагающая специальным аппаратом управления, направленным на оказание публичных услуг индивидам, а также система социально-правовых гарантий достойного жизнеобеспечения человека, его прав и свобод². Понятие «публичная услуга» в данном случае маркирует новый характер государственного управления, его экономическую интерпретацию: отдельные виды государственной деятельности рассматриваются как производство особой разновидности экономических благ, не связанных с материальным продуктом, но, тем не менее, удовлетворяющих общественные потребности. Оптимизация процесса их производства предполагает демонаполизацию государственной деятельности в этой сфере, реинжиниринг бизнес-процессов в государственных структурах, частое использование нестандартных решений для постоянно возникающих новых задач. Соответственно, государство в такой ситуации переходит к модели сотрудничества с обществом для минимизации затрат, а социальное партнерство предполагает сглаживание базовой асимметрии государственных властеотношений — повышается ответственность государства перед гражданином и активность граждан в решении стоящих перед государством задач. Определение перечня публичных услуг, вывод их из коммерческого сектора требует консенсуса между государством и обществом, достижимого обычно с помощью практики общественных дискуссий на ИКТ-платформе и разделения ответственности между гражданами и государством.

Граждане и государство в сервисной модели играют дуальную роль: «когда речь идет об удовлетворенности потребителей, важны вопросы

¹ См.: Коженко Я.В. Концепции «сильного» и «сервисного» государства в контексте модернизации государственного управления в России: общее и отличное // *Фундаментальные исследования*. 2012. № 3. С. 745.

² См.: Там же. С. 746.

качества обслуживания на уровне отдельных операций; а исследование мнения граждан предполагает оценку того, должны ли вообще те или иные услуги предоставляться государственными и муниципальными организациями и учреждениями. Для потребителей главное — постоянное улучшение качества услуг; выступая же в роли граждан, они вправе задуматься о том, на что затрачиваемые ресурсы могли бы быть использованы с большей эффективностью для решения других социальных проблем»¹. Как видим, сервисное государство интегрирует принципы маркетинговой политики с элементами прямой демократии: содержание «пакета» публичных услуг должно определяться самими гражданами на основе принципов социальной справедливости, а их производство и предоставление — на основе рыночных принципов.

В конце 1990-х гг. модель сервисного государства конкретизируется понятием «активизирующее государство». Например, этот термин использовался в программе модернизации системы управления «Современное государство — современное управление», представленной Федеральным правительством Германии во главе с Герхардом Шредером 1 декабря 1999 г. В указанном документе активизация граждан как задача государственной политики раскрывалась следующим образом: «активизирующее государство будет поддерживать принятие общественной ответственности там, где это возможно. Активизирующее государство означает поддержку развития потенциала саморегулирования общества и создание для него необходимой свободы действий. Государство существует для его граждан, в котором они (граждане) являются равноправными партнерами в решении задач всего блага»². Новая модель регулирования изменила образ государственного управления от классического органа власти к современному предприятию услуг, где органы власти ориентируются не на внутренние критерии оценки собственной деятельности, а на внешние, формулируемые гражданами.

В итоге управленческое воздействие государства становится менее жестким, снижается уровень его регламентации. Все большую роль приобретает организация совместных переговоров между государственными и негосударственными структурами, согласование государственных и частных интересов, на основе которых принимаются политические решения, удовлетворяющие все заинтересованные стороны. Консенсус, договор и партнерство становятся фундаментом новой концепции социальной справедливости. Публичные формы и комиссии общественных представителей все чаще выступают элементом процедуры принятия политических решений. Протоколы принятия решений и согласований становятся открытыми и широко доступными не только для ознакомления, но и для внесения предложений, что обеспечивает понимание гражданами происходящего и увеличивает доверие к власти.

Таким образом, современная концепция «электронного государства» включает в себя междисциплинарные категориальные ряды, раскрывающие в рамках дисциплинарных концепций сущность новой структуры власти-

¹ *Кайсарова В.П.* Теория и практика управления сферой публичных услуг // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2010. Сер. 5, Экономика. № 4. С. 96.

² *Хилл Х.* Модернизация государства в Германии // Управленческое консультирование. 2008. № 2. С. 119.

отношений, включающих в качестве субъектов граждан, государственные структуры, общественное мнение (широкая общественность) и отдельных официальных лиц, между которыми на основе ИКТ осуществляется прозрачный демократический процесс согласования консенсусных решений. Этот механизм и становится фундаментом новой, электронной формы государства, гармонизирующей отношения государства и личности.

С.Ф. Афанасьев,
доктор юридических наук, профессор
кафедры гражданского процесса Саратовской
государственной юридической академии
af.73@mail.ru

Доступность правосудия по гражданским делам в аспекте гражданско-правовой ответственности судей*

***Аннотация:** в статье исследуется проблема доступности правосудия по гражданским делам при предъявлении исков, связанных с гражданско-правовой ответственностью судей как лиц, наделенных особой государственной властью.*

***Ключевые слова:** суд, гражданское судопроизводство, доступность правосудия, гражданско-правовая ответственность, Европейский суд по правам человека.*

***The summary:** in article the problem of availability of justice on civil cases is investigated at a presentation of the claims connected with civil-law judicial responsibility as persons, allocated with the special government.*

***Keywords:** court, civil legal proceedings, availability of justice, civil legal responsibility, the European Court of Human Rights.*

После семидесятилетнего перерыва российский законодатель возвратился к осознанию всей важности римского правила — судья отвечает по иску за убытки от недействительности решения (*litem suam facere*). В связи с этим в ГК РФ появились ст. 1069 и 1070, посвященные возникновению ответственности за вред, причиненный органами государственной власти или местного самоуправления, а также их должностными лицами. Причем особый интерес вызывает п. 2 последней из приведенных статей, в соответствии с которым «...вред, причиненный при осуществлении правосудия, возмещается в случае, если вина судьи установлена приговором суда, вступившим в законную силу»¹.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Судебная политика в современной России» (проект 11-03-00349а).

¹ Следует отметить, что гражданско-правовая ответственность суда обусловливается наличием приговора почти во всех странах, образовавшихся на пространстве бывшего СССР. К примеру, в Украине механизм возмещения ущерба закреплен ст. 1176 ГК и специальным законом от 1 декабря 1994 г. «О порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, досудебного следствия, прокуратуры и суда». В этих актах возмещение вреда связывается с установлением в действиях судьи состава преступления, повлиявшего на вынесение судебного решения по гражданскому делу. Подробно см.: Васильев С.В. Деликтное судопроизводство (судопроизводство о возмещении вреда). Харьков, 2005.

С этой формулировкой не согласился ряд граждан, обратившихся в Конституционный Суд РФ, в связи с чем было принято небезызвестное постановление от 25 января 2001 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положения п. 2 ст. 1070 ГК РФ в связи с жалобами гр. И.В. Богданова, А.Б. Зернова, С.И. Кальянова и Н.В. Труханова»¹. В нем орган конституционного контроля заострил внимание на том, что за ошибку суда, повлекшую вынесение неправосудного акта, государство в любом случае несет ответственность и обеспечивает должную компенсацию. И это несмотря на то, что *Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод*² не обязывает государство-ответчика возмещать на таких же условиях (т. е. за любую судебную ошибку, независимо от вины судьи) ущерб, причиненный при осуществлении правосудия посредством гражданского судопроизводства.

В то же время Конституционный Суд РФ заметил, что правило п. 2 ст. 1070 ГК РФ коррелятивно ст. 6 и 41 Европейского международного договора и поэтому не может служить основанием для отказа в возмещении государством вреда, имеющего место при воплощении в жизнь гражданского судопроизводства в иных случаях. К примеру, когда *спор не разрешается по существу вследствие незаконных действий либо бездействия суда, в том числе при нарушении разумных сроков судебного разбирательства, — если вина судьи установлена не приговором суда, а другим судебным решением*. Опираясь на это обстоятельство, Конституционный Суд РФ напомнил: нужно не упускать из виду, что при разрешении проблемы, касающейся нарушения разумных сроков судебного разбирательства, Европейский суд по правам человека исходит из сложности правового конфликта, поведения заявителя и государственно-властных учреждений, а также существенности затрагиваемых судебным разбирательством правомочий обратившегося лица.

В конечном счете сказанное позволило конституционным судьям прийти к выводу о том, что российский законодатель обязан сформировать специальный комплексный правовой инструментарий, который определял бы основания и порядок компенсации государством вреда, причиненного неправильным действием или бездействием суда, и, кроме того, включал в себя элементы, относящиеся к вопросам подведомственности и подсудности гражданских дел по подобающим искам.

Указанный порядок позитивного правового регулирования (среди прочего и его процессуальная составляющая), который, по сути, направлен на претворение в жизнь демократического принципа партнерства, а также равного взаимоотношения отдельного лица и государства³, был создан лишь отчасти, а именно путем принятия Федерального закона от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»⁴ и введения в

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 7, ст. 700.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 2, ст. 163.

³ См.: *Калинина И.* Ответственность государства за причиненный вред // Сравнительное конституционное обозрение. 2004. № 4. С. 163.

⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 18, ст. 2144.

действие гл. 22.1 ГПК РФ¹. Руководствуясь указанным законом, суды общей юрисдикции стали принимать к рассмотрению заявления о присуждении соответствующей компенсации по строго ограниченному кругу требований при условии, что речь идет об исполнении судебного решения, предусматривающего обращение взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации. Ко всем прочим материально-правовым требованиям, возникающим в силу п. 2 ст. 1070 ГК РФ, суды общей юрисдикции по-прежнему относятся индифферентно. Например, к искам граждан о возмещении государством ущерба, причиненного незаконным наложением представителями судебной власти ареста на счета, находящиеся в банковских и кредитных учреждениях; или вызванного необоснованным отказом в вынесении необходимых процессуальных документов (фактический отказ в правосудии), а также отменой промежуточных судебных определений, и т. д.²

Что же касается исков, которые предъявляются к судьям вследствие установления в их действиях состава преступления, то они малочисленны, что вполне понятно, ведь, как свидетельствует практика, случаи привлечения судей к уголовной ответственности единичны³.

Все это ставит под сомнение прямое действие ст. 53 Конституции РФ, материализацию положений Европейской конвенции, а равно Европейской Хартии «О статусе судей»⁴, принятой Советом Европы в 1998 г. Так, в п. 5.2 последнего документа говорится, что *компенсация за ущерб, понесенный неправомерно из-за решения или поведения судьи, выполняющего возложенные на него обязанности, гарантируется государством*. Более того, в национальном законе может быть предусмотрено право государства потребовать от судьи в судебном порядке возмещения таких расходов, но не больше установленных размеров, в случае грубого и непростительного нарушения процедур исполнения судейских обязанностей. Предъявление иска допустимо по предварительному согласованию с органом, независимым от исполнительной и законодательной власти, в котором не менее половины участвующих в заседании являются судьями, избранными такими же судьями. Наряду с этим согласно п. 5.3. Европейской Хартии существует и возможность обращения без особых формальностей в дисциплинарное учреждение, предназначенное для судейского корпуса.

Поскольку постановление Конституционного Суда РФ относительно п. 2 ст. 1070 ГК РФ законодателем до сих пор полностью не выполнено (прежде всего, с точки зрения формирования судопроизводственных средств, позволяющих предъявлять надлежащие иски требования к членам судейской корпорации или финансовым органам, выступающим от имени казны), представителям Конституционного Суда РФ ничего не остается, кроме как еще и еще раз

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 18, ст. 2145.

² См.: *Норхин Д.Г.* Ответственность суда за неправомерное бездействие // Российская юстиция. 2007. № 1. С. 54–55.

³ См.: *Водяная В.Ю.* О некоторых уголовно-правовых и процессуальных аспектах привлечения к уголовной ответственности за вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. № 11. С. 61–69.

⁴ См.: СПС «КонсультантПлюс» .

возвращаться к правовой позиции, содержащейся в постановлении 2001 г., что осуществляется как на внутреннем, так и на международном уровне. В частности, В.Д. Зорькин в 2005 г. на церемонии открытия нового судебного года в Европейском суде по правам человека отметил следующее: «Проверяя положение статьи 1070 ГК РФ, согласно которому вред, причиненный при осуществлении правосудия, возмещается в случае, если вина судьи установлена приговором суда, вступившим в законную силу, Конституционный Суд постановил, что данное положение не противоречит Конституции, поскольку на основании этого положения — по его конституционно-правовому смыслу — подлежит возмещению государством вред, причиненный при осуществлении правосудия посредством гражданского судопроизводства в результате принятия незаконных судебных актов, разрешающих спор по существу. Данное положение в его конституционно-правовом смысле и во взаимосвязи со ст. 6 и 41 Конвенции о защите прав человека и основных свобод не может служить основанием для отказа в возмещении государством вреда, причиненного при осуществлении гражданского судопроизводства в иных случаях (а именно когда спор не разрешается по существу) в результате незаконных действий (или бездействия) суда (судьи), в том числе при нарушении разумных сроков судебного разбирательства, — если вина судьи установлена не приговором суда, а иным соответствующим судебным решением. Заметим, что ссылка на Конвенцию в этом решении дана не только в мотивировочной, но и в резолютивной его части»¹.

Но вернемся к судам общей юрисдикции, попавшим в весьма нелегкую правовую обстановку, ведь от них требуется совершение конкретных процессуальных шагов при предъявлении исков о возмещении ущерба, причиненного ненадлежащим правосудием. Причем, это имеет место в условиях частичного отсутствия надлежащих юридических средств, не говоря уже о более тонкой настройке процессуальной процедуры, направленной на разграничение предвзятого, намеренного поведения судей и неумышленных ординарных правоприменительных ошибок.

Выше уже отмечалась индифферентное отношение судов к данной проблематике (что вполне можно понять, с учетом их прямой заинтересованности — никому не хочется ощущать на себе весь груз юридической ответственности). Но как именно оно выражается в практическом измерении? Обобщение опыта показывает, что суды повсеместно отказывают в принятии исковых заявлений в связи с тем, что требования лиц не подлежат рассмотрению и разрешению в порядке гражданского судопроизводства (п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ). С подобной устоявшейся практикой Конституционный Суд РФ фактически смирился, изредка напоминая о давно выдвинутой им тезе: положение п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ в совокупности с п. 2 ст. 1070 ГК РФ по своему смыслу в системе норм действующего гражданского процессуального законодательства не предполагает отказ судьи в принятии искового заявления о возмещении государством вреда².

¹ Зорькин В.Д. За правовой диалог между Европейским судом и европейскими конституционными судами (из выступления на церемонии открытия нового судебного года в Европейском суде по правам человека. Страсбург, 21 января 2005 г.) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2005. № 5.

² См., напр.: Определение Конституционного Суда РФ от 21 марта 2013 г. № 405-О // СПС «КонсультантПлюс».

Как видим, в конечном счете «заложниками ситуации» оказываются вовсе не законодатель и учреждения судебной власти, а обыватели и организации, касательно которых принимается множество нормативных и поднормативных актов: постановлений, разъяснений, инструкций со ссылками на конституционные национальные и международные императивные предписания. При этом большое число подобных документов не сказывается положительно на самих гражданах и организациях, напротив, они отчасти запутывают и ухудшают их юридическое положение. Поэтому логика развития проблемы подсказывает, что тема ответственности государства и судей за вред, причиненный при свершении правосудия в России, может стать предметом самостоятельного изучения Европейского Суда по правам человека, как это случилось в свое время с надзорным или исполнительным отечественным производством.

Впрочем, отчасти это уже произошло, о чем свидетельствуют дела граждан Кормачевой и Плаксина. Первая (видимо, по недоразумению судьи, не знавшего об общей сложившейся практике) после обращения с иском в Шмидтовский районный суд в 2002 г. получила частичное удовлетворение собственных имущественных требований о возмещении ущерба, возникшего по причине задержек урегулирования ее гражданского правового спора в суде общей юрисдикции. Однако затем решение было отменено вышестоящим судом, т. к. «...законодательно не закреплен порядок рассмотрения такого рода исков». Далее гр. Кормачева подала жалобу в Европейский суд по правам человека, который в постановлении от 29 января 2004 г. «Кормачева против Российской Федерации» (Kormacheva v. Russia) констатировал нарушение Россией ст. 13 Конвенции, поскольку *заявительница не обладала эффективными средствами правовой защиты в государственном органе, в частности в суде*¹.

Более традиционным (образцово-показательным) для российской действительности является дело гр. Плаксина, который в 2001 г. адресовал в Пятигорский городской суд исковое заявление к отделению федерального казначейства о возмещении ущерба, причиненного незаконными действиями суда. Истец утверждал, что ущерб возник из-за чрезмерно длительных отсрочек рассмотрения его правового конфликта, ненадлежащей подготовки дела к исследованию фактов и доказательств, необоснованных переносов сроков производства действий и прочих процессуальных нарушений.

Следуя сложившейся практике, городской суд вынес определение об отказе в принятии искового заявления, после чего Ставропольский краевой суд подтвердил правильность сделанного вывода. В связи с этим гр. Плаксин пожаловался в Европейский суд по правам человека, опираясь на ст. 6 и 8 Конвенции, указав на превышение временных границ судебного разбирательства по его делу и препятствия, которые не позволяют ему прибегнуть к правосудию.

Возражая против сведений, изложенных в петиции заявителя, российские власти утверждали, что длительность судебного разбирательства обусловлена надобностью проведения тщательного, полного и объективного изучения доказательств, а пресекательные судебные определения гр. Плаксину следовало обжаловать в порядке частного производства.

¹ См.: Европейский суд по правам человека и Российская Федерация. Постановления и решения, вынесенные до 1 марта 2004 г. / под ред. Ю.Ю. Берестнева. М., 2005. С. 39–48.

Доводы Уполномоченного РФ не были услышаны страсбургскими судьями, которые отметили, что гр. Плаксин добросовестно пытался ускорить судебное разбирательство по его делу, подав гражданский иск о присуждении компенсации за задержку процессуальной деятельности. Другими словами, он хотел воспользоваться одним из эффективных средств правовой защиты, о которых упоминается в ст. 13 Конвенции. Но внутренние власти фактически признали, что судебные требования к казне о компенсации морального вреда, возникшего предположительно вследствие незаконных действий пятигорского суда, бесперспективны, даже если бы гр. Плаксин продолжал настаивать на рассмотрении иска по существу.

Вынося постановление от 29 апреля 2004 г. по делу «Плаксин против Российской Федерации» (Plaksin v. Russia), Европейский суд по правам человека пришел к заключению о том, что имело место нарушение ст. 13 Конвенции ввиду «...отсутствия средств правовой защиты в национальном праве, на основании которого заявитель мог бы добиться вынесения решения, подтверждающего его право на рассмотрение дела в разумный срок», присудив заявителю 2 тыс. 400 евро в счет компенсации морального вреда, обязав Россию уплатить денежные средства¹.

В целом получается, что несмотря на все постановления Конституционного Суда РФ и Европейского суда по правам человека, субъекты различных юридических отношений по-прежнему не могут в полной мере реализовать материальное право, зафиксированное в п. 2 ст. 1070 ГК РФ, в контексте выявленного конституционного смысла, а также право на доступ к правосудию. Единственно реальный способ защиты от явно незаконных деяний представителей Фемиды выражен в ст. 12.1 Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»². Он заключается в применении к нерадивому судье дисциплинарной ответственности в виде замечания, предупреждения или досрочного прекращения полномочий. Причем, если в течение года после наложения дисциплинарного взыскания судья не совершил нового дисциплинарного проступка, то он считается не привлекавшимся к дисциплинарной ответственности.

Статистика показывает, что подобные меры нечасто, но используются на практике. В среднем около 90 человек в год лишаются судейской должности³. Между тем В. Казанцев правильно замечает: «Но ведь гражданам, чьи права и законные интересы были ущемлены, причинен материальный, а иногда и моральный вред, от такой статистики легче не становится. Этот вред им не возмещался, поскольку за волокиту при рассмотрении дела судьями обвинительные приговоры не выносятся»⁴.

Следовательно, в настоящее время существует острая необходимость в формировании отдельной гражданской процессуальной процедуры, по-

¹ См.: Постановление от 29 апреля 2004 г. по делу «Плаксин против Российской Федерации» (Plaksin v. Russia) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2004. № 9.

² См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 30, ст. 1792.

³ См.: Материалы VI съезда судей. Выступление Председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева // Российская юстиция. 2005. № 1–2. С. 6.

⁴ Казанцев В. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный действиями судьи // Российская юстиция. 2002. № 2. С. 12–13.

звolyающей возмещать вред, возникший в ходе и по итогам правосудия по гражданским правовым казусам, а также во введении в ГПК РФ специальной главы. Улучшить общую ситуацию только лишь за счет дополнения ГК РФ ст. 16.1¹, указывающей, что в случаях и в порядке, которые предусмотрены законом, ущерб, причиненный личности или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица *правомерными действиями* государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, а также иных лиц, которым государством делегированы властные полномочия, подлежит компенсации, — вряд ли возможно.

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 53, ст. 7627.

С.Н. Волкова,
*преподаватель кафедры теории и истории
государства и права Иркутского юридического
института (филиала) РПА Минюста России
volkovasn@bk.ru*

Понятие и признаки регламентарных нормативных правовых актов

Аннотация: рассмотрены основные признаки регламентарного акта. Установлено, что регламентарному акту свойственны признаки нормативного правового акта. Выявлено, что регламентарные акты принимаются в виде и форме подзаконного акта, но при этом законодательная база отсутствует.

Ключевые слова: регламентарные акты, признаки актов, подзаконные акты, первичные нормы.

Summary: the author analyses main signs of the reglamentary act and argues that a normative reglamentary acts possesses all the properties of a normative act. It is revealed that reglamentary acts are accepted in a look and a bylaw form, but thus the legislative base is absent. The attention to that it is possible to unite reglamentary acts in one group only conditionally as they can have various validity is studied.

Keywords: reglamentary acts, attributes of acts, by-laws, primary norms, regulatory acts.

В отечественной теории государства и права стало принято классифицировать нормативные правовые акты по юридической силе на законы и подзаконные акты. Однако сложившаяся в теории классификация не всегда соответствует реальности. Иногда невозможно однозначно ответить на вопрос, относится тот или иной нормативный правовой акт к законам либо к подзаконным актам, поскольку бывают случаи, когда нормативный правовой акт принят в форме подзаконного акта, но при отсутствии законодательной базы, т. е. при отсутствии закона. Именно эта проблема и рассматривается в данной статье.

Примерами подобных актов могут служить следующие нормативные правовые акты:

— «восполняющие» законодательство указы Президента Российской Федерации (данное право Президента подтверждено Постановлением Конституционного Суда РФ от 30 апреля 1996 г. № 11-П «По делу о проверке

конституционности пункта 2 Указа Президента РФ от 3 октября 1994 г. № 1969 "О мерах по укреплению единой системы исполнительной власти в Российской Федерации" и пункта 2.3 Положения о главе администрации края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа Российской Федерации, утвержденного названным Указом»¹, особое место можно отвести указам Президента, вносящим изменения в ст. 65 Конституции РФ, в которой говорится о переименовании субъектов Российской Федерации;

— нормативные правовые акты палат Федерального Собрания Российской Федерации;

— декреты Президента, имеющие силу закона в Италии;

— нормативные правовые акты регламентарного характера во Франции;

— нормативные правовые акты делегированного правотворчества.

Думается, для обозначения данной группы актов наиболее удачным будет заимствование из зарубежной практики термина «регламентарные акты».

Регламентарные акты обладают всеми характеристиками нормативного правового акта. В отечественном законодательстве не существует легального (официального) закрепления понятия и признаков нормативного правового акта (впрочем, как и ненормативного правового акта). Чаще всего в правоприменительной и правотворческой практике, а также в науке рассматриваются признаки нормативного правового акта, сформулированные в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2007 г. № 48 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части»².

Нормативные правовые акты характеризуются рядом особенностей:

— они устанавливают, отменяют или изменяют нормы права;

— направлены на регулирование новых общественных отношений или же на изменение либо прекращение уже существующих правоотношений;

— издаются в пределах компетенции конкретного правотворческого органа;

— рассчитаны на неоднократное применение;

— обязательны для всех субъектов права, которым они адресованы;

— имеют официальную документальную (письменную) форму, особую структуру (например, деление на статьи, пункты, абзацы) и обязательные реквизиты;

— обеспечены мерами государственного принуждения;

— сохраняют свое действие независимо от исполнения закрепленных в них предписаний.

Еще раз уточним, что перечисленные признаки свойственны также и регламентарным нормативным правовым актам.

Регламентарные акты всегда содержат первичные нормы. Первичные нормы права — это правовые предписания, которые впервые регулируют те или иные общественные отношения. Регламентарные акты принимаются всегда в отсутствие нормативного регулирования правоотношений нормами закона, т. е. они принимаются не на основании и не во исполнение закона, а являются

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 19, ст. 2320.

² См.: Российская газета. 2007. 8 дек.

самостоятельными и независимыми актами. Вместе с тем данные акты не должны противоречить Конституции и законам соответствующего государства.

А.В. Злобин предполагает, что наличие первичных норм в иных актах, кроме закона, должно зависеть от положения государственного органа, принимающего акт: «чем выше положение субъекта подзаконного правотворчества в рамках одного уровня, тем больше и чаще он принимает первичные правовые предписания»¹.

На практике же сегодня наиболее часто встречаются первичные нормы в указах Президента России. Конституционный Суд РФ подтвердил наличие такого права только у Президента РФ.

Если же обратиться к практике зарубежных стран, то наиболее наглядный пример содержит Конституция Франции. Конституционные положения Франции предусматривают обязанность принятия актов регламентарного характера по самостоятельным вопросам, а не на основании и во исполнение закона. Принятие закона по указанному кругу вопросов влечет за собой то, что, при условии получения заключения Государственного совета изменения в данный закон будут вноситься уже актами регламентарного характера.

Еще одним примером первичных норм в регламентарных актах могут служить акты Президента Италии. В Конституции Итальянской Республики 1948 г. прямо предусмотрено, что Президент Республики имеет право издавать декреты, которые имеют силу закона (ст. 87)².

По содержанию регламентарные акты посвящены регулированию наиболее значимых общественных отношений. Так, Ю.А. Тихомиров предлагал разграничить вопросы, которые регулируются исключительно законами, и те, по которым возможно первичное регулирование и иными актами (указами, постановлениями), и называл это «факультативной компетенцией»³. Разграничение вопросов подобным образом существует в законодательстве Франции.

Регламентарные акты принимаются в виде и форме подзаконных нормативных правовых актов.

Стоит отметить, что четкого законодательного регулирования правил выбора вида и формы подзаконного акта нет, как и научно обоснованных критериев однозначного выбора той или иной формы акта. Существуют только отдельные аспекты рассмотрения данного вопроса. Кроме того, не существует и одинаковых суждений относительно соотношения понятий «вид» и «форма» нормативного правового акта.

Если обратиться к науке, то некоторые авторы придерживаются точки зрения, в соответствии с которой не стоит разграничивать понятия «вид» и «форма» акта. Л.А. Морозова использует данные термины как синонимичные, например: «Кодекс — самая распространенная форма закона. К этой форме часто прибегают и субъекты Российской Федерации, принимая законы в виде кодексов»⁴.

¹ Злобин А.В. Подзаконные нормативные правовые акты как форма современного российского законодательства (вопросы теории) : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 41.

² См.: Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский Союз, Соединенные Штаты Америки, Япония, Индия : учебное пособие / сост., пер. В.В. Маклаков. 5-е изд. М., 2006. С. 216.

³ См.: Конституция. Закон. Подзаконный акт / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М., 1994. С. 42.

⁴ Морозова Л.А. Теория государства и права. М., 2007. С. 198.

Другие авторы считают, что следует различать этих две категории, полагая, что под видом акта стоит понимать деление на группы по свойствам акта, а формы акта определяются исходя из его структуры, объекта регулирования, внешнего выражения¹.

Необходимым требованием, предъявляемым к любому нормативному правовому акту, является требование соответствия формы и содержания акта, в юридическом и философском смысле. Выбор той или иной формы нормативного правового акта определяет ее иерархическое положение в системе актов.

Стоит отметить, что регламентарные акты — это группа актов, объединенных по общим признакам, но имеющих различную юридическую силу. В зависимости от юридической силы регламентарные нормативные правовые акты можно классифицировать следующим образом:

- акт (декрет), имеющий силу закона (Италия);
- акт, имеющий юридическую силу, равную юридической силе закона (акты регламентарного характера во Франции);
- акт, имеющий юридическую силу выше силы простого подзаконного акта (указы Президента РФ, «восполняющие» законодательство);
- акт, имеющий силу подзаконного акта (постановления Палат Федерального Собрания Российской Федерации).

На основе изложенного предлагаем следующее определение: *регламентарные акты* — это нормативные правовые акты, принятые в форме подзаконного акта, но при явном отсутствии основополагающего закона, обязательно содержащие первичные нормативно-правовые предписания, обладающие неоднородной юридической силой.

¹ См., напр.: Злобин А.В. Указ. соч. С. 41; Чухвичев Д.В. Законодательная техника. М., 2006. С. 59.

Д.А. Поддубная,
аспирант кафедры гражданского
и семейного права Саратовской
государственной юридической академии
didapoddubnie@mail.ru

Проблемы саморегулирования на современном этапе

Аннотация: в приведенной статье рассматриваются вопросы, связанные с институтом саморегулирования: необходимость его существования в организационной системе государства, основные проблемы и возможные пути их разрешения.

Ключевые слова: саморегулируемые организации, неправомерные действия в области профессиональной деятельности, законное разрешение проблем в сфере деятельности саморегулируемых организаций, проблемы в сфере саморегулирования.

Abstract: in the above article discusses issues related to the institution of self-regulation: its necessity in the organizational system of the state, the main problems and possible ways of solving them. The article also analyzes the decisions (resolutions) courts against members of self-regulatory organizations in several areas.

Keywords: self-regulatory organizations, illegal actions in the field of professional activity, legal problem solving in the field of self-regulatory organizations, problems in the area of self-regulation.

С появлением такого института, как саморегулирование, возникает ряд новых вопросов, связанных с его непосредственным функционированием и его необходимостью современному обществу. Саморегулирование, пришедшее на смену лицензированию, многими учеными представляется недостойным правопреемством. Однако для того чтобы точно оценить это утверждение, следует отдельно рассматривать эти два явления, что не является задачей настоящей статьи. Рассмотрим некоторые проблемные вопросы саморегулирования, а также возможности злоупотребления своими правами членами саморегулируемых организаций (далее — СРО), существующие и не разрешенные до сегодняшнего дня, и дадим их правовую характеристику.

При проведении анализа положений Федерального закона от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях»¹ невольно задумываешься: а не приведет ли излишняя независимость к усугублению пользования ею, выходу из-под контроля государства и нанесению ущерба экономике страны в целом и отдельно взятому потребителю — в частности? Речь идет о создании гигантской организации, включающей в свой состав всех или подавляющее большинство производителей, и выведении на рынок продукции некачественной или неоправданно дорогостоящей?

С одной стороны, этому противопоставляется уже созданная законодательная база. Так, ч. 2 ст. 34 Конституции РФ предусмотрен запрет на занятие экономической деятельностью, направленной на монополизацию и недобросовестную конкуренцию. С другой стороны, нельзя не отметить, что производители, вступая в СРО, попадают в определенной мере в зависимость от других ее членов и руководства (сюда можно отнести и общность интересов членов, предписанную уставом такой организации, и необходимость внесения определенных взносов, страхования своей ответственности и др.) и могут стать заложниками правового злоупотребления. В такой ситуации считается необходимым наличие множественности саморегулируемых организаций, однако злоупотребления из-за чересчур большой раздробленности стоит опасаться не меньше. Адекватным представляется вариант закрепления в законе не только минимально необходимого количества членов для создания СРО, но и определения максимального количества членов, при проведении учета рынка и его прозрачности, превышение которого может привести к злоупотреблению правовыми интересами и снижению контроля за членами СРО. В результате это может привести к ухудшению качества оказываемых услуг и предъявлению большого количества претензий к членам организации. Таким образом, следует стремиться к такому механизму взаимодействия, при котором СРО будет обладать достаточным количеством участников, способных оказать качественные услуги населению и предоставлять возможности для членов такой организации устанавливать контроль за деятельностью других партнеров с целью своевременного предупреждения факторов, могущих привести к негативным последствиям, на что уже обращалось внимание в литературе².

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 49, ст. 6076.

² См.: *Томчин Г.А.* Саморегулирование — это обязательный элемент рыночной экономики (электронный ресурс). URL: <http://www.vapr.ru/faq/730.html> (дата обращения: 18.09.2013).

Рассмотрим возможность осуществления монопольной деятельности путем принятия неправомерных решений, способствующих предотвращению попадания на рынок определенных организаций. Косвенным примером изложенного довода можно считать решение арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 28 июня 2012 г. по делу №А56-15803/2012, оставленное без изменения постановлением Федерального арбитражного суда Северо-западного округа, которым были частично удовлетворены требования ООО «Спектр +» по взысканию денежных средств с некоммерческого партнерства компаний строительного комплекса «СОЮЗПЕТРОСТРОЙ – СТАНДАРТ» (далее — Партнерство) за непризнание ООО «Спектр +» в качестве члена Партнерства, вопреки внесенным членским и иным платежам.

Стоит отметить, что СРО в общем смысле призваны осуществлять не коммерческую деятельность, а социальную, поэтому осуществление монопольной деятельности кажется в данном случае нелогичным. Тем более, что институт СРО в других формах уже существует в России достаточно давно. Так, адвокатские, нотариальные палаты, ни разу не дискредитировав себя, успешно функционируют в России на протяжении многих лет. Следовательно, можно признать такую модель управления достаточно успешной и имеющей право на существование. Необходимо подчеркнуть, что наряду с положительными моментами, касающимися деятельности СРО, учеными также отмечаются и недостатки данного института, которые были выявлены правоприменительной практикой и нуждаются в соответствующих корректировках законодателя.

Саморегулирование определено такими основными положительными факторами своего существования, как перенесение части контрольных функций с государства на управленческий аппарат СРО и предоставление СРО права самостоятельно формировать состав членов своей организации. Однако данная ситуация в случае наличия у членов СРО недобросовестного умысла может иметь и обратную сторону, в то время как действия будут совершаться правовыми методами. Так, законодателем предусмотрено право СРО решать вопрос о допуске к производству работ отдельных лиц, путем их принятия в члены СРО или отказа в таком принятии. В случае, если в отдельно взятом регионе будет отсутствовать множественность СРО, то такое обстоятельство может быть непреодолимым препятствием к дальнейшему производству деятельности «недопущенных» лиц, хотя законодателем и преследовались цели не препятствовать допуску на рынок отдельных субъектов, а обеспечить наличие общей ответственности членов СРО и повысить гарантии за ненадлежащее выполнение работ перед потребителями. Этой теме, в том числе, был посвящен комментарий эксперта Фонда «Институт экономики города» Дмитрия Гордеева¹.

Еще одной преградой для выхода на рынок небольших организаций служит наличие неконтролируемых взносов, которые необходимо внести до

¹ См.: Информбюро. Внедрение СРО в управление многоквартирными домами усилит монополии (электронный ресурс). URL: http://www.tsj.ru/rubrs.asp?rubr_id=7141 (дата обращения: 18.09.2013).

момента вступления в СРО, а также необходимость страхования своей ответственности, предусматривающие большие затраты. Эти обстоятельства наряду с ситуацией, когда в отдельно взятом регионе количество саморегулируемых организаций весьма немногочисленно, а создать собственную не представляется возможным из-за отсутствия необходимых ресурсов (в том числе количественного содержания подобных предприятий на данной территории), могут вытолкнуть с рынка представителей малого бизнеса, тем самым причиняя еще больший ущерб обществу и государству. Поэтому следует продумать механизм определения территориальной достаточности СРО для поддержания конкуренции и внесения соответствующих поправок в закон, с возможностью установления субъектами самостоятельных требований и ограничений к численности СРО.

Данная тема не раз рассматривалась учеными¹. В качестве иллюстрации можно привести решение Арбитражного суда г. Москвы от 20 февраля 2012 г. по делу № А40-102236/11-149-650², оставленное без изменения постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 16 мая 2012 г. № 09АП-8804/2012, в отношении НП «Сибирский центр конфликтологии»³. Данным решением было отказано в удовлетворении заявления о признании незаконным решения Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии от 23 августа 2011 г. № 07-5395-ЮА⁴ об отказе во внесении сведений в государственный реестр саморегулируемых организаций медиаторов и обязательстве внести сведения о заявителе в государственный реестр саморегулируемых организаций по причине невозможности создания СРО медиаторов в составе смешанных участников. Дело в том, что Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»⁵ предусматривает возможность создания различных СРО:

— в целях разработки и установления стандартов и правил профессиональной деятельности медиаторов, а также порядка осуществления контроля за соблюдением требований указанных стандартов и правил медиаторами, осуществляющими деятельность на профессиональной основе, — СРО в составе физических лиц;

— в целях разработки и установления стандартов и правил профессиональной деятельности организаций, осуществляющих деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, а также порядка осуществления контроля за соблюдением требований указанных стандартов и правил организациями, осуществляющими деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, — СРО в составе юридических лиц.

¹ См.: *Еришов О.Г.* Саморегулируемые организации в сфере строительства и антимонопольное законодательство (электронный ресурс). URL: <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=156> (дата обращения: 18.09.2013).

² См.: СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Там же.

⁴ См.: Там же.

⁵ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 31, ст. 4162.

Впоследствии данное положение было изменено законодателем в пользу истца путем внесения поправок в законодательство Федеральным законом от 23 июля 2013 г. № 233-ФЗ «О внесении изменения в статью 18 Федерального закона “Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)”»¹, который установил возможность объединения в составе одной саморегулируемой организации медиаторов физических лиц, осуществляющих деятельность медиаторов на профессиональной основе, и организаций, осуществляющих деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, в количестве не менее 100 указанных физических лиц и организаций в совокупности. В случае промедления и отсутствия подобных решений в отношении других видов деятельности это может привести к тому, что крупным предприятиям станет невыгодно предоставлять новичкам право оказывать подобные услуги.

Таким образом, важно, чтобы реформирование института СРО проходило с максимальной осторожностью и было тщательно продумано законодателем. Необходимо учитывать уже накопленный опыт работы этого института и правоприменительной практики по данному вопросу, а также позитивные направления его развития и путем глубокого анализа полученных результатов со стороны органов государственной власти, органов местного самоуправления, представителей бизнеса и самих саморегулируемых организаций выработать единый подход к пониманию целей и достижению наивысших результатов в развитии института саморегулирования в России.

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 30, ч. 1, ст. 4066.

Н.А. Жирнова,
аспирант кафедры финансового, банковского
и таможенного права Саратовской
государственной юридической академии
priem@sgap.ru

К вопросу о субъектном составе налоговой тайны

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы субъектного состава правоотношений, складывающихся в сфере реализации права на налоговую тайну в Российской Федерации. Анализируется действующее законодательство, проводится классификация групп субъектов, имеющих право на получение и использование данного вида информации с ограниченным доступом.

Ключевые слова: налоговая тайна, информация с ограниченным доступом, конфиденциальная информация, субъект правоотношений, налогоплательщик.

Summary: the article analyses different problems of subject form of legal relationship in the sphere of law's realization of tax secret in Russian Federation. The legislature, group of subjects are classified according their right to receive and use information with the restricted access are analyzed.

Keywords: tax secret, information with the restricted access, subject of law's realization, taxpayer.

Вопрос о субъектах права на служебную тайну вообще и, в частности, на такой ее вид, как тайна налоговая, неоднократно становился

предметом исследований¹. Применительно к налоговой тайне ее правообладателями выступают налогоплательщики и иные лица, сведения о которых будут составлять налоговую тайну; субъектами, прикосновенными к налоговой тайне, — налоговые органы и их должностные лица.

Наибольший интерес представляет вторая группа субъектов. В соответствии с п. 2 ст. 102 НК РФ налоговая тайна не подлежит разглашению налоговыми органами, органами внутренних дел, органами государственных внебюджетных фондов и таможенными органами, их должностными лицами и привлекаемыми специалистами, экспертами, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом. Списки соответствующих субъектов утверждаются в ведомственных перечнях должностных лиц, имеющих право работать со сведениями, составляющими налоговую тайну².

Ряд авторов предлагает расширить круг таких субъектов за счет включения в него переводчиков, свидетелей и понятых, привлекаемых налоговым органом в установленном Налоговым кодексом РФ порядке³. Это предложение не лишено смысла, т. к. для перечисленных лиц подобная информация все равно будет являться тайной — служебной или профессиональной (в зависимости от их служебного положения).

Кроме того, Брянская областная Дума (в 2007 г.) и Волгоградская областная Дума (в 2008 г.) предлагали расширить данный перечень за счет включения в него финансовых органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований⁴. По мнению субъектов законодательной инициативы, отсутствие у финансовых органов указанных сведений ведет к нарушению бюджетного процесса, не позволяет финансовым органам оперативно влиять на процесс формирования доходов бюджетов, установить контроль за полнотой и своевременностью поступления средств в бюджеты, использовать оперативную и текущую информацию для более качественной прогнозной оценки исполнения доходной части соответствующих бюджетов. Однако оба законопроекта были отклонены, поскольку вопросы предоставления налоговыми органами информации, необходимой финансовым органам для обеспечения возложенных на них функций, являются

¹ См., напр.: *Ковалева Н.Н.* Информационное право России : учеб. пособие. М., 2009; *Анищенко И.И.* Правовой режим профессиональной тайны // Труды юридического факультета СевКавГТУ : сб. науч. трудов. Вып. 3. Ставрополь, 2004; *Колодезная М.А.* Финансово-правовое регулирование отношений в сфере налоговой тайны : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011 и др.

² См., напр.: Об утверждении перечня должностных лиц системы МВД России, пользующихся правом доступа к сведениям, составляющим налоговую тайну : приказ МВД России от 11 января 2012 г. № 17 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2012. № 17.

³ См.: *Колодезная М.А.* Указ. соч. С. 21; *Костенко М.Ю.* Налоговая тайна : науч.-практ. пособие. М., 2003. С. 126; Проект Федерального закона № 177470-3 «О внесении изменений и дополнений в статьи 32, 84 и 102 части первой Налогового кодекса Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ). Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Проект Федерального закона № 507290-4 «О внесении изменений в статью 102 части первой Налогового кодекса Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ). Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Проект Федерального закона № 400049-4 «О внесении изменений в статью 102 части первой Налогового кодекса Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ). Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

предметом регулирования нормативных правовых актов, не относящихся к сфере законодательства о налогах и сборах.

Так, реализация права финансовых органов субъектов Российской Федерации и местных администраций на получение информации, необходимой для формирования и исполнения соответствующих бюджетов в части налогов и сборов, контролируемых налоговыми органами, в настоящее время обеспечена закрепленной ст. 26.22 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»¹ и ст. 65 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»² обязанностью налоговых органов предоставлять финансовым органам информацию о начислении и об уплате налогов и сборов, подлежащих зачислению в соответствующие бюджеты, в порядке, установленном Правительством РФ.

Правилами взаимодействия органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления с территориальными органами федерального органа исполнительной власти, уполномоченного по контролю и надзору в области налогов и сборов, утвержденными Постановлением Правительства РФ от 12 августа 2004 г. № 410 «О порядке взаимодействия органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления с территориальными органами федерального органа исполнительной власти, уполномоченного по контролю и надзору в области налогов и сборов»³, предусмотрено представление налоговыми органами в финансовые органы субъектов Российской Федерации и местных администраций (по каждому муниципальному образованию) информации в целом о начислениях и об уплаченных суммах по соответствующим видам налогов, сборов и иных обязательных платежей, о суммах задолженности, недоимки, отсроченных (рассроченных), реструктурированных и приостановленных к взысканию налогов, сборов, пеней и штрафов. Кроме того, указанными Правилами предусмотрено представление налоговыми органами финансовым органам сведений о налоговой базе и структуре начислений по налогам и сборам, формирующим в соответствии с Бюджетным кодексом Российской Федерации доходы бюджетов субъектов Российской Федерации и доходы местных бюджетов. Таким образом, порядок взаимодействия налоговых органов с финансовыми органами субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в части предоставления налоговыми органами указанным финансовым органам сведений, необходимых для осуществления последними возложенных на них функций, урегулирован законодательством Российской Федерации.

Кроме того, необходимо принимать во внимание, что необоснованное расширение круга лиц, имеющих доступ к составляющим налоговую тайну

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 42, ст. 5005.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 40, ст. 3822.

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 33, ст. 3497.

сведениям, увеличивает потенциальную возможность злоупотреблений такими сведениями¹.

Московская городская Дума вносила на рассмотрение в Государственную Думу РФ законопроект, в котором предлагалось включить в перечень помимо финансовых органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и Счетную Палату РФ², но и данный законопроект был отклонен по причине того, что право Счетной палаты РФ на получение от налоговых органов информации для целей реализации задач по осуществлению финансового контроля уже было гарантировано ст. 13 Федерального закона от 11 января 1995 г. № 4-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации»³, в соответствии с которой все органы государственной власти в Российской Федерации, органы местного самоуправления, Центральный банк Российской Федерации, предприятия, учреждения, организации, обязаны предоставлять по запросам Счетной палаты РФ информацию, необходимую для обеспечения ее деятельности.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что расширение круга субъектов, имеющих право доступа к сведениям, составляющим налоговую тайну, не является необходимым, т. к. данная мера не будет способствовать лучшей защите прав и законных интересов налогоплательщиков.

¹ См.: *Смирнов Д.А.* Правовые презумпции и принципы налогового права как средства ограничения негативного усмотрения в налоговом правоприменении // Современное право. 2010. № 9. С. 128–131.

² См.: Проект Федерального закона № 170782-4 «О внесении изменений и дополнений в статью 102 части первой Налогового кодекса Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ). Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 3, ст. 167 (документ утратил силу).

• ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ •

А.Ю. Колесникова,
старший преподаватель кафедры уголовного
права Амурского государственного
университета
albeyeva@mail.ru

Правовая политика России в отношении общественных организаций инвалидов в 1991 — 2004 годах

***Аннотация:** в статье приводится исторический анализ российской правовой политики в отношении общественных организаций инвалидов в 1991–2004 гг.*

***Ключевые слова:** правовая политика, инвалид, общественные организации инвалидов, льготы.*

***Summary:** the article is devoted to the historical analysis the Russian lawful politics as regards social organizations of persons with disabilities in the period 1991–2004.*

***Keywords:** lawful politics, invalid, social organizations of invalids, privilege.*

Провозглашение суверенитета Российской Федерации, распад СССР, переход от плановой экономики к рыночной, коренные изменения в правовой системе не могли не оказать влияния на правовую политику по отношению к инвалидам. Кризисные явления, охватившие экономическую, политическую, социальную сферы жизнедеятельности общества, поставили в нелегкое положение инвалидов — лиц, особо нуждающихся в поддержке со стороны институтов гражданского общества, государства, в медицинской, профессиональной, социальной реабилитации.

В качестве одного из приоритетных направлений правовой политики России в отношении инвалидов в 1990-х гг. можно выделить правовое регулирование взаимоотношений государства, общественных объединений инвалидов и созданных ими предприятий, учреждений, организаций в изменившихся социально-экономических реалиях. В условиях снижения объема производства, увеличения числа убыточных предприятий, роста кредитной и дебиторской задолженности, активного высвобождения работников и, как следствие, увеличения темпа роста безработицы, возрастания напряженности на официально контролируемом рынке труда было необходимо установить социально-экономические гарантии деятельности вышеуказанных предприятий, учреждений, объединений для обеспечения инвалидам равных возможностей в реализации прав, провозглашенных Федеральным законом от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»¹. Как показал анализ ситуации в сфере занятости в рассматриваемый исторический период, способность складывающегося рынка труда к саморегулированию оставалась слабой. По этой

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 48, ст. 4563.

причине проведение льготной правовой политики являлось необходимостью в условиях сокращения численности предприятий общественных организаций инвалидов и обострения проблемы трудоустройства самих инвалидов.

Следует отметить, что, несмотря на экономический кризис для предприятий, учреждений, организаций инвалидов были установлены льготы по налогу на прибыль. В соответствии с Законом РФ от 27 декабря 1991 г. № 2116-1 «О налоге на прибыль предприятий и организаций»¹ до 1 июля 1992 г. у предприятий, находящихся в собственности общественных организаций инвалидов и пользующихся общеустановленными льготами наряду с другими предприятиями всех организационно-правовых форм, освобождалась от налогообложения и часть прибыли, направляемая ими этой общественной организации на осуществление ее уставной деятельности.

С 1 июля 1992 г. с учетом изменений, внесенных Законом РФ от 16 июля 1992 г. № 3317-1 «О внесении изменений и дополнений в налоговую систему России»², стала освобождаться от налогообложения та часть прибыли, которая расходовалась самостоятельно по направлениям уставной деятельности общественной организации инвалидов, в собственности которой они находились, на финансирование мероприятий по социальной и экономической защите инвалидов независимо от того, являлись они работниками данных предприятий или нет, на развитие собственной производственной базы (в том числе переоснащение и реконструкцию производственных мощностей) и на строительство и реконструкцию принадлежащих им объектов социальной инфраструктуры.

Данная льгота применялась при фактических затратах и расходах, произведенных за счет прибыли. Законом не было предусмотрено полное освобождение предприятий общественных организаций инвалидов от уплаты налога. Предприятия являлись плательщиками в бюджет налога с суммы превышения расходов на оплату труда по сравнению с их нормируемой величиной с 1 января 1993 г. в общеустановленном порядке.

Необходимо подчеркнуть, что установление льгот по налогу на прибыль было не единственной мерой, принятой государством в целях поддержки данных хозяйствующих субъектов. В условиях функционирования рыночной экономики была создана система социального страхования, направленная на обеспечение социальных гарантий по защите граждан от социальных и профессиональных рисков. Она включала пенсионное обеспечение, обязательное медицинское страхование, выплату пособий в случае безработицы. Средства на эти виды страхования формировались за счет страховых взносов, которые предприятия, учреждения, организации и иные хозяйствующие субъекты независимо от форм собственности были обязаны уплатить в соответствующие фонды (пенсионный, обязательного медицинского страхования, социального страхования, занятости населения). Порядок, размеры, условия уплаты и освобождения от уплаты страховых взносов в указанные фонды устанавливались федеральными законами. Для предприятий, учреждений, организаций, находившихся в собственности общественных организаций инвалидов, был установлен льготный режим.

¹ См.: Российская газета. 1992. 5 марта.

² См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 34, ст. 1976.

Страховой тариф взносов в Пенсионный фонд России, круг плательщиков, а также порядок льготирования был установлен на I и II кварталы 1993 г. Законами РФ от 25 декабря 1992 г. № 4232-1¹ и от 30 марта 1993 г. № 4695-1², а на II полугодие 1993 г. — постановлением Верховного Совета РФ от 9 июля 1993 г. № 5357-1³.

Страховой тариф взносов в Фонд социального страхования Российской Федерации, круг плательщиков, а также порядок льготирования был установлен на I и II кварталы 1993 г. Законами РФ от 25 декабря 1992 г. № 4230-1⁴ и от 30 марта 1993 г. № 4696-1⁵, а на II полугодие 1993 г. — Постановлением Верховного Совета РФ от 9 июля 1993 г. № 5357-1.

Страховой тариф взносов в Государственный фонд занятости, круг плательщиков, а также порядок льготирования был установлен на I и II кварталы 1993 г. Законами РФ от 25 декабря 1992 г. № 4230-1 и от 30 марта 1993 г. № 4696-1, а на II полугодие 1993 г. — Постановлением Верховного Совета РФ от 9 июля 1993 г. № 5357-1.

Вышеперечисленными правовыми актами общественные организации инвалидов и находившиеся в собственности этих организаций предприятия, объединения и учреждения, созданные для осуществления их уставных целей, освобождались от уплаты указанных страховых взносов.

Страховой тариф взносов в фонды обязательного медицинского страхования, круг плательщиков, а также порядок льготирования установлен на I и II кварталы 1993 г. Законами РФ от 25 декабря 1992 г. № 4230-1 и от 30 марта 1993 г. № 4696-1. Что касается II полугодия 1993 г., то страховой тариф взносов в указанные фонды установлен Законом РФ от 14 мая 1993 г. № 4966-1⁶.

В соответствии со ст. 17 Закона РФ от 28 июня 1991 г. «О медицинском страховании граждан в Российской Федерации» с учетом дополнения, внесенного Законом РФ от 2 апреля 1993 г. № 4741-1⁷, предусмотрено, что от уплаты страховых взносов на обязательное медицинское страхование освобождаются общественные организации инвалидов, находящиеся в собственности этих

¹ См.: О внесении изменений в статью 8 Закона РСФСР «О государственных пенсиях в РСФСР» : закон РФ от 25 декабря 1992 г. № 4232-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 3, ст. 106.

² См.: О внесении изменений в статью 8 Закона РСФСР «О государственных пенсиях в РСФСР» : закон РФ от 30 марта 1993 г. № 4695-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 16, ст. 555.

³ См.: О тарифах страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации и Государственный фонд занятости населения Российской Федерации на второе полугодие 1993 года : постановление Верховного Совета РФ от 9 июля 1993 г. № 5357-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 30, ст. 1161.

⁴ См.: О страховых тарифах взносов в Фонд социального страхования Российской Федерации, в Государственный фонд занятости населения Российской Федерации и на обязательное медицинское страхование граждан на первый квартал 1993 года : закон РФ от 25 декабря 1992 г. № 4230-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 3, ст. 104.

⁵ См.: О страховых тарифах взносов в Фонд социального страхования Российской Федерации, в Государственный фонд занятости населения Российской Федерации и в фонды обязательного медицинского страхования на второй квартал 1993 года : закон РФ от 30 марта 1993 г. № 4696-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 17, ст. 592.

⁶ См.: О республиканском бюджете Российской Федерации на 1993 год : закон РФ от 14 мая 1993 г. № 4966-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 22, ст. 794

⁷ См.: О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О медицинском страховании граждан в РСФСР» : закон РФ от 2 апреля 1993 г. № 4741-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 17, ст. 602.

организаций предприятия, объединения, учреждения, созданные для осуществления их уставных целей.

Принятые в последующие годы Федеральные законы от 5 февраля 1997 г. № 26-ФЗ¹, от 8 января 1998 г. № 9-ФЗ², от 4 января 1999 г. № 1-ФЗ³, от 20 ноября 1999 г. № 197-ФЗ⁴ о тарифах страховых взносов в государственные внебюджетные фонды на соответствующий год освобождали общероссийские общественные организации инвалидов (в том числе созданные как союзы общественных организаций инвалидов), среди членов которых инвалиды и их законные представители (один из родителей, усыновителей, опекунов, попечитель) составляют не менее 80 процентов, их региональные и территориальные организации, а также организации (если численность инвалидов среди их работников составляет не менее 50 процентов, а их доля в фонде оплаты труда — не менее 25 процентов), уставный капитал которых полностью состоит из вкладов указанных общественных организаций, и организации, единственным собственником имущества которых являются указанные общественные организации.

Снижение налоговой нагрузки, нагрузки по уплате страховых взносов должно было способствовать смягчению воздействия на указанные организации экономического кризиса, уменьшению численности убыточных предприятий, сохранению рабочих мест для инвалидов, а значит, их профессиональной реабилитации. Однако льготный правовой режим сохранялся недолго.

Созданная в России система социального страхования оказалась не в полной мере эффективной. В процессе ее функционирования обозначились проблемы⁵, которые можно было решить только путем серьезного реформирования этой системы. В контексте этого исследования важным являлось положение о том, что большая часть страховых взносов переносилась на работодателя. Это положение нашло отражение в Федеральном законе

¹ См.: О тарифах страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Государственный фонд занятости населения Российской Федерации и в фонды обязательного медицинского страхования на 1997 год : федеральный закон РФ от 5 февраля 1997 г. № 26-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 6, ст. 710.

² См.: О тарифах страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Государственный фонд занятости населения Российской Федерации и в фонды обязательного медицинского страхования на 1998 год : федеральный закон РФ от 8 января 1998 г. № 9-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 2, ст. 225.

³ См.: О тарифах страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Государственный фонд занятости населения Российской Федерации и в фонды обязательного медицинского страхования на 1999 год : федеральный закон РФ от 4 января 1999 г. № 1-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 1, ст. 3.

⁴ См.: О тарифах страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Государственный фонд занятости населения Российской Федерации и в фонды обязательного медицинского страхования на 2000 год : федеральный закон РФ от 20 ноября 1999 г. № 197-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 47, ст. 5615.

⁵ См.: О программе социальных реформ в Российской Федерации на период 1996–2000 годов : постановление Правительства РФ от 26 февраля 1997 г. № 222 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 10, ст. 1173.

№ 167-ФЗ от 15 декабря 2001 г.¹ (далее — Закон № 167-ФЗ). В соответствии с данным Законом и вступившим в силу с 1 января 2002 г. Федеральным законом от 31 декабря 2001 г. № 198-ФЗ «О внесении дополнений и изменений в Налоговый кодекс Российской Федерации и в некоторые законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах»² были внесены изменения в гл. 24 «Единый социальный налог». Страховые взносы на обязательное пенсионное страхование были выведены из состава единого социального налога. Часть этого налога, зачислявшаяся ранее в Пенсионный фонд Российской Федерации, теперь направлялась в федеральный бюджет и предназначалась для выплаты базовой части трудовой пенсии. В соответствии со ст. 9 Закона № 167-ФЗ финансирование выплаты базовой части трудовой пенсии осуществлялось за счет сумм единого социального налога (взноса), зачисляемых в федеральный бюджет, а финансирование выплаты страховой и накопительной частей трудовой пенсии — за счет средств бюджета Пенсионного фонда России.

Статья 239 Налогового кодекса РФ предоставляла льготы по единому социальному налогу отдельным категориям налогоплательщиков, но не страхователям, обязанным в силу статьи 14 закона № 167-ФЗ своевременно и в полном объеме уплачивать страховые взносы в бюджет Пенсионного фонда Российской Федерации.

Специальной нормы, устанавливающей льготу по уплате страховых взносов на обязательное пенсионное страхование общественным организациям инвалидов, Закон № 167-ФЗ не содержал. Следовательно, ст. 239 Налогового кодекса РФ, устанавливающая льготы по единому социальному налогу, не распространялась на правоотношения по уплате страховых взносов на обязательное пенсионное страхование.

Аналогичная ситуация наблюдалась в сфере налогообложения указанных предприятий. С 2002 г. налоговые льготы для них были отменены. Из анализа документов следует, что данное решение властей было запланировано. Этот вывод можно сделать, изучив бюджетное послание Президента РФ Федеральному Собранию от 31 мая 2000 г.³, согласно которому одной из первоочередных задач бюджетной политики на 2001 г. выступала отмена льгот.

Как показал уже проведенный анализ законодательства, данная задача была выполнена. Принятие соответствующих федеральных законов имело неоднозначные последствия для деятельности общероссийских общественных организаций инвалидов и созданных ими предприятий.

Ликвидация налоговых льгот, введение страховых взносов, пенсионное страхование способствовали ухудшению положения предприятий общероссийских общественных организаций инвалидов. Физическое, моральное

¹ См.: Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации : федеральный закон РФ от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 51, ст. 4832.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1, ч. 1, ст. 4.

³ См.: О бюджетной политике на 2001 год и на среднесрочную перспективу : бюджетное послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ от 31 мая 2000 г. // Российская газета. 2000. 3 июня.

старение фондов, низкая эффективность труда инвалидов привели к сокращению рабочих мест инвалидов, уменьшению прибыли от деятельности предприятий, а в отдельных случаях — ликвидации самих предприятий.

Таким образом, российскую правовую политику, осуществлявшуюся в 1991–2004 гг. в отношении общественных организаций инвалидов, можно охарактеризовать как противоречивую. В первое десятилетие установление льготы по налогу на прибыль, освобождение от уплаты страховых взносов позволяли организациям инвалидов проводить мероприятия (пусть и в минимальном объеме) по медицинской, социальной, профессиональной реабилитации инвалидов. Отмена указанных преференций существенно затруднила деятельность организаций инвалидов по реабилитации и не способствовала интеграции инвалидов в общество.

Р.Р. Вяселев,

*аспирант кафедры истории государства
и права Саратовской государственной
юридической академии
aikidoka_777@mail.ru*

Сравнительный анализ возникновения и развития института страхования рабочих в Англии XIX века и России конца XIX – начала XX веков

***Аннотация:** в статье рассматривается развитие законов о страховании рабочих в Англии и России с позиции сравнительного анализа генезиса законов о страховании в данных странах.*

***Ключевые слова:** институт страхования рабочих, фабричное законодательство, законы о страховании рабочих, несчастный случай на производстве, телесные повреждения, ответственность работодателей, страховое общество.*

***Summary:** the article considers the development of legislation on insurance of workers in the UK and Russia. This problem is considered from the perspective of comparative analysis of the genesis of the Insurance Act in these countries.*

***Keywords:** insurance Institute of workers, factory legislation, laws on workers' insurance, industrial accident, injuries, employers' liability, liability insurance company.*

55

Важность проблемы сравнительного анализа генезиса законов о страховании рабочих в Англии XIX в. и России конца XIX — начала XX вв. заключается в той исторической и правовой роли, которую они сыграли в расширении действия фабричных законов и защиты прав рабочих. Развитие законов о страховании рабочих происходило параллельно с развитием фабричного законодательства. Данная модель является общей как для Англии, так и для России, отличия же заключаются в более позднем формировании института страхования в России и слабом развитии промышленности по отношению

к Англии. Кроме того, развитие законов о страховании рабочих оказало влияние на развитие фабричного законодательства и способствовало разрешению проблемы социальной защиты рабочих.

Говоря о страховании рабочих, следует заметить, что все гарантии, которые имели английские рабочие в XIX в., начиная с закона о здоровье и нравственности 1802 г. (*The Health and Morals of Apprentices Act*)¹ и заканчивая актом о компенсации работникам 1897 г. (*The Workmen's Compensation Act 1897*)², не могли защитить от проблем со здоровьем и увечий на производстве. Касательно общенационального страхования, в том числе страхования на случай трудовых увечий, следует заметить, что свое начало оно берет в середине XX в. в Англии с принятием следующих законов:

1. Закона о национальном страховании 1911 г. (*British national insurance act 1911*)³;

2. Закона о национальном страховании 1946 г. (*National insurance act 1946*)⁴, измененного и дополненного законом о национальном страховании 1959 г. (*National insurance act 1959*);

3. Закона о страховании на случай трудового увечья 1946 г. (*Occupational Injuries Act 1946*)⁵;

4. Закона о службе национального здравоохранения 1946 г. (*National Health Services Act 1946*)⁶;

5. Закона о семейных пособиях 1945 г. (*Family Allowances Act 1945*)⁷;

6. Закона о национальном вспомоществовании 1948 г. (*National Assistance Act 1948*)⁸.

Условия и размеры компенсаций рабочим, получившим увечья либо иные травмы на производстве, принудительно устанавливались государством. К примеру, в России прецедентом такого рода вмешательства послужило издание специальных законов об ответственности железных дорог. В Российской империи первый закон об ответственности железных дорог был издан 12 мая 1852 г.⁹

Следует заметить, что в России института страхования в рассматриваемый период времени еще не существовало. Известный ученый того времени Д.И. Мейер в своей работе «Русское гражданское право» за период

¹ См.: *The Statutes of the United Kingdom of Great Britain and Ireland*. 42 George III. London, 1811. P. 66.

² См.: *Willis W.A.* *The Workmen's Compensation Act 1897.: With Copious Notes and an Appendix Containing the Employers' Liability Act, 1880.* London, 2012. P. 24–28.

³ См.: *British national insurance Act, 1911.* London, 1912. P. 12.

⁴ Great Britain. Government Actuary. *National Insurance Act, 1946: Report on the Quinquennial Review.* London, 1965. P. 72–74.

⁵ См.: *Kloss D.* *Occupational Health Law.* London, 2010. P. 116.

⁶ См.: *Speller S.R.* *The National health service act, 1946, annotated: together with various orders and regulations made thereunder.* Lewis, 1948. P. 242.

⁷ См.: *Watkin B.* *Documents on Health and Social Services: 1834 to the Present Day.* London, 1975. P. 264–270.

⁸ См.: Great Britain: Statutes, Laws etc, Stationery Office. *National Assistance Act 1948.* Stationery Office, 1998. P. 34–35.

⁹ См.: Полное Собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 27, отд. 1. СПб., 1853. С. 1265.

1819–1856 гг. не только не говорит о повышенной ответственности работодателя, но также и не упоминает об институте возмещения вреда¹.

Несмотря на то что институт страхования постепенно образовывался и развивался, в середине XIX в. в Англии и в конце XIX в. в России не были сформулированы правила ответственности предпринимателей за несчастные случаи с рабочими. Вместе с тем ряд зарубежных ученых, таких как Леонард Хорнер, Бетти Ли Хатчинс, Эми Харрисон², а также российских ученых, таких как Л.Б. Бертенсон, И.А. Покровский, В.Г. Яровицкий обращали особое внимание на принципы, на которых строилось возмещение вреда. По их мнению, работодатели должны были отвечать за все случаи получения увечий рабочими, за исключением случаев, когда рабочий действовал по своему «строгому намерению»³ либо грубо нарушая правила безопасности, установленные Законом о фабриках 1961 г. (1961 Factory Act)⁴.

И.А. Покровский считал, что «в данной области гражданского права переживается какой-то кризис»⁵. Л.Б. Бертенсон и В.Г. Яровицкий придерживались той точки зрения, что происходило исключение принципа вины из основания ответственности⁶.

После издания новых законов о страховании предприниматели начали страховать свою ответственность за здоровье рабочих в страховых обществах. Поначалу этот вид страхования представлял собой обычную коммерческую услугу, но в дальнейшем стали появляться специализированные структуры, занимающиеся данным видом страхования ответственности предпринимателей. В.К. Райхер писал: «Буржуазное страхование услужливо предоставило им соответствующие громоотводы»⁷. Позднее он отмечал, что именно для этих целей в Англии в XIX в. стали учреждаться страховые общества фабрикантов, оказывавшие услуги по коллективному или взаимному страхованию предпринимателей. В.К. Райхер говорил также об иной форме «страхового громоотвода»⁸. В подтверждение данной точки зрения Д.М. Генкин подчеркивал, что фабрикант обращается в данные общества и приводит страхование рабочих с целью снять с себя ответственность перед ними в случае увечий и травм⁹.

Сам термин «страхование рабочих от несчастных случаев» неверно вы-
ражал правоотношения между рабочими и работодателями в Англии и

¹ См.: Мейер Д.И. Русское гражданское право. Ч. 1. М., 1997. С. 251–255.

² См.: Hutchings B.L., Harrison A. A history of factory legislation. Second Edition revised, with a new chapter. London: P.S. King & Son, Orchard House, Westminster, 1911. P. 32, 74–76.

³ См.: Memoir of Leonard Horner, F.R.S., F.G.S.: Consisting of Letters to His Family and from Some of His Friends. Reprint edition. Cambridge University Press, 2011. P. 56.

⁴ См.: United Kingdom Acts of Parliament 1961: Factories Act 1961, Trustee Investments Act 1961, Suicide Act 1961, Mock Auctions Act 1961. General Books LLC, 2010. P. 42–44.

⁵ Покровский И.А. Возмещение вреда и разложение его // Вестник права. № 9. 1899. С. 1–39.

⁶ См.: Бертенсон Л.Б. По поводу частного страхования рабочих. Промышленность и здоровье. М., 1903. С. 193; Яровицкий В.Г. Страхование рабочих в связи с ответственностью предпринимателей : в 2 т. СПб., 1895. Т. 2. С. 115–117.

⁷ Райхер В.К. Общественно-исторические типы страхования. М., 1947. С. 108.

⁸ Там же.

⁹ См.: Генкин Д. Коллективное страхование рабочих предпринимателем // Право. 1909. № 15. С. 64.

России XIX в., поскольку не имело значения, являлось данное страхование добровольным или обязательным в коммерческих обществах, обществах с взаимным страхованием ответственности, в создаваемых самими предпринимателями или специальными государственными органами страховых обществах. Рассматриваемый термин являлся универсальным, и фактически данный вид страхования защищал интересы самого работодателя.

В Англии XIX в. институт страхования ответственности фабрикантов за жизнь и здоровье строился аналогичным образом, с тем отличием, что в Англии происходило активное развитие профсоюзов рабочих (тред-юнионов), которые активно выступали за улучшение положения рабочих, в том числе за улучшение условий страхования. Процесс улучшения условий труда и страхования рабочих происходил постепенно.

Только в последней четверти XIX в. начали издаваться законы, обязывающие фабрикантов в небольшой степени брать на себя расходы по обеспечению рабочих и их семей в случае получения ими увечий, а также иных травм либо в случае нетрудоспособности в связи с увечьем, полученным рабочим на производстве¹.

В 1897 г. парламентом Соединенного Королевства был издан акт о компенсации работникам 1897 г. (The Workmen's Compensation Act 1897)², устанавливающий права рабочих на получение компенсации за травму на производстве. Пострадавшие рабочие были обязаны засвидетельствовать полученные травмы в медицинском учреждении. Данный Закон пришел на смену акту об ответственности работодателей 1880 г. (The Employers' Liability Act 1880)³, дававшему возможность пострадавшему работнику право подать в суд на работодателя. Бремя доказывания возлагалось на работника. Эти правила также были заимствованы европейскими законодателями, аналогичные правила устанавливались, в частности, для немецких рабочих с 1884 г.

Данная система возмещения ущерба получила название «страхование». Страхование от несчастных случаев проводилось за счет нанимателей, а по всем остальным видам обеспечения — уже с обременением самих рабочих полностью либо частично, а также с возможностью привлечения в некоторых случаях средств из государственного бюджета.

Анализируя развитие института страхования в Англии и России, следует заметить, что первые законопроекты, устанавливающие ответственность промышленников за несчастные случаи с рабочими, были разработаны в России в 60-х и 70-х гг. XIX в., т. е. раньше, чем в других странах. Следует также учесть, что Россия отставала в своем развитии от других европейских государств — Англии, Германии, Франции, Голландии и т. п.

В начале XIX в. фабриканты выступали против прямого вмешательства в дела промышленности, ими отрицалась всякая возможность благо-

¹ Первый государственный закон об обязательном больничном страховании рабочих был издан в Германии в 1883 г.

² См.: Willis W.A. Op. cit. P. 24–28.

³ См.: Rugg A.H. The Employers' Liability Act, 1880, and the Workmen's Compensation Acts, 1897 & 1900: with the statutes relating to and cases decided on these acts in England, Scotland, and Ireland : the rules of procedure there under, and forms. Butterworth, 1903. С. 43–48.

творных последствий не только законодательного регулирования общественных отношений между работниками и работодателями, но и любые попытки законным способом регулировать сложившуюся ситуацию. Все крупные промышленники во главе с Р. Аркрайтом высказывались о невозможности для промышленности выдержать прямое вмешательство государства. Кроме того, фабриканты отрицали возможность получения каких бы то ни было серьезных увечий либо иного ущерба работником на производстве¹.

Подводя краткий итог, считаем необходимым отметить, что полноценное развитие фабричного законодательства как в Англии, так и в России XIX в. не могло произойти без развития социальных отношений, в том числе института страхования рабочих и ответственности работодателей. Кроме того, формирование института страхования рабочих происходило параллельно с развитием фабричного законодательства Англии и России XIX в. и затронуло все слои общества рассматриваемой эпохи. По нашему мнению, издание законов о страховании частично разрешило проблему социальной защиты рабочих в Англии XIX в. и заложило основу вступления России на путь создания актуальных и эффективных фабричных законов.

¹ См.: *Чистяков И.* Страхование рабочих в России: опыт истории страхования рабочих в связи с некоторыми другими мерами их обеспечения. Печатня А.И. Снегиревой, 1912. С. 163–165.

• ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЮРИДИЧЕСКИЕ ВУЗЫ РОССИИ –
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Х.М. БЕРБЕКОВА
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ •

Б.С. Карамурзов,

*доктор технических наук, профессор,
академик РАО, Заслуженный деятель
науки РФ, ректор Кабардино-Балкарского
государственного университета
им. Х.М. Бербекова*

М.Х. Гукепшоков,

*кандидат юридических наук, доцент,
Заслуженный юрист КБР,
декан юридического факультета
Кабардино-Балкарского государственного
университета им. Х.М. Бербекова
mgukepsokov@mail.ru*

**Кабардино-Балкарский ордена
Дружбы народов государственный университет
им. Х.М. Бербекова.
Юридический факультет**

***Аннотация:** статья посвящена основным этапам развития и достижениям Кабардино-Балкарского государственного университета и его юридического факультета.*

***Ключевые слова:** Кабардино-Балкарский государственный университет, юридический факультет.*

***Summary:** article is devoted to the main stages of development and achievement of the Kabardino-Balkarian state university and its law department.*

***Keywords:** Kabardino-Balkarian state university, legal faculty.*

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова (далее — КБГУ) был образован в 1957 г. на базе педагогического института. Это был первый университет, открытый в национальных республиках Северного Кавказа.

За более чем пятьдесят пять лет своего существования университет внес значительный вклад в становление и развитие национальной науки и образования.

Стратегия развития КБГУ определяет его как федерально-региональный центр образования, науки, информации и просвещения. Сегодня университет относится к ведущим вузам страны.

В настоящее время КБГУ является университетским комплексом и представляет собой новый тип учебного заведения, в котором объединены раз-

нопрофильные и разноуровневые образовательные учреждения, реализующие образовательные программы высшего, среднего, послевузовского и дополнительного профессионального образования. Это наиболее современный способ создания университетских комплексов (на базе единого юридического лица).

В состав КБГУ входят два учебных института, 14 факультетов и 6 колледжей, а также факультет по работе с иностранными студентами, факультет послевузовского профессионального образования, факультет дополнительных профессий, отделение общеобразовательной подготовки, Высшая школа конфликтологии. В КБГУ также функционируют Институт проблем Кавказа и Центр социологических исследований.

Повышением квалификации и профессиональной переподготовкой в университете занимаются: Институт повышения квалификации и переподготовки работников образования, Межотраслевой региональный центр повышения квалификации и профессиональной переподготовки специалистов, Учебно-методический центр подготовки и повышения квалификации профессиональных бухгалтеров и факультет повышения квалификации преподавателей высших учебных заведений.

Университет ведет подготовку высококвалифицированных кадров по 84 направлениям и 40 специальностям высшего профессионального образования, а также по 35 специальностям среднего профессионального образования.

В КБГУ по всем формам и уровням обучается свыше 16 тысяч студентов, в том числе более 600 иностранных граждан – жителей дальнего зарубежья. Углубленную профессиональную подготовку проходят 273 аспиранта и 138 ординаторов, 158 интернов и 22 докторанта.

В течение ряда лет вуз ведет полномасштабную подготовку по вхождению в Болонский процесс. В КБГУ действует многоуровневая система подготовки кадров, балльно-рейтинговая система оценки знаний, в 2006 г. введена система зачетных единиц, постоянно практикуется приглашение внешних экзаменаторов и экспертов, используется компьютерное тестирование по всем специальностям и дисциплинам, поддерживается академическая мобильность преподавателей и студентов.

Первые выпуски бакалавров и магистров состоялись в 1997 и в 1999 гг. соответственно.

Студенты вуза имеют возможность выбирать, в известных пределах, дисциплины, последовательность их изучения, а также преподавателей. С 2005 г. все выпускники КБГУ получают дополнительно приложения к диплому международного образца, рекомендованные ЮНЕСКО, на английском языке (Diploma Supplement).

Научно-исследовательская работа в университете ведется по фундаментальным и прикладным тематикам по 21 отрасли науки, 6 приоритетным направлениям развития науки, технологии и техники Российской Федерации, 22 критическим технологиям России, утвержденным Президентом Российской Федерации.

Основные научные направления научно-исследовательских работ, а также инновационной деятельности КБГУ определяются с учетом экономических

и ресурсных возможностей Федерации, юга России и вуза и соответствуют профилю подготовки специалистов в университете.

Научно-исследовательская работа в КБГУ проводится на всех кафедрах, в 4 НИИ, Научно-образовательном центре прикладной антропологии, Центре коллективного пользования уникальным научным оборудованием «Рентгеновская диагностика материалов» и в 26 лабораториях, 7 из которых созданы совместно с институтами РАН, а одна — совместно с институтом Национальной академии наук Украины.

К научным исследованиям в рамках 46 научных направлений привлечено 3 академика РАН, 3 члена-корреспондента РАН, 1 академик РАО, 4 заслуженных деятеля науки РФ, 17 заслуженных деятелей науки КБР, 199 докторов наук и 697 кандидатов наук.

При КБГУ функционирует 6 советов по защите кандидатских и докторских диссертаций по 11 специальностям.

Через спутниковую сеть **RUNNet** и оптоволоконную сеть **RBNet** университет имеет доступ к большому числу разнообразных баз данных сети Интернет. В настоящее время в университетском комплексе насчитывается свыше 3200 компьютеров.

В университете функционируют международная кафедра ЮНЕСКО «Образование и воспитание в духе культуры мира и прав человека», центр воспитания и культуры среднего профессионального образования, центр эстетического воспитания и художественного творчества, музей истории КБГУ, издательство, полнопрофильная и стоматологическая поликлиника, Ботанический сад, экологический стационар, учебно-научная лаборатория «Гербарий», зоологический музей, учебно-научная база в Приэльбрусье, база отдыха в г. Новый Афон (Абхазия).

Кабардино-Балкарский госуниверситет обладает развитой социальной инфраструктурой. Руководство КБГУ целенаправленно поддерживает социальную сферу, имея на балансе две базы отдыха и санаторий-профилакторий.

КБГУ поддерживает научные и деловые контакты с 34 зарубежными вузами, научными центрами и фирмами. В университете создан межвузовский региональный центр международного сотрудничества и академической мобильности, включенный в реестр Министерства образования и науки России.

Одним из самых крупных подразделений университета является юридический факультет.

Специальность «Правоведение» была открыта в 1991 г. на базе исторического факультета, который был соответственно переименован в историко-юридический факультет КБГУ.

С 1993 г. юридический факультет является самостоятельным структурным подразделением университета.

На юридическом факультете КБГУ ведется подготовка специалистов по очной и заочной формам обучения по специальности 030501 «Юриспруденция». С 1999 г. юридический факультет готовит профессиональные кадры, с присвоением дополнительной квалификации «Преподаватель». Получившие указанную профессию привлекаются для преподавания юридических дисциплин в средних учебных заведениях.

С сентября 2006 г. юридический факультет реализует образовательную программу по направлению 030500.62 «Юриспруденция» (бакалавриат), а с сентября 2008 г. — по направлению 030500.68 «Юриспруденция» (магистратура). Обучающиеся в магистратуре могут получить дополнительную квалификацию «преподаватель высшей школы». С сентября 2011 г. ведется подготовка по направлениям 030900.62 и 030900.68 «Юриспруденция».

На факультете имеется аспирантура по специальностям 12.00.01 — теория и история права и государства; история учений о праве и государстве; 12.00.05 — трудовое право; право социального обеспечения; 12.00.08 — уголовное право; уголовно-исполнительное право; 12.00.09 — уголовный процесс.

Образовательную и научную работу в составе факультета ведут 6 кафедр: теории и истории государства и права (заведующий — доцент М.В. Дышеков), конституционного и административного права (заведующий — доцент А.З. Богатырев), гражданского права и процесса (заведующий — доцент З.А. Зумакулова), трудового и предпринимательского права (и.о. зав. кафедрой — доцент М.Х. Гукешоков), уголовного процесса и криминалистики (заведующий — доцент А.З. Бецуков), уголовного права и криминологии (заведующий — профессор Ю.М. Кетов).

Общее руководство факультетом осуществляет выборный представительный орган — ученый совет факультета.

Профессорско-преподавательский состав юридического факультета включает 37 докторов наук и кандидатов наук, в их числе — заслуженные деятели науки РФ, заслуженные юристы РФ и КБР.

К преподаванию специальных дисциплин постоянно привлекаются высококвалифицированные и опытные работники судебных, правоохранительных и иных государственных органов.

Высокий уровень профессорско-преподавательского состава обеспечивается налаженной системой стажировок и повышения квалификации в ведущих вузах страны: МГУ им. М.В. Ломоносова, МГЮА, Российской академии правосудия, РАГС при Президенте РФ и др.

Юридический факультет располагается в новом пятиэтажном учебном корпусе, оснащенном современными техническими средствами. В учебном процессе задействованы: методический кабинет, специализированный кабинет теории и истории государства и права, специализированный кабинет криминалистики, зал судебных заседаний, криминалистический полигон, 2 криминалистические лаборатории, одна из которых — передвижная, 4 компьютерных класса, 5 аудиторий с мультимедийной техникой.

Сотрудниками факультета активно ведется научно-исследовательская работа. Преподаватели факультета участвуют в различных научных программах и финансируемых НИР, региональных и всероссийских научно-практических конференциях по актуальным проблемам права, публикуют результаты научных исследований в известных юридических изданиях, а также издают в виде отдельных монографий.

На базе юридического факультета проходят международные и всероссийские научно-практические конференции, посвященные актуальным вопросам юридической науки и практики.

С 2006 г. результаты основных научных достижений сотрудников юридического факультета находят отражения в ежегодном «Вестнике КБГУ» серии «Право», а также научном журнале «Известия КБГУ», входящем в перечень ВАК. Полная информация о научной, учебной, культурной и общественной жизни юридического факультета, о перспективах его развития находится на сайте Кабардино-Балкарского государственного университета.

Под руководством профессорско-преподавательского состава ведется активная научная работа студентов. Организуются круглые столы по актуальным проблемам российского права, функционируют научные кружки по теории и истории государства, проводятся научные диспуты. Это способствует получению факультетом признания не только в рамках университета, но и за его пределами.

Студенты юридического факультета неоднократно становились победителями и лауреатами международных, всероссийских конкурсов, олимпиад и конференций. За победу в организованном Государственной Думой РФ конкурсе «Моя законодательная инициатива» несколько студентов факультета были награждены дипломами, нагрудным знаком «Депутатский резерв» и знаком отличия «Национальное достояние».

Студенческая команда юридического факультета КБГУ занимала призовые места в ставшем с 2006 г. ежегодным региональным конкурсе по международному праву, проводимом Международным Комитетом Красного Креста.

Шестнадцать лет подряд факультет организует и проводит ежегодную студенческую научно-практическую конференцию, которая в последние годы приобрела статус международной. География участников достаточно широка: Абхазия, Азербайджан, Белоруссия, Украина, Москва, Пятигорск, Владикавказ, Махачкала, Майкоп, Черкесск, Ставрополь, Ростов-на-Дону, Воронеж, Владимир и другие регионы. Наиболее значимые работы публикуются.

Профессорско-преподавательский состав факультета активно поддержал идею проведения ежегодной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Перспектива». Сегодня этот форум трансформировался в Международный конгресс, в котором секция права занимает одно из ведущих мест.

Учебный процесс на факультете построен на сочетании традиционных и инновационных технологий. Все большее применение в нем находят интерактивные методики обучения. Широкое использование различных существующих баз СПС (справочно-правовых систем) повышает эффективность образовательного процесса, дает возможность быть всегда в курсе постоянно изменяющегося нормативного массива, что необходимо для выработки профессиональных качеств юриста.

Подготовка студентов связана не только с наукой, учебным процессом, но и с практикой. Юридический факультет имеет договор с 26 базами практики. Среди них: Администрация Президента КБР, Парламент КБР, Конституционный суд КБР, Верховный суд КБР, Арбитражный суд КБР, Прокуратура КБР, Служба судебных приставов КБР, Государственная инспекция труда по КБР, Нотариальная палата КБР, Адвокатская палата КБР и др.

Выпускные квалификационные работы нередко выполняются по заказам правоохранительных органов и иных государственных учреждений.

Выпускники юридического факультета работают на руководящих должностях в судебных, правоохранительных и иных государственных органах, а также в нотариате, адвокатуре, банковской системе. Более 50 выпускников факультета имеют степени кандидатов и докторов наук.

Деятельность сотрудников факультета способствует распространению правовых знаний среди населения, повышению его правовой культуры. Преподаватели юридического факультета консультируют должностных лиц, государственные органы и общественные организации по актуальным вопросам теории права и государства.

Юридический факультет КБГУ постоянно ведет поиск новых способов и форм повышения эффективности взаимовыгодного сотрудничества с другими юридическими вузами, научными центрами, государственными структурами в целях дальнейшего совершенствования образовательных и научных программ.

М.Х. Гукешоков,

*кандидат юридических наук, доцент,
заслуженный юрист КБР,
декан юридического факультета
Кабардино-Балкарского государственного
университета им. Х.М. Бербекова
mgukesokov@mail.ru*

И.Р. Кушхов,

*аспирант Кабардино-Балкарского
государственного университета
им. Х.М. Бербекова
idarkoushkhov@mail.ru*

Эволюция взглядов на монархическую форму правления в истории политико-правовой мысли России

Аннотация: статья посвящена исследованию монархической формы правления и ее особенностям в России, рассматриваются политико-правовые взгляды государствоведов дореволюционной России.

Ключевые слова: форма правления, монархическая форма правления, самодержавие.

The summary: article is devoted to research of the monarchic form of government and its features in Russia, considered political and legal sights of the scientists of the state research pre-revolutionary Russia.

Keywords: form of government, the monarchical form of government, autocracy.

С развитием монархии, переходом ее из одного этапа в другой менялись и развивались взгляды и представления о ней. Ученые разных времен исследовали, прежде всего, те ее типы, которые были свойственны их историческому времени. Выводы историков, философов и социологов

повлияли на развитие монархической формы правления в современных условиях. Рассмотрим исследования о монархии российских ученых, оказавшие влияние на государственное развитие России.

В отечественной политико-правовой мысли представления об идее монархии сложились на рубеже XV–XVI вв. Их отличительной чертой было то, что все они так или иначе признавали существовавший тогда в России государственный строй (самодержавие) единственно правильным.

Вначале возникло учение о превосходстве духовной власти над светской. Его основоположник, Иосиф Волоцкий, при определении идеи власти отделил институт властвования от его носителя — властвующей персоны. По его мнению, власть имеет божественное начало, но ее обладатель — только человек, и его ошибки и оплошности могут погубить не только его самого, но и весь народ. Поэтому не всегда следует повиноваться властителю¹. Таким образом, Иосиф Волоцкий впервые в русской политико-правовой мысли заговорил о возможности анализа действий монарха. Однако после Соборов 1503–1504 гг. его взгляды резко изменились. Он больше не говорил об ограничении царской власти. Напротив, по его мнению, власть царя подобна Божьей власти, а следовательно, подданные должны проявлять покорность и повиноваться ему так же, как Богу.

Продолжателем идей Иосифа Волоцкого в XVI в. выступил Филофей, наиболее подробно рассмотревший проблему роли и значения царской власти, а также законности ее генезиса. Масштабно представлена у него тема сакрализации царской власти. Основной идеей выступало требование полного подчинения ей со стороны подданных, неодобрение же любых поступков государя решительно не допускалось².

Концепция Максима Грека устанавливала, что «праведный государь сущего нам всеми Бога имасть невидимо соустроюща себе и соправяща сие земное царство»³, что и придает его власти сверхъестественное значение и нравственную силу, а также предоставляет ему право требовать от своих подданных безусловного повиновения. В определении формы правления Максим Грек подошел к мысли о сословно-представительной монархии, которая выражала бы «идеи координации основных политических сил русского государства, объединенных вокруг сильной великокняжеской власти»⁴.

Широкая программа реформирования в политико-правовой сфере была предложена И.С. Пересветовым. В своей теории он рассматривал задачи, связанные с формой правления и объемом полномочий верховной власти. Большое внимание в трудах И.С. Пересветова было уделено объяснению наилучшего варианта государственной власти. У него понятие единодержавия в идеи организации и дальнейшего развития единого и централизованного государства как наилучшей формы государственного устройства не подвергалось сомнению. Трактовка же самодержавия в смысле «самоволия» или

¹ См.: История политических и правовых учений. Средние века и Возрождение. М., 1986. С. 207.

² См.: Там же. С. 210.

³ Ланто-Данилевский А.С. Идея государства и главные моменты ее развития в России со времени смуты и до эпохи преобразований // Полис. 1994. № 1. С. 179.

⁴ История политических и правовых учений. Средние века и Возрождение. М., 1986. С. 217.

«самовластия» крайне осуждалась. По мнению И.С. Пересветова, истинное самодержавие должно быть основано на законе и организовано таким образом, при котором верховная власть управляет страной не единолично, а со «своими с князи и с бояры и прочими мирянами»¹.

С мыслью об «общем благе» для всех подданных выступил в середине XVII в. А.Л. Ордин-Нащокин. Являясь сторонником усиления самодержавной власти, он, тем не менее, полагал, что плодотворное развитие экономики возможно только при условии предоставления некоторой самостоятельности в торгово-промышленной сфере и развитии городского самоуправления. По его мнению, такая система содержит наибольшие возможности для развития экономики и не причинит неудобств центральной власти².

Одним из первых в истории отечественной политической мысли с идеей «просвещенной» монархии выступил во второй половине XVII в. Симеон Полоцкий. Его интересовали проблемы, связанные с верховной властью, ее авторитетом, формой устройства и деятельностью. Симеон Полоцкий активно повышал авторитет и значение царской персоны, сравнивая царя с солнцем. Большое внимание уделялось также описанию образа царя. Симеон Полоцкий считал, что просвещенная монархия является государством, основанным на законе: все люди «в градстве» обязаны бояться закона, подчинение которому укрепляет государство и «чинна и славна содевают царства»³.

Феофан Прокопович, известный церковный и политический деятель, был приверженцем абсолютной монархии, теории естественного права и общественного договора, которые старался адаптировать к русскому абсолютизму. Феофан Прокопович считал монархию «...единственно возможным государственным институтом, обеспечивающим целостность государства, его мощь и процветание»⁴, доказывал ее природное, естественное происхождение. В трактате «О правде воли монаршей в определении наследника державы своей» он описывает появление монархической формы правления следующим образом: «Сама наследственная монархия имеет начало от первого в сем или оном народе согласия, всегда и везде по воле своей, премудро действующему смотрению Божию»; при учреждении наследственной монархии народ «воли общей своей совлекается и отдает ее монарху своему для того, чтобы он владел им к общей пользе»⁵.

Значительное внимание вопросу о формах правления уделяет В.Н. Татищев. Наиболее подробно он изучает монархию в работе «История Российская». Выбор лучшей формы правления для каждой страны, по В.Н. Татищеву, зависит от определенных факторов, но имеется также и ряд общих принципов. «В единственных градах и малых областях полития или демократия удобно пользу и способность сохранять может. В величайших, но от нападения не весьма опасных, яко окружены морем или непроходимыми

¹ История политических и правовых учений. Средние века и Возрождение. М., 1986. С. 226.

² См.: История политических и правовых учений. XVII–XVIII века. М., 1986. С. 288.

³ Там же.

⁴ Буранок О.М. Петр I и Феофан Прокопович: диалог двух культур // Монархия и народовластие в культуре Просвещения. М., 1995. С. 19–20.

⁵ Феофан Прокопович. О правде воли монаршей в определении наследника державы своей // Лапто-Данилевский А.С. Указ. соч. С. 182.

горами, особливо, где народ науками довольно просвящен, аристократия довольно способной, быть может, как нам Англия и Швеция видимы примеры представляют. Великие же области, открытые границы, а наипаче, где народ учением и разумом не просвящен, а более за страх, нежели от собственного благонравия в должности содержится, тамо оба первые не годятся, но нужно быть монархии¹. Монарх, по утверждению В.Н. Татищева, подобен господину в своем доме. Государство — это дом монарха, поэтому «он не имеет причины к разорению одного ум свой употреблять, но паче желает для своих детей в добром порядке содержать и приумножать»².

Поборником ограниченной монархии был известный политический деятель М.М. Сперанский. Относительно образа правления он писал, что «государство может вверить его или одному лицу, или многим, или всем»³. Действительно монархическим М.М. Сперанский считал такое правление, когда монарх управляет на основе правил: «Сии правила коренными государства законами, и собрание их есть общее государственное положение, или конституция. И по различию коренных государства законов власть самодержавная бывает более или менее ограничена». Однако, замечает М.М. Сперанский, «...их (государей) всегдашнее старание было дать сему царству все внешние виды монархического правления и удержать в своих руках все неограниченное самовластие». По его мнению, «государство, сим образом составленное, какую бы впрочем, не имело оно внешнюю конституцию... государство сие есть деспотическое; доколе элементы его будут в таких же между собой отношениях, доколе не будет оно монархическим»⁴.

В «Проекте уложения государственных законов Российской империи» М.М. Сперанский указывает следующие черты монархической формы правления: «Державная власть соединяет в себе законодательную, судебную и исполнительную, и приводит их в действие... Державная власть во всем ее правительстве заключена в особе императора. Особа императора есть священна. Державная власть в особе императора есть наследственная»⁵.

А.И. Герцен в «Письмах из Франции и Италии», сравнивая республику и монархию, отмечает: «В монархии народ управляется... Тип монархии — отец, пекущийся о детях, хозяин, занимающий своих работников, опекун своих питомцев. Монархия непременно должна быть основана на священном, неприкосновенном авторитете, этот авторитет идет, опускаясь до самого народа, сообщая каждой степени общественной иерархии долю высочайшей власти. Монархия основана на дуализме. Правительство никогда не должно, не может совпасть с народом»⁶. А.И. Герцен не был сторонником монархического строя, ибо, по его мнению, «как бы монархия ни была устроена, она теснее ограничивает круг развития...»⁷.

¹ Татищев В.Н. История Российская. М.; Л., 1962. С. 361.

² Там же.

³ Сперанский М.М. Об образе правления // Проекты и записки. М.; Л., 1961. С. 30.

⁴ Там же. С. 41.

⁵ Сперанский М.М. Из проекта государственных законов Российской империи // Проекты и записки. М.; Л., 1961. С. 222–223.

⁶ Герцен А.И. Письма из Франции и Италии // Собр. соч. : в 30 т. М., 1975. Т. 3. С. 176–177.

⁷ Там же. С. 179–180.

Б.Н. Чичерин считал, что «монархическое начало... представляет идею высшего порядка». По его мнению, сосредоточение власти в одном лице в абсолютной монархии способствует объединению страны, а также совершению буржуазных преобразований «сверху»: «Монархи... являются самыми смелыми преобразователями. Сосредоточив власть в своих руках, не боясь препятствий, устраняя всякое противодействие, самодержавный государь может произвести перемены, немыслимые при другом образе правления»¹. Отмечая исторические заслуги абсолютизма, Б.Н. Чичерин все-таки полагал, что эта форма преходящая, т. к. она связана с сословным строем: «Неограниченная монархия есть образ правления, пригодный для младенческих народов, а отнюдь не для зрелых. Как скоро общественные силы начинают расти, так она становится помехой развитию»². Следовательно, падение ее неизбежно. Абсолютная монархия должна уступить место монархии ограниченной. «Это самый искусственный из образов правления, требующий особенного умения, тонкости и благоразумия со стороны всех его участников. Она возможна только при довольно высоком развитии народа»³. Ограниченная монархия соединяет в себе монархию, аристократию и демократию, по мере движения общества вперед и в зависимости от его потребностей ставит на первое место тот или иной элемент. Согласно Б.Н. Чичерину, конституционная монархия представляет собой форму, которая может устоять перед любыми потрясениями, принимая тот вид, который соответствует нуждам государства в данный момент и обеспечивает его дальнейшее развитие. Итак, по мнению Б.Н. Чичерина, «представительная монархия по своей идее наиболее приближается к совершенному образу правления»⁴.

Ревностным сторонником и защитником абсолютной монархии выступал К.Н. Победоносцев. В своей книге «Великая ложь нашего времени» он пишет о достоинствах ничем и никем не ограниченного монархического правления: «Монархия неограниченная успевала или примирять все ... требования и порывы, — и не одной только силой, но и уравнением прав и отношений под единой властью... в лице монарха можно представить себе единство разумной воли; а в парламенте нет его, ибо все зависит от случайности, так как воля парламента определяется большинством...»⁵. Любая конституция, по его мнению, является «великой ложью».

Русский философ Н.А. Бердяев видел идею монархии в делегировании власти монарху Богом или народом. Он различал монархию самодержавную, в которой власть царя делегирована не народом, а Богом, и абсолютную монархию, где «царь царствует не в силу божественного права, а в силу народного избрания, изъявления народа»⁶. Верховная власть не принадлежит царю, но ему принадлежит полная власть в управлении.

Л.А. Тихомиров полагал, что «монархия выражает доверие, по преимуществу, к силе нравственной. Если, наконец, в нации жив и силен некоторый

¹ Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М., 1899. С. 118.

² Там же. С. 121.

³ Чичерин Б.Н. Россия накануне XX столетия. Берлин, 1901. С. 127.

⁴ Там же. С. 134.

⁵ Победоносцев К.Н. Великая ложь нашего времени. М., 1993. С. 51, 53.

⁶ Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 172.

всеобъемлющий идеал нравственности, всех во всем приводящий к готовности добровольного себя подчинения, то появляется монархия»¹. Он считал, что монархическая власть исторически произошла из власти патриархальной. Истинной монархией он называл монархию самодержавную: «...истинная монархия может быть только одна. Это именно есть та монархия, в которой одно лицо получает значение верховной власти... Это не может случиться... только при одном условии, когда монарх, вне сомнения для нации и самого себя, является назначенным на государственное управление от Бога. Тут монарх... есть божий слуга, всецело подчиненный Богу... Такой власти народ подчиняется безгранично в пределах ея Божия служения...»².

По мнению И.Л. Солоневича, «история человечества есть по преимуществу монархическая история»³, но только русскую монархию можно рассматривать как классическую монархию мировой истории, а остальные монархии этой истории — как отклонение от классического типа. Следовательно, русская монархия наиболее приближена к идеалу монархии вообще⁴. И.Л. Солоневич утверждал, что монархия «...родилась органически из семьи, переросшей в род, рода, переросшего в племя, и так далее... до монархии российского масштаба»⁵. Вообще, по И.Л. Солоневичу, «монархия это не произвол одного лица, а система учреждений...»⁶.

Оригинален подход к пониманию идеи и смысла монархии И.А. Ильина. Для него и идея, и сам смысл монархии состоит в так называемом монархическом правосознании, без которого монархия просто не может существовать: «...царь получает свои права на путях иррациональных, естественных, вне человеческого произвола совершающихся — по наследству, по рождению, жребию, от природы: он посылает от Бога, предназначенный милостью Божьей. Так или иначе, но к самой сущности монархического правосознания принадлежит идея о том, что царь особа священная, обособленно связанная с Богом, и что именно это свойство его является источником его чрезвычайных полномочий, а также основой чрезвычайных требований, предъявляемых к нему, его чрезвычайных обязанностей и его чрезвычайной ответственности»⁷.

Таким образом, несмотря на некоторые различия, у всех названных выше государствоведов, которых принято считать теоретиками русского монархизма, имеются схожие представления об идее и сущности монархической формы правления. Сходство состоит в том, что верховная власть основана на божественном авторитете и воплощена в лице монарха, она священна, нерушима, едина и потому является источником всякой государственной власти вообще. Кроме того, все они полагали, что только монархия российская достойна имени истинной монархии, и лишь она одна может претендовать на то, чтобы считаться идеальной формой государственного устройства.

¹ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1998. С. 68–69.

² Там же. С. 85–86.

³ Солоневич И.Л. Народная монархия. М., 1991. С. 78.

⁴ См.: Там же. С. 80.

⁵ Там же. С. 86.

⁶ Там же. С. 90.

⁷ Ильин И.А. О монархии и республике // Вопросы философии. 1991. № 4. С. 140.

М.А. Хоконов,

кандидат философских наук, доцент кафедры
теории и истории государства и права
Кабардино-Балкарского государственного
университета им. Х.М. Бербекова
mhokonov@gmail.com

Э.М. Дымов,

кандидат философских наук, доцент кафедры
теории и истории государства и права
Кабардино-Балкарского государственного
университета им. Х.М. Бербекова
eldym@rambler.ru

Агональность в культуре и социально-правовых отношениях

***Аннотация:** в статье предлагается попытка историко-философского осмысления агональности как одной из специфических особенностей социокультурных и правовых отношений.*

***Ключевые слова:** агональность, демократия, диалектика, культура, коммуникация, игра, наездничество, противоречие, право, трансгрессия, состязание, цивилизация.*

***Summary:** in this article attempt of historico-philosophical judgment of an agonality as one of specific features of sociocultural and legal relations is offered.*

***Keywords:** agonality, democracy, dialectics, culture, communication, game, nayezdnichestvo, contradiction, right, transgression, competition, civilization.*

«Агон» в переводе с древнегреческого языка — «постоянная и упорная борьба межкультурного и политического конфликта, стремление быть первым, лучшим, желание превосходства и преодоления достигнутого другими духовного и физического уровня развития». Термин «агональность, агональное» впервые и в методологическом, и в рефлексивном плане был употреблен известным немецким ученым XIX в. Я. Буркхардтом, использовавшим его для обозначения всеобщей состязательности как наиболее глубокого и субстанционального качества древнегреческой культуры.

Если следовать основной мысли ученого, Древнегреческое государство уже к V в. до н. э. оформилось как весьма непрочный политический союз городов-полисов, для которых, несмотря на их приверженность к общезеллинистическим ценностям и социально-правовым идеалам, было характерно поразительное разнообразие. Одной из основных причин тому Я. Буркхардт считал их социальную агональность, тяготение к игровым способам соперничества.

Продолжая во многом культурологический подход Я. Буркхардта к объяснению феномена «греческого культурного чуда», Ф. Ницше вводит в философию жизни понятие «агональность» как обозначение гомеровского общества, в котором социально-правовые отношения и появление новых социокультурных ценностей связывались с состязательным, соревновательным воспитанием подрастающего поколения. Согласно философу, именно в эту эпоху эллины вновь почувствовали всю сокрушительную силу воздействия на сознание

другого мира, перед которым все земное ощущалось как преходящее, бременное. В это время происходит окончательное становление эпического сознания и относительно прочного политического единства греческого мира, пронизанного духовными ценностями мифа. Гомер с его бессмертной «Илиадой», если исходить из мыслей философа, вернул олимпийским богам новое дыхание, новую жизнь: неопишимо разнообразный мир эллинов как будто застыл на огромном полотне, где греки показаны, с одной стороны, ощутившими чувство какого-то высшего метафизического единства, а с другой — познавшими все страхи и ужасы своего существования в постоянном противостоянии богам. Эта агональность порождалась, как это можно понимать из экзегетического осмысления «греческого чуда» мыслителем, необычайным недоверием к титаническим силам природы¹.

Афинский полис VI–V вв. до н. э. с его всеобщим агональным настроением — это, если воспользоваться определением известного французского историка, исследователя древнегреческой цивилизации А. Боннара, «...в одинаковой степени деревня с пашнями вокруг и город с его лавками, гаванью и кораблями, это весь афинский народ, отгороженный стеной из гор и с окном на море: это кантон, который именуется Аттикой... Кругом — десятки таких же полисов в точно таком же обрамлении. Эти многочисленные города соперничают между собой на разных поприщах — политическом, правовом и экономическом, и приводит это всегда к войне»². Древнегреческие города, находившиеся в состоянии политической конфронтации, не заключали мир, а признавали только договоры о перемирии на непродолжительное время, а многие войны возобновлялись до обозначенного срока.

Однако милитаристское напряжение снималось и даже упразднялось в других формах противостояния — в культурном и спортивном соревновании, где стихийно-воинственный экстазм сублимировался в позитивно-состязательный элемент. Начиная с Истмийских игр, посвященных культу бога Зевса-громовержца, соревновательное начало выступало весьма мощным социально-интегративным и культуротворческим прецедентом. Так, уже во время проведения Олимпийских игр все войны и конфликты между полисами прекращались, суды не рассматривали дела, откладывались казни, и Греция полностью погружалась в атмосферу праздника, спортивных зрелищ, причем слава победителя расценивалась как слава всего его родного полиса. Игровой и агональной тематикой насыщены и многочисленные формы состязания между гражданами внутри полисов: в Афинах часто проходили конкурсы на лучшую трагедию, комедию, а в Дельфах — святилище бога Аполлона — устраивали состязания певцов, флейтистов и арфистов.

Акме осознания в греческой культуре стихии борьбы и состязания приходится на философию досократовского периода и связано с Гераклитом, выдающимся мыслителем, основоположником стихийной диалектики. В

¹ См.: Ницше Ф. Сочинения : в 2 т. Литературные памятники : пер. с нем. М., 1990. Т. 1. С. 66.

² Боннар А. Греческая цивилизация. Т. 1 : От Илиады до Парфенона / пер. с фр. О.В. Волкова. М., 1992. С. 32.

своем философско-прозаическом произведении «О природе» он обратил внимание на субстанциональность универсального динамизма всех вещей, на то, что все отдельные явления универсума возникают, растут и гибнут, и все миры подчинены этому процессу. Чтобы продолжать быть, мы должны непрерывно не быть больше тем, чем мы были только что, в любой из моментов нашего существования — вот суть его учения, усматривавшего в метафоре Огня наиболее точное выражение вечной борьбы живого и неживого в бытии. Очевидна и побудительная причина, по которой Гераклит вложил в огонь природу всего: огонь наиболее явным образом воплощает характеристики вечного изменения, контраста и гармонии. Он живет смертью горючего, продолжается в трансформациях золы, дыма, пара, сам порождая новые миры света, тепла, вечного возрождения, его закон — это борьба и единство противоположностей, понятая древнегреческим мыслителем в русле стихийной диалектической мысли как универсальная закономерность¹.

По этому поводу известный российский историк античной философии А.Н. Чанышев писал: «Гераклит не отрицал устойчивости вещей в космосе. Но эта устойчивость у него относительна, и она возможна именно потому, что вещь вечно воспроизводится, находится в состоянии агонии, смерти, возрождения... Даже тождество противоположностей у Гераклита означает вместе с тем не их взаимопогашение, а их борьбу. Эта борьба (распря) — главный закон мироздания»². Диалектика, таким образом, становится высшей абстрактной и категориальной формой воплощения греческой философемы об универсальности борьбы, состязания, соперничества как источника непрерывного развития материального сущего и духовного.

Как А. Боннар, так и Ж.-П. Вернан, Э.Д. Фроловым, исследовавшими социально-исторические корни возникновения классической древнегреческой культуры, неоднократно отмечалось, что само устройство демократических полисов стимулировало развитие не только диалектической социальной рефлексии, ориентированной на свободную интеллектуальную конкуренцию, но и заставляло коллективы и отдельных индивидов уже тогда осмысливать важность феномена демократии в культуре и правовых отношениях граждан, отражать это в философских и историко-политических произведениях. Сам феномен социально-политической институционализации, как это можно полагать, содержал в себе, если его осмыслить в рамках античного общества, сильные разнородные, нередко противоречивые элементы. Институционализация была связана с соперничеством и борьбой отдельных групп обществ (классов, фетов), обособленных друг от друга идеологией.

Подобного воззрения на специфику формирования ценностных, идеологических отношений в античных цивилизациях придерживался выдающийся израильский философ, социолог и теоретик теории модернизации Ш. Эйзенштадт. Согласно его концептуальному выводу, все архаические цивилизационные общности преодолели ряд существенных антиномий в социально-политической и культурной динамике, из которых наиболее явной он считал фундаментальную дискурсивную агональность между разумом и

¹ См.: Культурология : учеб. пособие / под ред. Г.В. Драчева. М., 2009. С. 236–237.

² Чанышев А.Н. Курс лекций по древней философии. М., 1981. С. 136.

верой¹. Цивилизации, в основе которых лежали революционные и, если воспользоваться ключевой категорией философии истории К. Ясперса, «осевые» ценности буддизма, конфуцианства, даосизма и натурфилософских доктрин, репрезентировали высокий уровень рефлексии, а наличие альтернативных и открыто конкурирующих систем усиливало притязания прагматической рациональности. Разум наделялся открытой метафизичностью, трансцендентными измерениями и автономией. Это и вызывало противостояние между априорной рациональностью как таковой и сутью откровения, веры.

Если верить Ш. Эйзенштадту, противостояние между монотеистическими религиями Востока, особенно между христианством и панлогизмом вырождающейся греческой культуры, сыграло огромную роль в образовании той цивилизации, которую сейчас в науке принято называть западной. Если продолжить далее мысль ученого, все эти факторы, безусловно, оказали серьезное влияние на становление теории общественного договора, которые, между прочим, уже отмечались в азиатских цивилизационных локусах. Представление о том, что реальный мирской, прежде всего, политический порядок образуется путем некоторого соглашения между членами соответствующей социальной группы или между ними и правителями может быть найдено в работах Мо-Цзы, Сюнь-Цзы, арабского мыслителя Ибн Халдуна.

Обратим внимание и на следующий момент: в философской и протонаучной древнегреческой мысли выделяется особый сквозной дискурс, запущенный в трудах софистов и элеатов, называемый в современной истории философии «агон» — искусство ведения спора. В этом изящном и глубоком с логической точки зрения коммуникативном искусстве первый прорыв и прокламация перфоманса мышления, а затем риторические игры позволили вывести человека на новые ступени социальной коммуникации. Тяга к полемике, к состязанию во всех его проявлениях, агону становится одной из отличительных черт характера древних греков классического периода их культурной цивилизации. Можно предположить, что гомеровские поэмы, демонстрирующие вполне самостоятельную традицию вербализованных состязаний, стали духовной основой для зарождения агонально-демократических принципов коммуникации древнегреческого социума более позднего времени. Таким образом, одним из ключевых моментов античной культурной революции, случившейся после греко-персидских войн в последней четверти V в. до н. э., становится универсализация агонистического духа все новыми и новыми общественными силами.

Как и в древнегреческой культуре, где подрастающее поколение воспитывалось в романтическом мире восторженного отношения к греческим мифам и эпосу, героической агональности между людьми и богами, противостоянии между отдельными героями «Илиады», в адыгской этнокультурной системе воспитания дети с ранних лет оказывались в мире мифоэпической мудрости и народных традиций, которые задавали все необходимые ориентиры для формирования героико-экстравертивной личности. Нацеленность на борьбу, состязание, соперничество, как это будет показано ниже в общих чертах, проявляется в адыгском традиционном обществе в различных сферах — играх, обрядах инициации,

¹ См.: *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизации / пер. с англ. А.В. Гордона; под ред. Б.С. Ерасова. М., 1999. С. 26.

традиционной системе воспитания. Агональный характер адыгской культуры получает наиболее яркое выражение в индивидуализме, персонализме мышления социально-политической элиты — военно-феодалной аристократии.

Эпический героизм и его конкретно-исторические проявления в походах, набегах, оборонительных войнах, постоянное стремление быть лидером во всяких военных начинаниях, необыкновенная удаля, храбрость, беспримерное мужество, истинное благородство, сочетающиеся с систематическим соблюдением правил и принципов дворянского этикета, регламентирующего морально-этические, социально-правовые, а в целом поведенческие паттерны — вот, на наш взгляд, основные характеристики образа жизни и внутренней культуры кабардинского феодала. Но весьма субъективным и ограниченным было бы исследовательское видение, имеющее основной своей научной интенцией всего лишь механическую экстраполяцию сугубо бихевиористских моделей как коллективного, так и индивидуального поведения на этнографические и этнологические данные по вышеприведенным культурам. Обратим внимание на то, что в рамках экспансивной (в плане временного преодоления собственного социально-политического пространства в ходе военного похода, наезда) группы неутолимая жажда подвигов, новых героических свершений, особенно за пределами своей страны, сознательное стремление всегда первенствовать пробуждали, естественно, в душе князя, дворянина ревнивое отношение к доблести, славе других уорков (высшее сословие в кабардинском традиционном обществе), что еще больше толкало к невиданным героическим поступкам, приводящим его даже к гибели. Все это, естественно, усиливалось в наездничестве, где военная и духовная агональность становилась выраженной.

В каком-то смысле наездничество — это постоянная реактуализация стихийно-природных сил и способностей мужчины, поддержание его жизненной маскулинно-волевой натуры, постоянный переход и диспозиция «дом-чужбина». Экзистенциальный фон динамического бытия воина-наездника крайне выражен: он должен бороться не только за право называться лучшим, первым, непревзойденным в ратных делах, но и постоянно находиться в состоянии ощущения близости смерти (ожидания случайного удара стрелы и меча врага, вероломного нападения, смертельной раны, болезни). Но сама жизнь, как удачно выразился немецкий философ Мартин Хайдеггер, представляет собой «бытие к смерти». Настоящее «бытие к смерти», состоящее в героико-пассионарной встрече с ее неотвратимостью, порывает с повседневностью.

В истории адыгов найдется немало героических личностей, доказавших не только своей жизнью, но и тем, как они ее завершили, истинность великого принципа мужественности, о котором так поэтично и возвышенно говорил Гераклит: «Умирая, герой зажигает в ночи всеобщего безмолвия еще один огонь бессмертия народа». Таковы Мухамед Коджебердуко, Каноко Айтек, князь Кушук, сын Ажджерия, Жамбот Бештоко, Жандар Псиго (Жандар Тонкостанный). Их имена увековечены в героических песнях адыгского фольклора. Такие воины-наездники как бы играют со смертью, но не в агонии посредственных субъектов, проживших тихую и никчемную жизнь человека повседневности, а обходят ее ловко всякий раз, когда попадают в пограничные ситуации, или встречают ее лицом к лицу. Они — герои, нацеленные на утверждение в обществе, культуре,

своем сознании принципа бытия. Именно этот принцип, согласно выдающемуся психологу и философу XX столетия Э. Фромму, лежит в основе всякой гуманистической этики. Быть для героя — это умение каждый раз побеждать время, творить его новые модусы и измерения и тем самым становиться, говоря на языке синергетики, константным аттрактором культурогенеза. Давая характеристику культурно-исторической миссии Авраама, Моисея, Одиссея, Геракла, философ в работе «Иметь или быть?» писал: «Герои — это те, кто отваживаются расстаться с тем, что у них есть: со своей землей, семьей, собственностью и идут вперед не без страха, но побеждая этот страх. Мы восхищаемся этими героями, потому что в глубине души сами хотели бы быть такими — если бы могли... герой не боится потерять жизнь... когда человек предпочитает быть, а не иметь, он не испытывает тревоги и неуверенности. Если Я — это то, что я есть, а не то, что имею, никто не в силах угрожать моей безопасности и лишить меня чувства идентичности»¹. Агон героя, таким образом, нацелен не на борьбу за достижение эгоцентрических и потребительских целей, а на достижение победы, раскрытия своей Самости, т. к. сила его действенности возникает естественно при противостоянии, борьбе, конфликте сторон, а в диалектико-онтологическом смысле — борьбе и единстве бытия и небытия. Динамическое существование воинов-наездников в условиях экстрасоциальной сублимации пассионарной энергетики можно охарактеризовать с философско-герменевтической точки зрения термином «агональная трансгрессия».

Трансгрессия — это термин из постнеклассической философской лексики, означающий переход какой-либо непреходимой до определенного промежутка времени границы, лиминальной линии. Наездничество, если взглянуть на него с топологической стороны, — это коллективный трансгрессивный поступок: адыгивоины не «скользят», если можно так выразиться, по обжитой ландшафтной сетке, перекраивая чью-либо социально-политическую реальность, а выходят далеко за ее пределы. Будучи образом жизни, наездничество формирует устойчивые этнокультурные стереотипы и социализирует индивида, направляя его развитие в сторону открытого, бытийно-экстравертного типа личности, совершенствующегося во всем — в военном деле, обычном праве, знании традиции, ораторском искусстве и т. д. Разворачивающаяся в трансгрессивном акте деятельность не является по отношению к предшествующим деяниям линейно вытекающей из них: воины не стремятся повторить совершенные прежде героями поступки, но, понимая образцовость их содержания, стремятся их превзойти. Поэтому наездничество как способ коллективного взаимодействия и духовной коэволюции открыто конкурирующих личностей образует одну из важнейших структур «жизненного мира»²

¹ Фромм Э. Иметь или быть? / пер. с англ. Н.И. Войсунской и И.И. Каменкович. Минск, 1997. С. 310–311.

² В работе основоположника феноменологии как философской системы Э. Гуссерля «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии» под категорией «жизненный мир» понимается, прежде всего, объединение личностей и конституируемый ими мир с его открытым горизонтом объектов (вещей, ценностей и др.). Иными словами, жизненный мир представляет собой социально организованный мир, допредикативный опыт самого мира, а в более поздних рефлексиях философа — синтетический опыт интросубъективностей. Мир же пространственно-временных вещей трактуется им как низший слой интросубъективной материальной природы, как общее поле действительного и возможного опыта индивидуальных мыслителей, отдельных людей и их объединений. В данном случае речь идет о сумме всех жизненных переживаний и интросубъективных связей субъектов в актах экзо-агонального действия.

адыгской культуры. В данном случае под жизненным миром следует понимать некий общий резервуар само собой разумеющихся и непоколебимых убеждений, знаний и навыков адыгского воина, которые часто используются всеми участниками агональной коммуникации для кооперации. В то же время жизненный мир находящихся в пути личностей — это места их пребывания, являющиеся уже не просто топическими сегментами открытой реальности, а пространствами, охваченными духом воинской энтелехии, их телеономического отношения к миру.

В свете изложенного нам представляется, что агональность — это не атрибутивная сторона какого-либо исторического типа культуры, не уникальный и определяющий фактор развития локальной цивилизации. Возникновение нового, прогрессивного, общественно значимого явления на каждом историческом этапе обусловлено рядом однородных и даже гетерогенных причин и факторов, способом со-бытия которых выступает борьба, противоречие, конфликт. Из всех типов противоречий агональность представляет собой конфликт, ведущий к конструктивному, синергетическому соотношению между культурами, социумами и политико-правовыми структурами общества. Агональность тогда — это субстанциональная сторона развития каждой социокультурной системы, культурфилософская категория, указывающая на универсальность диалектического взаимодействия и взаимообусловленности социальных, правовых, духовных сфер человеческого бытия.

М.Л. Хабачиров,

*кандидат юридических наук, доцент
Кабардино-Балкарского государственного
университета, докторант МГИ (У)
МО МИД РФ, руководитель Аппарата
Конституционного суда КБР,
заслуженный юрист КБР
miaed@rambler.ru*

О современных средствах ведения военных действий: статус оружия на новых физических принципах

77

***Аннотация:** в статье рассматривается проблематика новых средств ведения военных действий на предмет законности их создания и применения. В частности, анализируется возможность появления такого оружия массового поражения, как «генное оружие».*

***Ключевые слова:** генное оружие, оружие на новых физических принципах, оружие массового поражения, оговорка Мартенса.*

***Summary:** the article deals with the problems of the new means of conduct of hostilities on the legality of their creation and use. In particular, analysis of the possible appearance of such weapons of mass destruction as «genetic weapons».*

***Keywords:** genetic weapons, weapons based on new physical principles, weapons of mass destruction, «Martens clause».*

В международном гуманитарном праве особый интерес представляет проблематика средств и методов ведения военных действий. Адекватная оценка новых средств ведения военных действий на предмет законности их создания и применения чрезвычайно важна.

В этом плане серьезную озабоченность вызывает вопрос о так называемом оружии на новых физических принципах и, в частности, о «генном оружии» (или «этническом оружии»), основные характеристики которого сводятся к «выборочному летальному воздействию на представителей различных рас. Его технология базируется на достижениях генной инженерии, и медики бессильны в борьбе с ним»¹.

Результаты анализа открытых источников разной направленности по данной проблеме свидетельствуют о возможности отказа в ближайшем будущем от вооруженных столкновений с участием больших армий, от непосредственного уничтожения на поле боя. Новым оружием могут стать средства, действующие медленно и незаметно, оказывающие постепенное разрушающее воздействие на организм человека, ослабляющие его жизнеспособность, его защиту от инфекционных и метеорологических факторов, приводящие к гибели или долговременному выводу из строя большого количества людей.

Одним из таких источников, заслуживающих доверие, является эссе по национальной безопасности премьер-министра (ныне Президента РФ) В. Путина, в котором утверждалось, что Россия должна подготовиться к угрозам будущего. «Большое, если не решающее, значение в определении характера вооруженной борьбы будут иметь военные возможности стран в космическом пространстве, в сфере информационного противоборства, в первую очередь — в киберпространстве», — писал Путин. «А в более отдаленной перспективе — создание оружия на новых физических принципах (лучевого, геофизического, волнового, генного, психофизического и др.). Все это позволит наряду с ядерным оружием получить качественно новые инструменты достижения политических и стратегических целей»².

По словам В. Путина, Россия должна быть готова «к быстрым и эффективным ответам на новые вызовы». Совершенно справедливо с точки зрения политического деятеля. Однако с точки зрения международно-правовых аспектов проблема требует осмысления.

Наряду с развитием традиционных видов оружия во многих странах большое внимание уделяется работам по созданию нетрадиционного оружия или, как принято говорить, оружия на новых физических принципах.

Существует следующее определение этого оружия: *оружие на новых физических принципах (ОНФП)* — это вид оружия, основанный на качественно новых или ранее не использовавшихся физических, биологических и других

¹ Дикое, неслыханное оружие! Существует ли на него запрет? // Московский журнал международного права. 1997. № 4. С. 136. Эта заметка была одним из первых призывов к правовому осмыслению проблематики «генного» (геномного, этнического, биотропного и т. п.) оружия. Газета «Индепендент» (Великобритания) опубликовала интервью с профессором Мэлколмом Дэндо (военно-аналитический отдел университета английского города Брэдфорд), который утверждает, что в мире создано так называемое «этническое оружие», обладающее выборочным воздействием на представителей различных рас.

² Российская газета. 2012. 20 февр.

принципах действия и технических решениях, базирующихся на достижениях в новых областях знаний и на новых технологиях. К ОНФП относятся лучевое (лазерное и ускорительное), инфразвуковое, радиочастотное, геофизическое, генное, аннигиляционное, кинетическое оружие, новые виды несмертельного оружия и средства ведения информационной войны. Часть этого оружия уже создана, другая находится в стадии испытаний, наконец, последняя — гипотетическое оружие, в области которого ведутся лишь теоретические исследования.

В связи с этим возникает ряд вопросов. Готово ли международное право к появлению подобного рода «оружия»? Является ли оно (новое оружие) «оружием» в том смысле, в котором оно формулируется в международном гуманитарном праве (далее — МГП)? Существуют ли запреты (как в международном, так и национальном праве) на его разработку, производство и применение? Необходимо и возможно ли регулирование и контроль над подобным рода исследованиями? И другие.

Первые упоминания о фактах появления подобного рода «оружия» относятся к середине прошлого века.

Так, с 1956 по 1958 гг. армия США проводила полевые испытания в бедных районах штата Джорджия и Флорида, в основном населенных афроамериканцами. С самолетов в воздух выпускались комары, после укуса которых у жителей наблюдались необычные формы лихорадки. В то время это был прорыв, они добились потрясающего результата, их оружие убивало только черных и совершенно не действовало на белых.

Не отставала от своего стратегического противника и наша страна. В СССР первые разработки начались в 70-е гг. XX в. в закрытом городе Свердловск-19, правда, тогда один из экспериментов вышел из-под контроля. По утверждению профессора А.В. Яблокова (с 1991 по 1999 гг. — советник Президента РФ, член-корреспондент РАН), эта утечка привела к гибели десятков людей. Причем, погибшие были исключительно мужчины призывного возраста.

Есть и более поздние примеры. В 2002 г. французские ученые из Института Пастера зафиксировали на Мадагаскаре необычную эпидемию. Неизвестная форма заболевания поразила порядка 2000 человек (с одними и теми же признаками), 157 из которых погибли. Особенность этой эпидемии была в том, что все заболевшие принадлежали к одной этнической группе. Как потом констатировали, похоже, что ученые столкнулись с испытаниями генетического оружия.

Особенную актуальность такого рода разработки приобрели в начале третьего тысячелетия, после того как ученым из Национальной организации здравоохранения США удалось практически полностью расшифровать геном человека и оказалось, что в этом геноме содержатся гены, присущие только определенному этносу. Причем, по утверждению ряда ученых (например, кандидата биологических наук В. Цидендамбаева), примерно 10 % этого генома засекречены.

Сегодня разработки ушли далеко вперед. Эти гены можно встраивать в геномодифицированные продукты питания, после чего абсолютно

безвредные продукты начинают влиять на здоровье человека. Механизм такого влияния очень прост. Экспортировать в нужную страну необходимый продукт, который способен убивать коренных жителей этой страны, при этом ни один лабораторный анализ не способен определить, насколько этот продукт опасен. А через год, два или может быть несколько поколений в стране неожиданно начнутся эпидемии неизвестных болезней.

Для поставки такого оружия не требуются никакие средства доставки. «Вирус» может быть помещен в какой-либо экспортируемый по всему миру продукт, и потреблять его будут все, а разрушительное воздействие он будет оказывать на представителей какой-нибудь одной группы (нации). Такой вирус может, например, блокировать у объекта поражения способность к воспроизводству, в результате чего у какой-либо нации начнет резко падать рождаемость, вплоть до полного уничтожения. Это оружие может действовать в зависимости от пола, возраста и различных антропологических признаков, которые можно связать путем анализа с хранящей генетический код структурой ДНК. В последней закодированы внешний вид человека, манера его поведения, длительность жизни и другие характеристики.

На сегодня известно около 50 этносов, различимых на генетическом уровне.

Естественно, ученые могут скептически относиться к подобной открытой информации, однако, полагаем, что обсуждение этого вопроса возможно и просто в гипотетическом, фундаментальном плане¹. Ведь правовые вопросы, возникающие при анализе программных целей нашей страны, заслуживают того, чтобы их исследовать.

Возможно ли «генное оружие» считать оружием массового поражения, если оно действует избирательно, если, к примеру, в войсках со смешанным составом оно будет поражать только людей белой расы, а представители других рас не будут страдать?

Представляется, что последний из поставленных вопросов содержит в корне неверное понимание «избирательности», более того, такое понимание является чрезвычайно опасным. Поражение представителей одной расы (при непричинении вреда другим) никак не может означать избирательности действия данного оружия.

Полагаем, позитивное МГП не в достаточной степени способно регулировать возникшую ситуацию. Хотя часть поднимаемых проблем, связанных с перечнем оружия на новых физических принципах, регулируется МГП посредством установления различных запретов.

Так, в частности, в Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду (10 декабря 1976 г.) речь идет о запрете использования средств воздействия на природную среду, которые имеют широкие, долгосрочные или серьезные последствия, в качестве способов разрушения, нанесения ущерба или причинения вреда любому другому государству-участнику. Думается, что

¹ После недавнего запрета Федеральной таможенной службы на вывоз генетического материала россиян за границу из-за опасения создания против нас этнического оружия возобновились разговоры о реальности такого оружия.

основываясь на этом акте, можно говорить о запрете использования геофизического (климатического) оружия.

Дополнительный Протокол IV об ослепляющем лазерном оружии к Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие (Вена, 13 октября 1995 г.), запрещает при определенных условиях использование ослепляющего лазерного оружия.

Можно при определенном толковании существующих договоров говорить о запрете оружия массового поражения (ядерного, радиационного, химического и бактериологического, аннигиляционного).

Однако, полагаем, следует расставить некоторые акценты, касающиеся генного оружия:

1. Не факт, что подобное оружие является оружием массового поражения (уничтожения). В документах ООН к оружию массового поражения относится такое, которое «действует путем взрыва или при помощи радиоактивных материалов, смертоносное химическое и бактериологическое оружие и любое иное оружие, которое будет разработано в будущем, обладающее свойствами атомной бомбы или другого упомянутого выше оружия»¹. Но отнесение какого-либо оружия к оружию массового поражения еще не означает его автоматического запрета, а потому решающего практического значения пока не имеет. Это связано с тем, что в совокупности действующих международно-правовых норм, образующих МГП, термин «оружие массового поражения (уничтожения)» не используется, международное гуманитарное право не содержит прямого запрета на использование оружия массового поражения (уничтожения). МГП запрещает использование следующих видов оружия:

- оружия, делающего смерть неизбежной;
- оружия, наносящего чрезмерные повреждения;
- оружия неизбирательного действия.

К сожалению, информация о так называемом «генном оружии», которой мы располагаем, не позволяет судить о технологии его производства, т. е. о природе (биологической, химической или иной) этого оружия. Тем не менее хотелось бы обозначить определенные юридические ориентиры, позволяющие классифицировать появляющиеся новые средства ведения военных действий.

Согласно имеющимся сведениям (неполным), «генное оружие» поражает живую материю, приводя к летальному исходу. Причем такой исход неотвратим, и медицинские службы бессильны в борьбе с этим оружием². По другим сведениям, возможны и не летальные исходы, а также различные отсроченные негативные последствия.

Таким образом, можно сделать вывод, что «генное оружие» непременно приводит к необратимым изменениям в человеческом организме, в то время как такая неотвратимость отсутствует в случае применения обычного оружия. Тем самым оно не может быть отнесено к обычным видам оружия и заслуживает специального договорного запрета.

¹ Резолюции и решения Генеральной Ассамблеи ООН, принятые на XXII сессии. Нью-Йорк, 1968. С. 47.

² См.: Московский журнал международного права. 1997. № 4. С. 136.

Цель войны заключается не в том, чтобы убить неприятеля, а в том, чтобы вывести его из строя на период вооруженного конфликта. Следовательно, применение оружия, которое обязательно убивает жертву, явно превышает цель. Профессор А. Кассезе писал по этому поводу, что «оружие дозволено, если, поражая противника, оно может его убить или ранить, в зависимости от обстоятельств. Наоборот, противоречит международному праву оружие, если результатом его применения всегда является смерть всех, кто тем или иным образом был им поражен»¹.

Более того, «генное оружие» действует на свои жертвы по истечении определенного промежутка времени, даже после окончания вооруженного конфликта и таким образом поражает уже не комбатантов (воюющих), а лиц, не принимающих участия в военных действиях. Следовательно, его применение не является необходимым для достижения очевидного военного преимущества, что также дает основание говорить о незаконности данного оружия.

Кроме того, чисто биологическое воздействие этого оружия роднит его с бактериологическим, химическим оружием, и на этом основании оно, казалось бы, должно подпадать под запрет², однако название указанного оружия не входит в терминологию вышеназванных конвенций.

2. «Избирательность» в МГП означает не различие объектов нападения по национальному, этническому, расовому или религиозному признаку, а то, что находящиеся в конфликте должны всегда разделять гражданское население и комбатантов, а также гражданские и военные объекты и, соответственно, направлять свои действия только против военных объектов.

Таким образом, используемое в вооруженном конфликте оружие может применяться исключительно против воюющих противоборствующих сторон. Не может использоваться оружие, которое поражает противника по какому-либо иному критерию, кроме указанного³.

«Генное» же оружие поражает людей определенной расы (а равно нации, пола, возраста), не проводя различий между комбатантами и другими категориями, нападения на которые запрещаются международным гуманитарным правом. Таким образом, оказывается, что критерием поражения этим оружием является принадлежность к определенной расе (а равно нации, полу, возрасту и т. д.), а не принадлежность к «воюющим», что относит такое средство ведения войны к средствам нападения неизбирательного характера.

¹ Cassese A. Weapons Causing Unnecessary Suffering: are They Prohibited? Riv. Dir. Int., 1975. P. 18.

² См.: Протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств от 17 июля 1925 г. URL: http://www.uprava-regovo.ru/region_p/aba03/02589222.html (дата обращения: 14.10.2013); Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении от 10 апреля 1972 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bacwear.shtml (дата обращения: 14.10.2013); Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении от 13 января 1993 г. URL: <http://www.referent.ru/1/27881> (дата обращения: 14.10.2013).

³ Международный суд ООН также считает, что «государства никогда не должны применять оружие, не позволяющее производить различие между гражданскими и военными объектами». См.: Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons. ICJ (Advisori Opinion) 8 July 1996 // ILM. 1996. Vol. 35. № 4. P. 814–842.

3. Даже в условиях недостаточной изученности технологии, поражающих факторов и последствий применения, но зная идею «генного оружия», которое поражает представителей определенной расы (а равно нации, пола, возраста), можно заключить, что применение оружия, обладающего таким действием и такими свойствами, будет являться международным преступлением (геноцидом).

Так, ст. 2 Конвенции «О предупреждении преступления геноцида и наказания за него» от 9 декабря 1948 г. гласит:

«В настоящей Конвенции под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую:

- a) убийство членов такой группы;
- b) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;
- c) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение;
- d) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;
- e) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую»¹.

Объективная сторона этого преступления не закрепляет исчерпывающего перечня используемых для этого средств, следовательно, совершение любого из вышеприведенных деяний с указанным намерением автоматически означает, что применение средств, подобных так называемому «генному оружию», является не чем иным, как геноцидом.

Предвидя возможные скептические замечания некоторых специалистов, которые сочтут, что для отнесения деяния к актам геноцида необходимо установить использование данного оружия с подобным намерением, а установить это можно, только изучив «обстоятельства в каждом конкретном случае», хотелось бы обратить внимание на правовую позицию Камеры II Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии, заявившей, в частности, что «особое намерение совершить преступление геноцида не обязательно должно быть четко выражено»; о намерении этом можно заключить, рассматривая разного рода объективные факторы, в том числе — совершение действий, ставящих под угрозу саму основу существования группы людей². В данном же случае применение оружия, критерием поражения которым выступает принадлежность к какой-либо расе (а равно нации, этносу, религиозной группе, полу, возрасту), является «объективным фактором», ставящим под угрозу саму основу существования группы людей (нации, этноса, расы, религиозной группы).

¹ Действующее международное право : в 3 т. / сост. Ю.М. Колосова, Э.С. Кривчикова. М., 1997. Т. 2. С. 68.

² См.: TPIY, Chambre de 1 inst., aff. IT — 95 — 5 et 18 — R 61, 11 juillet 1996, Karadzic et Mladic, 94.

4. Принципиальное значение для правовой регламентации так называемого «этнического оружия» имеет оговорка Мартенса¹, выполняющая роль связующего звена между позитивным правом и нравственными началами (естественным правом).

С момента своего появления в преамбуле II Гагской конвенции 1899 г. она стала частью МГП². Международный суд ООН в Консультативном заключении³ определил, что оговорка Мартенса представляет собой норму обычного права и потому имеет нормативный характер. Кроме того, Суд в п. 78 Заключения заявил, что «она оказалась эффективным способом учета быстрого развития военной техники». Эти положения — больше, чем благое пожелание. Это общие положения, делающие из обычаев, принятых среди цивилизованных наций, законов гуманности и велений общественной совести правовой критерий, который следует применять, если и когда нормативная регламентация не охватывает конкретные случаи, имеющие место во время ведения военных действий или связанные с последними. Мы полностью поддерживаем такое толкование авторами оговорки Мартенса, в соответствии с которым, поскольку международные соглашения по праву вооруженных конфликтов далеко не всегда оказываются исчерпывающими, отнюдь не является *ipso facto* (в силу самого факта) разрешенным то, на что в договоре нет явного запрета⁴.

Отсюда следует, что отсутствие в действующем МГП нормы прямого запрета на так называемое «генное оружие» не может явиться препятствием для признания этого оружия незаконным средством ведения военных действий. Судья Международного суда ООН Корума, подвергая сомнению саму идею поиска конкретных запретительных норм на применение какого-либо оружия, заявлял, что «тщетные поиски прямого правового запрещения можно объяснить лишь крайней формой позитивизма»⁵.

В заключение предложенной попытки анализа правовой регламентации «генного оружия» как средства ведения военных действий заметим, что, безусловно, для более точной, детальной правовой регламентации такого оружия необходимо провести многочисленные научные исследования, результатом которых должны стать выводы о технологии оружия, принципе его действия, его поражающих факторах и последствиях применения. Однако в

¹ «Впредь до того времени, когда представится возможность издать более полный свод законов войны, Высокие Договаривающиеся Стороны считают уместным засвидетельствовать, что в случаях, не предусмотренных принятыми ими постановлениями, население и воюющие остаются под охраною действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания». Эта оговорка Мартенса воспроизведена в Женевских конвенциях 1949 г., в п. 2 ст. 1 Дополнительного протокола I, в четвертой мотивировке преамбулы Дополнительного протокола II и в пятой мотивировке преамбулы Конвенции 1980 г.

² Не случайно оговорку Мартенса часто именуют «декларация Мартенса».

³ См.: *Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons*. ICJ (Advisory Opinion) 8 July 1996 / ILM. 1996. Vol. 35. № 4. P. 814–842.

⁴ См., напр.: Singh and McWhinney E. *Nuclear Weapons and Contemporary International Law*. 2nd ed. Martinus Nijhof. 1989. P. 46–47.

⁵ Цит. по: *Taijchert P.* Оговорка Мартенса и право вооруженных конфликтов // *Международный журнал Красного Креста*. 1997. Март/апрель. С. 12.

дальнейших дискуссиях¹ относительно этих и других юридических проблем, касающихся рассматриваемого оружия, необходимо учесть следующее:

- новизна так называемого «генного оружия» не исключает применение к его использованию норм международного гуманитарного права;
- оговорка Мартенса подтверждает применимость норм МГП к использованию так называемого «генного оружия»;
- применение так называемого «генного оружия» как средства ведения военных действий всегда будет являться актом геноцида.

Кроме того, хотелось бы обратить внимание на то, что сейчас «геном человека» — это уже не только фундаментальная научная проблема, но и крупное социальное явление. Изучение генома достигло такого состояния, что и гуманитарии, занимающиеся вопросами философии, социологии, права, должны, наконец, вплотную приступить к исследованию вопросов биоэтики.

¹ В данном случае мы присоединяемся к мнению авторов, полагающих, что для решения юридических проблем, связанных с регламентацией статуса так называемого «этнического оружия», может потребоваться созыв международной конференции. См.: Московский журнал международного права. 1997. № 4.

Л.И. Залиханова,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и
криминологии Кабардино-Балкарского
государственного университета
им. Х.М. Бербекова, член Российской
криминологической ассоциации
zalihanowa@yandex.ru

К вопросу о совершенствовании уголовной антиэкстремистской политики Российской Федерации

***Аннотация:** статья посвящена проблемам гражданского участия в жизни общества, различий между гражданской деятельностью и экстремистской деятельностью, соотношения протестных действий и преступных действий. Отмечается, что в правовом государстве политическое действие граждан должно иметь правовое обеспечение и гарантии его реализации.*

***Ключевые слова:** экстремизм, гражданское общество, политическая деятельность, преступность.*

***Summary:** the article deals with the problems of citizen participation in public life, the differences between the civil and the activities of extremist activity, the ratio of protest actions and criminal actions. In legal state political action, citizens should have the legal security and guarantees for its implementation.*

***Keywords:** extremism, civil society, politics, crime.*

Национальное многообразие — неотъемлемая особенность России. По сути своей оно должно восприниматься как богатство (тем более, что в российском обществе социальная справедливость и

социальное равенство всегда являлись приоритетными), но в теории и, к сожалению, на практике его принято рассматривать как серьезную проблему. Противоречия социального, экономического и, как это ни печально, правового характера, являющиеся следствием данного многообразия, остаются одной из насущных проблем мировой и отечественной современной политики. Борьба националистически (религиозно) настроенных сил за осуществление идеала однородного национального (религиозного) государства в стране, где этнонациональные (конфессиональные) и государственные границы не совпадают — парадокс современной российской и мировой полиэтничности.

При таком положении вещей естественно и закономерно обратить внимание на тот потенциал политико-правового арсенала государства, который должен и способен не только обеспечивать мирное сосуществование в рамках национального, конфессионального, политического, а теперь еще и социального и идеологического многообразия, но и удерживать такую стабильную ситуацию в правовом пространстве.

В этом смысле, не останавливаясь на констатации известных положений, норм российского законодательства в области тактики и стратегии противодействия экстремизму, хотелось бы отметить, что введение в законодательные дефиниции таких терминов, как «содействие террористической деятельности» или «пособничество» терроризму (ст. 205.1 УК РФ), «социальная группа» как объект возбуждения ненависти либо вражды (ст. 282 УК РФ), установление мотива «политической, идеологической... вражды, либо мотив ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы» как обязательного признака отнесения деяния к преступлениям «экстремистской направленности» совершенно необоснованно.

Считаем также абсолютно политнекорректной и необоснованной с точки зрения законодательной конструкции существующую редакцию ст. 280 УК РФ. Исходя из того, что диспозиция этой статьи ранее предусматривала уголовную ответственность за очевидные, конкретные действия — как то призывы к свержению конституционного строя, правовое содержание которого совершенно четко раскрывает Конституция РФ, следует сделать вывод, что новая редакция статьи, предусматривающая ответственность за «публичные призывы» к осуществлению так называемой «экстремистской деятельности», фактически отождествляет посягательства на основы конституционного строя и безопасности государства и ту совокупность общественно опасных деяний, указание на которые (заметим, без абсолютных попыток раскрытия содержания) имеется в примечании к ст. 282.1 УК РФ.

В комментариях, которые предлагает примечание к вышеупомянутой статье, по сути, речь идет о мотивах политической направленности, что придает преступлениям экстремистской направленности статус повышенной общественной опасности.

Определение экстремизма, указанное в Федеральном законе, отлично от его же понятия, данного в Шанхайской Конвенции. Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ понятие, содержащееся в законе, не может применяться

на практике, т. е. должно применяться понятие, содержащееся в Конвенции. В противном случае все уголовные дела данной категории изначально обречены на провал.

Важно осознавать, что стремление к власти экстремизм обосновывает необходимостью уничтожения системы политической конкуренции, т. к. экстремизм по своей внутренней природе не терпит оппозицию. Именно поэтому при режиме, основанном на уважении многообразия, на отрицании монополии, власть обязана гарантировать свободу слова всеми законными методами.

В то же время признание «преступности экстремистской направленности» наиболее общественно опасной, или даже крайней формой противоправного поведения излишне, надуманно и лишь создает, нагнетает фрустрацию в обществе, является глубоко порочным законодательным решением. Безусловно, переоценить степень общественной опасности подобных деяний нельзя. Но нельзя не согласиться с тем, что о правовых категориях надо говорить в правовом поле, и в правовом поле необходимо действовать правовыми средствами. «Наряжая» же деяние, которое имеет совершенно определенные признаки, предусмотренные ст. 14 УК РФ и соответствующими статьями Особенной части УК РФ, «обложкой» экстремизма, мы ни в чем не выигрываем.

При этом рост ксенофобии, социальной фрустрации, отсутствие уважения к закону стимулируются совершенно иными факторами, хотя отрицать роль СМИ, постоянно рассказывающих о коррупции в госорганах, вплоть до Минобороны, Минобрнауки, «повышении квалификации» чиновников в Мулен-Руж за бюджетный счет и т. п., в данном случае сложно.

Одним из самых острых и неоднозначных вопросов, на наш взгляд, сопутствующих затронутой проблеме, является вопрос гражданского участия (политической деятельности) в жизни общества, различий между гражданской деятельностью и экстремистской деятельностью, соотношения *протестных* действий и *преступных* действий (собственно экстремизма). И решение вопроса о «демаркационных линиях между демократической идеологией и экстремистской идеологией правового толка» в данном случае принципиально¹.

Конституция РФ гарантирует право на политическую деятельность, однако последняя нередко угрожает основам конституционного строя страны. Где проходит «демаркационная линия» между защитой законных интересов граждан посредством политической деятельности и собственно экстремистской деятельностью? Или вообще нет смысла рассуждать о каком-либо разграничении в ситуациях, когда эскалация заложена заведомо, и возникновение конфликта как возможно, так и неизбежно? Мы твердо убеждены, что в этом случае мудрым правовым решением будет разработка надлежащих правовых оснований, правовых рамок функционирующих правовых режимов, в первую очередь контрэкстремистской государственной политики.

Нисколько не вступая в противоречие с тем, что «*экстремистская деятельность*» в самом общем виде — это деятельность, носящая насильственные признаки, противоречащая моральным нормам общества, противозаконное объединение, деятельность, направленная против законных

¹ См.: Эйсфелд Р. Расизм под маской этнического плюрализма: идеология новых правых во Франции и Германии // Политическая наука. 2011. № 1.

интересов отдельных граждан и разнообразных меньшинств, хочется особо отметить, что политическое действие граждан должно быть обеспечено возможностью реализации посредством высказывания своей гражданской позиции, общения, собрания с единомышленниками. Ибо, безусловно, одним из естественных прав человека является право на свободное выражение своего мнения и интересов — свобода слова.

Представляется, что современная российская правовая наука, российское законодательство должны перестать «играть в игры» с экстремизмом, пытаясь дать ему новое название. Отшлифовывая определения, созданные предшественниками, мы рискуем уйти от сути экстремисткой деятельности. Последняя заключается в том, что это — преступление, конкретные признаки которого предусмотрены в УК РФ (частично в КоАП РФ), имеющее своей целью, играя на национальных, религиозных, социальных и иных составляющих, находящихся под защитой Конституции РФ, манипулировать общественным сознанием, посягать на основы конституционного строя и безопасности государства. Такая деятельность, как и любая общеуголовная преступная деятельность, должна осуждаться гражданским обществом и жестко пресекаться адекватными законными методами.

А.З. Бецуков,

*кандидат юридических наук, доцент,
зав. кафедрой уголовного процесса и
криминалистики Кабардино-Балкарского
государственного университета
им. Х.М. Бербекова, судья Верховного суда КБР*

Х.М. Хупсергенов,

*кандидат юридических наук,
ст. преподаватель кафедры уголовного
процесса и криминалистики Кабардино-
Балкарского государственного университета
им. Х.М. Бербекова
xxt077@mail.ru*

**Проблемы соединения, выделения,
приостановления и возобновления производства
по уголовному делу в суде**

Аннотация: статья посвящена существующим проблемам соединения, выделения, приостановления и возобновления производства по сложным, многоэпизодным уголовным делам в суде.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; уголовное дело; суд; соединение, выделение, приостановление; возобновление производства.

Summary: the article is devoted to existing problems of connection, allocation, suspension and resumption of the complex, criminal cases in court.

Keywords: criminal procedure; the criminal case; the court; the connection, allocation, suspension, renewal of production.

В ходе уголовного судопроизводства нередко возникают обстоятельства, связанные с необходимостью осуществления мер, направленных на создание наиболее благоприятных условий для предварительного расследования преступлений и последующего судебного разбирательства по уголовным делам. В связи с этим особого внимания заслуживают институты соединения, выделения, приостановления и возобновления уголовных дел, проблемы, особенности их законодательного закрепления и регулирования на различных этапах уголовного процесса.

На первый взгляд складывается впечатление, что указанные институты достаточно урегулированы, устоялись как в правоприменительной деятельности, так и в научной и законодательной сферах. Однако на практике встречаются ситуации, свидетельствующие о необходимости их дальнейшего законодательного совершенствования и регулирования.

Если в досудебном производстве рассматриваемые институты относительно полно закреплены, то при производстве по уголовному делу в суде существует большое количество различных законодательных упущений, неточностей, разночтений, создающих сложности в правоприменительной деятельности и мешающих отправлению правосудия в разумные сроки.

В первую очередь, хотелось бы обратиться к институту соединения уголовных дел. Как известно, данный институт позволяет исключить дублирование одних и тех же процессуальных действий по разным делам, когда имеются достаточные основания полагать, что несколько преступлений совершены одним лицом или одно или несколько преступлений совершены несколькими лицами. Это способствует процессуальной и материальной экономии при осуществлении уголовного судопроизводства. Соединение уголовных дел также предотвращает возможность возникновения противоречивых выводов следствия и суда в отношении соучастников преступления. Важным позитивным результатом принятия решения о соединении уголовных дел является достижение полноты и объективности установления обстоятельств дела, целенаправленность и результативность уголовного судопроизводства.

В свою очередь, относительно возможности соединения уголовных дел в стадии судебного разбирательства необходимо отметить, что ч. 3 ст. 26 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР допускала соединение и выделение дел по постановлению лица, производящего дознание, следователя, прокурора либо по определению или постановлению суда. Вступивший в действие с 1 июля 2002 г. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации сузил круг субъектов, имеющих право принимать решения по соединению уголовных дел, исключив суд.

В дальнейшем законодатель внес в ч. 1 ст. 237 УПК РФ изменения, дополнив положением о том, что судья по ходатайству стороны или по собственной инициативе возвращает уголовное дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом в случае, если имеются предусмотренные ст. 153 УПК РФ основания для соединения уголовных дел. Такое решение суд может принять на любой стадии прохождения дела, вплоть до окончания судебного следствия.

Исходя из этого, встает вопрос: почему нельзя предусмотреть возможность соединения уголовных дел самим судом (судьей) при наличии к этому указанных в законе оснований? Почему это должно рассматриваться как препятствие для рассмотрения уголовного дела в суде, которое можно преодолеть только путем возвращения его прокурору?

Против полномочия суда (судьи) по соединению уголовных дел выдвигаются аргументы со ссылкой на нарушение принципа состязательности и равноправия сторон, вмешательство в реализацию функции обвинения судом и т. д.

Однако при внимательном изучении института соединения уголовных дел, его сущности и оснований мы можем увидеть, что он носит в себе лишь рациональные и технические свойства. Как известно, соединение уголовных дел возможно лишь в отношении нескольких лиц, совершивших одно или несколько преступлений в соучастии; одного лица, совершившего несколько преступлений; лица, обвиняемого в заранее не обещанном укрывательстве преступлений, расследуемых по этим уголовным делам; в случаях, когда лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено, но имеются достаточные основания полагать, что несколько преступлений совершены одним лицом или группой лиц (ч. 1 и 2 ст. 153 УПК РФ). Очевидно, что в едином производстве экономичнее и проще правильно квалифицировать действия каждого соучастника, конкретизировать их роль в совершении преступлений, а также индивидуализировать наказание. В случае раздельного расследования уголовных дел о преступлениях, совершенных соучастниками, правильное разрешение указанных вопросов усложняется.

По мнению С.А. Тумашова, в свете решения Конституционного Суда РФ, устанавливающего несоответствие Конституции РФ тех положений УПК РСФСР 1960 г., которые допускали возбуждение уголовных дел судом, является непозволительным и принятие судом решения о соединении и выделении уголовных дел¹. Такая позиция автора вызывает определенные возражения. В Постановлении № 19-п от 28 ноября 1996 г. «По делу о проверке конституционности статьи 418 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края»² Конституционный Суд РФ, аргументируя свою позицию, указал, что поддержание обвинения в суде является обязанностью специальных органов, т. е. прокуратуры, органов предварительного следствия и дознания, а не суда. Суд как орган правосудия обязан объективно и беспристрастно установить законность и обоснованность предъявляемых обвинений, а также рассмотреть жалобы на решения и действия органов уголовного преследования на досудебных стадиях.

Исходя из приведенного постановления, является недопустимым изменение обвинения судом. Вместе с тем, как пишут К.Б. Гранкин и Д.А. Черкасов, при соединении уголовных дел формулировка обвинения не изменяется, т. к. уголовное производство осуществляется сразу по двум самостоятельным

¹ См.: Тумашов С.А. Проблемы соединения и выделения уголовных дел на предварительном расследовании : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1998. С. 13–14.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 50, ст. 5679.

обвинениям, которые разрешаются одновременно. В свою очередь, при разделении уголовных дел судом рассматривается лишь часть инкриминируемых в обвинении деяний либо производство осуществляется в отношении отдельных подсудимых. Это позволяет утверждать, что решения о соединении или выделении уголовных дел, принимаемые судом, не противоречат ни Конституции РФ, ни смыслу действующего уголовно-процессуального законодательства России¹.

Таким образом, считаем вполне оправданным при возникновении соответствующих оснований в судебном производстве предоставить суду возможность соединения уголовных дел своим постановлением (определением), предварительно выяснив мнения сторон по этому поводу. И лишь в случае возражений стороны защиты, что является препятствием для дальнейшего рассмотрения уголовного дела судом, следует вернуть его прокурору, как предусмотрено п. 4 ч. 1 ст. 237 УПК РФ. Думается, что пользы и здравого смысла в таком законодательном решении будет больше, нежели того, что мы этим же и условно «потеряем».

Гораздо большую сложность представляет решение вопросов, связанных с институтами приостановления, выделения и возобновления уголовных дел в судебном производстве.

Хотелось бы привести яркий пример, иллюстрирующий те имеющиеся проблемы, упущения и неточности законодательного регулирования, которые создают некую «безвыходность» ситуации на практике.

В Верховном суде Кабардино-Балкарской Республики вот уже несколько лет продолжается сложный судебный процесс, со значительным объемом уголовного дела в отношении 58 подсудимых, обвиняемых в совершении умышленных тяжких и особо тяжких преступлений в г. Нальчике 13 октября 2005 г.

24 ноября 2011 г. определением Верховного суда КБР в отношении одного из подсудимых уголовное дело приостановлено и выделено в отдельное производство².

Основанием для приостановления дела стало то, что подсудимый С. 24 ноября 2011 г. не был доставлен в судебное заседание в связи с нахождением его на стационарном лечении. В предоставленном суду медицинском заключении было указано, что подсудимый С. по состоянию здоровья не может участвовать в судебном заседании и в целях устранения опасности распространения на окружающих и других участников процесса выявленного у подсудимого С. заболевания он нуждается в длительном лечении и изоляции на срок от 6 месяцев до 1 года.

При вынесении данного определения суд сослался на ч. 3 ст. 253 УПК РФ, где указано, что в случае тяжелой болезни, исключающей возможность явки подсудимого, суд приостанавливает производство в отношении этого подсудимого до его выздоровления и продолжает судебное разбирательство в отношении остальных подсудимых.

¹ См.: Гранкин К.Б., Черкасов Д.А. Проблемы регулирования объема уголовного производства в суде // *Мировой судья*. 2005. № 6.

² См.: ВС КБР // Уголовное дело в производстве. № 2-1/2011-2013.

Вместе с тем суд посчитал, что приостановление судебного разбирательства следует осуществлять по тем же основаниям и в порядке, что и на предварительном следствии. В соответствии со ст. 208, 210 УПК РФ суд, применив принцип процессуальной аналогии, уголовное дело в отношении подсудимого С. выделил в отдельное производство, несмотря на возражения стороны защиты, указывавшей, что это противоречит интересам самого подсудимого С., а также повлияет на полноту исследования доказательств.

Подсудимый С. подал апелляционную жалобу на указанное определение в Судебную коллегию по уголовным делам Верховного суда КБР, требуя отменить данное определение. Обосновывая свою жалобу, подсудимый указывал, что приостановление и выделение в отношении него уголовного дела не согласуется с положениями ст. 6.1 об осуществлении судопроизводства в разумные сроки. Вследствие выделения дела в отдельное производство судебное заседание в отношении него должно начаться вновь, каковыми будут при этом сроки его содержания под стражей и продолжительность судебного разбирательства, предположить сложно. Обращает на себя внимание и довод подсудимого о том, что эпизоды по его обвинению связаны с другими подсудимыми, и для полноты, всесторонности и объективности рассмотрения дела ему необходимо присутствовать при первичных допросах в судебных заседаниях, что невозможно в рамках выделенного уголовного дела, как и обеспечение в полной мере повторной явки большого количества допрошенных ранее лиц.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда КБР апелляционным определением от 18 июля 2012 г. исключила из описательно-мотивировочной и резолютивной частей указание на выделение уголовного дела в отношении подсудимого С.¹ Это решение было внесено исходя из того, что в нормах гл. 35 УПК РФ ничего не сказано о выделении уголовного дела.

После этого, 24 сентября 2012 г., состав суда, рассматривающий уголовное дело, устранился от участия в производстве по уголовному делу в отношении подсудимого С., заявив самоотвод, на что подсудимый С. подал апелляционная жалобу².

Мотивируя самоотвод, суд сослался на недопустимость рассмотрения уголовного дела в отношении подсудимого С. совместно с уголовным делом в отношении остальных 57 подсудимых без отмены приведенного выше определения суда от 24 ноября 2011 г. в полном объеме. Кроме этого суд указывал, что отмена данного определения повлечет необходимость повторного исследования всех доказательств, представленных стороной обвинения с 24 ноября 2011 г., что нарушит право остальных 57 подсудимых на судебное разбирательство в разумные сроки.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда КБР апелляционным определением от 12 декабря 2012 г. отменила определение Верховного суда КБР от 24 сентября 2012 г., посчитав, что обжалуемое решение суда не соответствует фактическим обстоятельствам уголовного дела и в то же время является существенным нарушением уголовно-процессуального закона.

¹ См.: ВС КБР // Апелляционное дело № 2-18/2012.

² См.: ВС КБР // Уголовное дело в производстве. № 2-1/2011-2013.

Апелляционная инстанция указала, что определение о самоотводе состава суда вынесено при отсутствии предусмотренных ст. 61–63 УПК РФ оснований, вне судебного заседания и без соответствующего протокола¹.

Однако правовая коллизия на этом не была разрешена, что привело к вовлечению в «спор» новых участников.

В Судебную коллегию по уголовным делам Верховного суда РФ Генеральной прокуратурой РФ было подано надзорное представление на апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда КБР от 18 июля 2012 г.

Генеральная прокуратура РФ поддержала позицию состава суда, рассматривающего данное уголовное дело. В своем представлении она указала, что апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда КБР от 18 июля 2012 г. подлежит отмене в части признания необоснованным решения суда первой инстанции о выделении уголовного дела в отношении подсудимого С. в отдельное производство.

Обосновывая свою позицию по данному вопросу, Генеральная прокуратура РФ отметила, что по смыслу уголовно-процессуального закона решение вопросов о возможности выделения уголовного дела и раздельного судебного разбирательства является прерогативой суда. И поскольку приостановление судебного разбирательства происходит по тем же основаниям и в том же порядке, что и на предварительном следствии — в соответствии с положениями ст. 208, 210 УПК РФ, суд первой инстанции обоснованно применил принцип процессуальной аналогии и выделил уголовное дело в отношении подсудимого С. в отдельное производство.

В подтверждение своих доводов Генеральная прокуратура привела в качестве примера аналогичное решение Верховного Суда РФ по делу В. (определение № 80 — кпо 02-60 от 18 февраля 2003 г.), а также позицию Конституционного Суда РФ, выраженную в постановлении Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2010 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 и части второй статьи 325 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Р.Р. Зайнагутдинова, Р.В. Кудяева, Ф.Р. Файзулина, А.Д. Хасанова, А.И. Шаваева и запросом Свердловского областного суда»².

Проанализировав данное постановление, Генеральная прокуратура сделала вывод, что Конституционный Суд РФ якобы указал на невозможность раздельного рассмотрения уголовного дела без выделения в отдельное производство.

В связи с этим хотелось бы отметить, что данное постановление связано с производством по уголовному делу с участием присяжных заседателей, и Свердловский областной суд просил проверить конституционность ч. 2 ст. 325 УПК РФ, в соответствии с которой если в уголовном деле участвует несколько подсудимых, оно рассматривается судом с участием присяжных заседателей в отношении всех подсудимых, если хотя бы один из них заявляет ходатайство о рассмотрении уголовного дела судом в данном составе.

¹ См.: ВС КБР // Апелляционное дело № 10-14/2012.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 18, ст. 2276.

Следует также заметить, что анализируемое решение Конституционного Суда РФ и содержащиеся в нем выводы касаются только стадии подготовки к судебному разбирательству и примыкающих особенностей проведения предварительного слушания в суде с участием присяжных заседателей, тогда как интересующие нас вопросы складываются непосредственно в ходе начатого судебного разбирательства.

Таким образом, представляется ошибочным обращение Генеральной прокуратуры РФ к упомянутому постановлению Конституционного Суда РФ, поскольку, хотя в определенных аспектах поднимаемые там вопросы созвучны с обозначенными в статье проблемами, тем не менее они лежат в несколько разных плоскостях.

Конституционный Суд РФ в своем постановлении указывает, что не исключается принятие и самим судом решения о раздельном рассмотрении дел. По его мнению, из УПК РФ следует, что ни приостановление судом производства в отношении одного из подсудимых, ни решение о возвращении уголовного дела прокурору (ч. 3 ст. 253, ст. 237), предполагающие раздельное рассмотрение уголовных дел в отношении подсудимых, не являются препятствием для продолжения судебного разбирательства; п. 4 ч. 1 ст. 237 УПК РФ в качестве основания, препятствующего дальнейшему судебному разбирательству, названа необходимость лишь соединения, но не выделения уголовных дел. Повторимся, данный вывод суда касается стадии подготовки к судебному разбирательству и предварительного слушания. Из сказанного следует, что при наличии оснований суд без возвращения уголовного дела прокурору, самостоятельно может принять решение о выделении уголовного дела, что не является препятствием для дальнейшего хода уголовного процесса, это его право. В постановлении не поднимаются и не рассматриваются вопросы, связанные с приостановлением (необходимостью при этом выделения уголовного дела) во время судебного разбирательства — нормы гл. 35, и в частности ст. 253 УПК РФ.

Таким образом, согласно заключению Конституционного Суда РФ, ст. 325 УПК РФ по ее конституционно-правовому смыслу в системе норм уголовно-процессуального законодательства не исключает возможность разделения судом уголовных дел и в случае возражения части подсудимых против рассмотрения дела судом с участием присяжных заседателей, поскольку именно суду в конечном счете принадлежит право определять надлежащие процедуры для рассмотрения конкретного уголовного дела, в том числе для вынесения приговора в особом порядке, оценивая достаточность либо недостаточность оснований для применения таких процедур и возможность обеспечить всесторонность и объективность рассмотрения обвинений в отношении других подсудимых судом с участием присяжных заседателей. Именно суд, в целях обеспечения справедливости правосудия, вправе разрешить в ходе предварительного слушания вопрос о выделении уголовного дела в отношении подсудимых, возражающих против рассмотрения дела судом с участием присяжных заседателей, руководствуясь, в частности, предписаниями ст. 17 «Свобода оценки доказательств» УПК РФ, на основе предварительной оценки по внутреннему убеждению совокупности собранных доказательств. Иное

означало бы, что не суд, а следователь или дознаватель — вопреки вытекающим из ст. 118 (ч. 1) Конституции Российской Федерации прерогативам суда — принимали бы окончательное решение о том, отразится ли выделение уголовного дела на всесторонности и объективности рассмотрения и разрешения дела по существу.

23 января 2013 г. по постановлению судьи Верховного Суда РФ возбуждено надзорное производство по указанному надзорному представлению¹.

Признав в целом решение о выделении уголовного дела в отношении подсудимого С. не противоречащим закону, судья Верховного Суда РФ подтвердил и некоторую неоднозначность ситуации.

В постановлении о возбуждении надзорного производства указано, что судебное следствие в отношении других подсудимых не завершено, и после выздоровления подсудимого С. и возобновления судебного разбирательства в отношении указанного лица без выделения уголовного дела в отдельное производство суд обязан вернуться к стадии проверки представленных сторонами доказательств (с 24 ноября 2012 г.), вновь исследовать их либо ознакомить подсудимого С. со всеми материалами дела, исследованными в его отсутствие, а также с протоколами судебных заседаний, предоставив ему право заявлять по результатам судебного следствия ходатайства и возражения.

В этом случае могут быть нарушены права других 57 подсудимых на судебное разбирательство в разумные сроки, в том числе и тех, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

Подтвердив наличие проблемы практическим примером, хотелось бы привести возможные пути ее разрешения.

В нормах досудебного производства УПК РФ четко обозначены нормы о приостановлении и выделении уголовного дела при осуществлении предварительного расследования. Указаны основания приостановления предварительного следствия (лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено; подозреваемый или обвиняемый скрылся от следствия либо место его нахождения не установлено по иным причинам; место нахождения подозреваемого или обвиняемого известно, однако реальная возможность его участия в уголовном деле отсутствует; временное тяжелое заболевание подозреваемого или обвиняемого, удостоверенное медицинским заключением, препятствует его участию в следственных и иных процессуальных действиях), и установлено право лица, осуществляющего расследование, при наличии приведенных и иных оснований, выделить уголовное дело в отдельное производство.

В положениях УПК РФ, касающихся судебного производства, есть лишь одна норма, связанная с отложением и приостановлением судебного разбирательства. Непопулярная законодательная конструкция приостановления судебного разбирательства без указания его четких оснований и порядка осуществления, а также при отсутствии института выделения уголовного дела при осуществлении судебного разбирательства, порядка возобновления судебного разбирательства порождает сложности в правоприменительной деятельности.

В ч. 3 ст. 253 УПК РФ указано: если подсудимый скрылся, а также в случае его психического расстройства или иной тяжелой болезни, исключаящей

¹ См.: ВС РФ // Надзорное производство № 44у-39/2013.

возможность явки подсудимого, суд приостанавливает производство в отношении этого подсудимого соответственно до его розыска или выздоровления и продолжает судебное разбирательство в отношении остальных подсудимых. Если раздельное судебное разбирательство препятствует рассмотрению уголовного дела, то все производство по нему приостанавливается. Суд выносит определение или постановление о розыске скрывшегося подсудимого.

А как быть, если уголовное дело является сложным, многоэпизодным, с большим количеством подсудимых?

Представляется необходимым включить в систему общих условий судебного разбирательства правовой институт выделения уголовного дела, аналогичный существующему в досудебном производстве, сконструированный на таких же началах.

Кроме того, целесообразно при наличии оснований для приостановления производства в отношении отдельного подсудимого продолжить судебное разбирательство с его согласия, с обязательным участием его защитника и последующим обеспечением ознакомления с исследованными в его отсутствие материалами уголовного дела и протоколами судебных заседаний. В случае несогласия подсудимого с таким порядком предусмотреть выделение уголовного дела в его отношении.

Сочетание таких мер позволило бы разрешить возникающие на практике вопросы судопроизводства по сложным уголовным делам.

Р.М. Жиров,

кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного процесса и
криминалистики юридического факультета
Кабардино-Балкарского государственного
университета им. Х.М. Бербекова,
dzhir-ruslan@mail.ru

К вопросу о систематизации криминалистических методик расследования преступлений

Аннотация: в статье рассмотрены отдельные аспекты систематизации существующих криминалистических методик расследования преступлений. Обосновывается необходимость упорядочивания криминалистических методик расследования преступлений на основе единых критериев.

Ключевые слова: криминалистическая методика расследования преступлений, система криминалистических методик расследования преступлений, криминалистическая классификация преступлений.

Summary: in article separate aspects of systematization of existing criminalistic techniques of investigation of crimes are considered. Need of ordering of criminalistic techniques of investigation of crimes on the basis of uniform criteria locates.

Keywords: criminalistic technique of investigation of crimes, system of criminalistic techniques of investigation of crimes, criminalistic classification of crimes.

В настоящее время сложилась довольно разветвленная система криминалистических методик расследования преступлений, насчитывающая множество элементов, выстроенных по различным основаниям. В связи с этим возникает необходимость разграничения оснований криминалистических методик расследования преступлений и представления последних в виде целостной системы.

По мнению Р.С. Белкина, одним из эффективных средств систематизации криминалистического научного знания является криминалистическая классификация изучаемых объектов¹.

Криминалистическая классификация в соответствии с системным подходом может рассматриваться в двух значениях: во-первых, как основное средство, способствующее систематизации криминалистического научного знания; во-вторых, как структурный элемент (разновидность) систематизации научных знаний².

При этом следует отметить, что любая криминалистическая классификационная система представляет собой целостное понятийное образование, все структурные элементы (понятия) которого находятся в тесной взаимосвязи между собой. К числу такого рода связей следует отнести, прежде всего, связи построения, которые могут выражаться:

– во-первых, в том, что соподчиненные понятия являются результатом деления какого-либо родового понятия;

– во-вторых, в том, что все соподчиненные понятия обладают совокупностью однородных признаков, характерных как для предметов и явлений, так и для родового понятия. Исключение составляет признак деления³.

Необходимость и прикладную значимость деятельности, направленной на систематизацию разработанных в науке криминалистических методик, отмечал В.П. Бахин. По его мнению, такая деятельность необходима для определения приоритетных направлений совершенствования имеющихся и разработки новых методов и средств раскрытия и расследования преступлений⁴.

Еще в конце XIX — начале XX вв. вопросы криминалистической методики не были выделены в самостоятельный раздел криминалистики, но являлись предметом исследования ученых-криминалистов в рамках такого раздела, как уголовная техника и тактика. В частности, Н.И. Якимов под криминалистической методикой понимал общий метод расследования преступлений и рассматривал его сквозь призму методов уголовной техники и тактики расследования преступлений.

В настоящее время криминалистическая наука накопила в своем арсенале несколько классификационных моделей построения методик расследования преступлений.

Так, И.А. Возгрин, обозначив в качестве основания деления методик уровень общности методических рекомендаций, выделяет следующие виды методик:

1) общая криминалистическая методика как научная интерпретация методики раскрытия и расследования преступлений, исследующая основополагающие

¹ См.: Белкин Р.С. Курс криминалистики : в 3 т. М., 1997. Т. 1. С. 60.

² См.: Косарев С.Ю. История и теория криминалистических методик расследования преступлений. СПб., 2008. С. 233.

³ См.: Головин А.Ю. Криминалистическая систематика. М., 2002. С. 84.

⁴ См.: Бахин В.П. Следственная практика: Проблемы изучения и совершенствования. Киев, 1991. С. 102.

принципы разработки и реализации частных криминалистических методик, раскрывающая их содержание в обобщенном виде;

2) групповые методики расследования преступлений, объединенные общностью признаков, характерных для преступлений, входящих в определенную группу (например, преступления против жизни и здоровья, преступления в сфере компьютерной информации и т. п.);

3) частные методики расследования отдельных видов преступлений. В рамках этой разновидности методик разрабатываются приемы, методы и рекомендации, направленные на повышение эффективности раскрытия и расследования отдельных видов преступлений (убийств, краж, грабежей, разбойных нападений и т. п.).

По авторской принадлежности все групповые и частные методики И.А. Возгрин подразделяет следующим образом:

— официальные, исходящие от конкретных должностных лиц правоохранительных органов;

— доктринальные, исходящие в виде практических рекомендаций от ученых-криминалистов¹.

В.А. Образцов все виды криминалистических методик расследования преступлений объединил в четыре группы.

Первая группа включает методики раскрытия и расследования определенных групп схожих в криминалистическом отношении видов преступлений.

Во вторую группу объединены методики раскрытия и расследования отдельных видов преступлений.

Третья группа представлена методиками раскрытия и расследования отдельных подвидов преступлений, относящихся к одному из видов.

Четвертая группа включает методики раскрытия и расследования групп преступлений, выделенных на основе криминалистической классификации уголовно-правовых видов и подвидов преступлений².

Классификация преступлений в криминалистике преследует определенные цели, заключающиеся, в первую очередь, в определении основных элементов криминалистических характеристик отдельных видов и групп преступлений, установлении закономерных взаимосвязей между этими элементами и последующем использовании полученной информации в раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений. Иными словами, криминалистическое исследование имеет свою специфику в каждой из групп преступлений в силу особенностей механизма их совершения, используемых орудий и средств преступлений, иных элементов внешней обстановки³.

Ю.П. Гармаев также выделяет общие (групповые) и частные методики расследования преступлений. Под общей (групповой) методикой он понимает комплекс практических рекомендаций по расследованию нескольких групп преступлений, выделенных по уголовно-правовому или криминалистическому основанию и

¹ См.: *Возгрин В.А.* Введение в криминалистику: история, основы теории и библиография. СПб., 2003. С. 293.

² См.: *Образцов В.А.* Криминалистическая классификация преступлений. Красноярск, 1988. С. 69.

³ См.: *Халиков А.Н.* Должностные преступления: характеристика, расследование, предупреждение (криминалистический аспект). М., 2012. С. 14.

отражающий в наиболее обобщенном виде закономерности способов, средств и приемов расследования преступлений. В свою очередь, комплекс таких рекомендаций является основой для разработки и применения методик наименьшего порядка — частных методик расследования отдельных видов преступлений¹.

Р.С. Белкин в основе системы криминалистических методик рассматривал уголовно-правовую квалификацию преступлений. Поэтому криминалистическая классификация преступлений применительно к основным задачам формирования частных криминалистических методик выглядела у него в виде классификаций преступлений, связанных с субъектом преступления (преступления, совершаемые единолично либо в составе группы лиц, совершенные несовершеннолетними либо несовершеннолетними и т. п.); объектом преступления; объективной стороной преступления; субъективной стороной преступления (например, преступления, совершаемые с прямым, косвенным или внезапно возникшим умыслом и т. п.)².

На необходимость учета при построении классификаций методик расследования помимо уголовно-правовых и криминалистических, уголовно-процессуальных и криминологических критериев указывали многие криминалисты³. Однако следует согласиться с О.В. Чельшевой, по мнению которой в основу классификации методик расследования могут быть положены только определяющие специфику расследования криминалистические критерии, независимо от возможности совпадения последних с уголовно-правовыми. По отдельным составам преступлений некоторые уголовно-правовые признаки состава преступления не оказывают серьезного влияния на методику их расследования. В некоторых случаях ряд элементов криминалистической характеристики также не имеет правового значения (с точки зрения квалификации действий субъектов преступления). Так, например, для квалификации таких действий преступников, как хищение, не имеет значения, где именно произошла кража — на каком-либо предприятии или в жилище. Поэтому при изучении и сопоставлении криминалистических и уголовно-правовых признаков предпочтение должно отдаваться первым, т. к. именно исходя из содержания криминалистических признаков определяется дальнейшее направление процесса расследования.

Все криминалистические методики, выделяемые по одному из признаков, О.В. Чельшева определяет как наиболее общие и относит их к методикам первого уровня, а методики, выделяемые на основании двух и более признаков, определяет как частные и относит к методикам второго и последующих уровней⁴.

Отмеченные выше классификации методик расследования свидетельствуют об отсутствии четких критериев отграничения одних классификационных групп от других. Вместе с тем наличие различных подходов к классификации

¹ См.: *Гармаев Ю.П.* Теоретические основы формирования криминалистических методик расследования преступлений. Иркутск, 2003. С. 177.

² См.: *Белкин Р.С.* Указ. соч. Т. 3. С. 325.

³ См., напр.: *Корноухов В.Е.* Методики по расследованию преступлений и их классификация. М., 2000; *Гавло В.К.* Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск, 1985.

⁴ См.: *Чельшева О.В.* К вопросу о систематизации частных методик расследования // Ученые записки юридического факультета Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. Вып. 5. СПб., 2000. С. 92.

криминалистических методик позволит построить научно обоснованную и практически пригодную для использования систематизацию криминалистических методик расследования преступлений.

Так, например, по мнению И.А. Возгрин, наиболее целесообразно все криминалистические методики дифференцировать в зависимости от категорий преступлений по двум основным разрядам.

К первому разряду он относит так называемые типичные криминалистические методики, построенные в соответствии с категоризацией преступлений, закрепленной в уголовном законодательстве.

Ко второму разряду ученый относит особенные криминалистические методики, включающие в себя методики расследования преступлений:

- с участием определенной категории лиц;
- совершаемых в соучастии;
- совершаемых определенными способами;
- совершаемых в чрезвычайных условиях;
- прошлых лет;
- с участием иностранных граждан;
- совершаемых организованными преступными сообществами в условиях Северо-Кавказского региона;
- в особых условиях и т. д.¹

Исходя из проанализированных классификационных систем криминалистических методик можно прийти к выводу о необходимости упорядочивания криминалистических методик с целью создания в перспективе единого автоматизированного банка данных, позволяющего осуществлять оперативный поиск необходимой методики, призванной в максимально сжатые сроки с минимальной затратой сил и средств способствовать раскрытию и расследованию преступления.

¹ См.: Возгрин В.А. Указ. соч. С. 266.

М.В. Дышеков,

*кандидат исторических наук, доцент,
зав. кафедрой теории и истории
государства и права Кабардино-Балкарского
государственного университета
им. Х.М. Бербекова
Dugur1@mail.ru*

З.Т. Мирзоев,

*зам. декана юридического факультета
Кабардино-Балкарского государственного
университета им. Х.М. Бербекова
Trapik80@mail.ru*

К вопросу о земельной реформе 1870 года в Кабарде

Аннотация: статья посвящена одному из самых важных периодов в российской истории — периоду либеральных реформ 60–70-х гг. XIX в. Рассматриваются некоторые правовые аспекты земельной реформы, проведенной в Кабарде в 1870 г.

Ключевые слова: земельная реформа, право собственности, недвижимая собственность.

Summary: this article focuses on one of the most important periods in the Russian history — the period of liberal reforms of the 60-70-ies of the XIX century. In it, are considered some of the legal aspects of the land reform carried out in Kabarda in 1870.

Keywords: land reform, ownership, immovable eigenvalues-raising.

Реформы 60–70-х гг. XIX в., проведенные в России, были эпохальными, т. к. заложили основы для развития капиталистических отношений. Вслед за отменой крепостного права в России крестьянская реформа последовала и в национальных окраинах. В Кабарде в 1867 г. была проведена крестьянская реформа, а по ее окончании — земельная реформа. В научной литературе земельная реформа освещена достаточно хорошо, однако ее правовые аспекты остались практически неисследованными.

В первую очередь следует отметить «генетическую» связь между крестьянской реформой 1867 г. и земельной реформой в Кабарде. Так, командующий Кавказской армией генерал-лейтенант Г.Д. Орбелиани в письме военному министру И.О. Сухозанету писал: «Отнять у аристократического сословия все прежние права, хотя и силою приобретенные, но освященные и узаконенные давностью времени, было бы несправедливо. Необходимо, следовательно, вознаградить их чем-нибудь. Это вознаграждение и может состоять в даровании им участков земли известной величины, на полном помещичьем праве; но уже с тем условием, чтобы они не имели никаких притязаний на земли, [которые] считали прежде своим достоянием; а тем более на те личности, которых они считали своими вассалами»¹.

Главнокомандующий Кавказской армией великий князь Михаил Николаевич в отчете за 1863–1869 гг. указывал, что при общем порядке «высшее сословие являлось бы весьма мало обеспеченным в своих интересах соответственно положению своему в общественной среде», в связи с чем предложил выделить из общественных земель часть для наделения в частную собственность «тем из почетных кабардинцев, которых, как по родовому их праву, так и по личным заслугам, справедливость требовала наделить особыми участками земли, чтобы этим хотя отчасти вознаградить их за потерю прав и влияния»². Политический аспект определялся надеждами на будущую комплиментарность этой группы населения деятельности правительства, а значит, поддержку мероприятий, проводимых Россией в регионе³.

В целом цель реформ ясна — это приведение Северо-Кавказского региона к общему социально-экономическому «знаменателю» относительно всей империи.

Члены сословно-поземельной комиссии Терской области, которые должны были непосредственно заниматься проведением в жизнь реформы, были ознакомлены с проектом и высказали собственные замечания. Председатель

¹ Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии (1790–1917) : сборник документов / под ред. П.А. Шацкого, С.П. Шацкой. Ростов н/Д, 1985. С. 93–94.

² Отчет главнокомандующего Кавказской армией по военно-народному управлению за 1863–1869 гг. СПб., 1870. С. 13.

³ См.: Кузьминов П.А. Эпоха преобразований 50–70-х годов XIX века у народов Северного Кавказа в новейшей историографии. Нальчик, 2011. С. 334.

комиссии Д.С. Кодзоков высказал опасения, что, получив в частную собственность землю, князья и дворяне начнут сразу же распродавать ее.

Серьезные опасения администрации были связаны и с возможной продажей земли князьями и дворянами. «Легко может случиться, что многие из владельцев поспешат продать свои участки за бесценок своим же вольноотпущенникам и мы, не достигнув требуемого правительством обеспечения высшего сословия, будем носить на руках тех же голышей, громко именуемых князьями и тлехотлешами»¹, — писал по этому поводу начальник Терской области Лорис-Меликов. В связи с этим было предложено запретить продажу участков в первые пять лет после отвода.

Тем не менее, основываясь на предложениях главнокомандующего Кавказской армией, было решено «представить особые участки князьям, первостепенным дворянам и тем из дворян 2 степени, которые пользовались правами аульных владельцев, а также лицам, которые по происхождению своему хотя не принадлежат к высшему сословию, на службе правительству приобрели себе почетное положение»².

В журнале Кавказского комитета от 23 декабря 1869 г. было зафиксировано: «Для образования частной поземельной собственности между высшими кабардинскими сословиями отделить из общей площади 83 550 дес., из них назначить почетным туземцам Большой Кабарды... в вечное и потомственное владение 59 550 дес., разделением этой земли на 144 участка, а остальные 24 тыс. десятины считать запасными»³.

Частные владельцы не лишались права пользования общинной землей. За это они платили подъемные государственные поземельные подати. Право пользования общественной землей было оставлено за князьями и дворянами, чтобы «избавить Кабарду от безземельного, высшего по своему происхождению сословия, которое, без сомнения, образовалось бы вследствие того, что весьма многие, воспользовавшись правом собственности на полученные участки, не замедлят продать их»⁴.

Было подготовлено пять списков претендентов общей численностью в 144 человека. Первый список (36 человек) состоял из лиц, получивших повышенные земельные наделы. Все они, за исключением одного, являлись офицерами российской армии или прямыми потомками таковых.

Во втором списке значились лица, получающие наделы по установленной норме для кабардинцев из княжеского (300 дес.), дворянского (250 дес.) сословий⁵.

В третий список входили уздени, пользовавшиеся правами аульных владельцев, но не принадлежащие к первостепенным фамилиям. Таковых набралось 30 человек и получили они также по 250 дес.⁶

¹ Крестьянская реформа в Кабарде / сост. Г.А. Кокиев. Нальчик, 1947. С. 67.

² Гаврилов П.А. Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа // Сборник сведений о Кавказских горцах. Тифлис, 1869. Вып. 2. С. 24.

³ УЦГА КБР. Ф. И-40. Оп. 1. Д. 8. Т. 2. Л. 193.

⁴ Думанов Х.М. Обычное имущественное право кабардинцев (вторая половина XIX — начало XX века). Нальчик, 1976. С. 26.

⁵ См.: Отчет главнокомандующего Кавказской армией по военно-народному управлению за 1863 — 1869 гг. СПб., 1870. С. 14—15.

⁶ См.: УЦГА КБР. Ф. И-40. Оп. 1. Д. 8. Т. 2. Л. 171—172.

По столько же десятин отводилось тем из дворян, кто получил наделы по особым заслугам (четвертый список). В основном это нижние офицерские чины, кроме того, сюда же были включены народный кадий Муртух Алиев и два инонациональных феодала.

И, наконец, пятый список включал перечень лиц, получающих землю на правах семейной долевой собственности. Всего по этому списку выделялось 28 участков общей площадью в 14 900 десятин.

Проектирование земельных участков на правах семейной собственности вызывало у властей определенные опасения. Кавказское горское управление, обеспокоенное этим фактом, предвидя осложнения при последующем разделе, сочло необходимым отметить в списках, на какую часть в семейном участке имеет право каждый из совладельцев.

Это замечание было отклонено сословно-поземельной комиссией. Мотивировала она это тем, что адресное указание доли земли, принадлежащей каждому члену семьи, неминуемо привело бы к разделу участка. Дробление семейных участков комиссия признавала нежелательным и допускала такую возможность лишь в крайних случаях.

Если же раздел был неизбежен, то, как указывала комиссия, он мог быть успешно осуществлен Окружным Кабардинским судом. Обсудив вопрос о правах на наследство «недвижимой благоприобретенной собственности», Окружной Кабардинский суд 19 марта 1869 г. выработал следующие нормы:

1. Дети мужского пола, пожелавшие отделиться от отца при его жизни получают из недвижимого имущества только то, что он пожелает им дать; женский же пол в недвижимом имении никаких прав на наследство не имеет.

2. Если глава семейства, т. е. отец, при жизни не сделал раздела недвижимости между своими сыновьями, то после смерти его недвижимое имение делят между сыновьями поровну.

3. Если по смерти отца остается в живых один сын и племянник его, оставшийся от родного брата, умершего еще при жизни отца, то и неделимое имение переходит к сыну, а племянник прав не имеет, но может получить только то, что пожелает дать дядя.

4. Внуки по нисходящей мужской линии наследуют недвижимое имение деда поровну, а внуки по женской линии прав на недвижимое имение не имеют.

5. По пресечении мужского колена в одной линии какой-либо фамилии недвижимое имущество, не переходя в женское колено, возвращается в мужское поколение другой линии.

6. Пасынки жены из другой фамилии от прав на наследство на недвижимое имущество вотчина устраниются вовсе, но могут таковое получить по духовному завещанию вотчина в таком только случае, когда весь мужской род вотчина угаснет в лице даже самых дальних его родственников, и если из таковых впоследствии кто-либо окажется в живых, то прав на недвижимость, отошедшую по духовному завещанию, не имеет¹.

И действительно, на некоторое время кавказкой администрации удалось сдержать дробление семейных участков. Так, например, генерал-майор Шипшев лишь в 1891 г. обратился в Управление межевой частью Терской

¹ См.: УЦГА КБР. Ф. И-40. Оп. 1. Д. 8. Т. 2. Л. 138–139.

области с просьбой выдать удостоверение в том, какая именно часть из пожалованного в 1869 г. фамилии Шипшевых участка в 1000 десятин принадлежит ему. С такой же просьбой обратились в управление и другие лица.

Вместе с тем земельная реформа привела к столкновению интересов как собственников между собой, так и частных владельцев с сельскими обществами. Отметим, что накануне реформ кавказская администрация уже имела определенный опыт в предоставлении земель в частную собственность. Показателен в этом отношении пример с частным владельцем Бесланом Абуковым.

В 1861 г. жители абуковского сельского общества во главе со своим владельцем подполковником хаджи Атажуко Абуковым переселились в Турцию. В 1863 г. его сын, отставной майор российской армии, вернулся из-за границы и был зачислен в число жителей Большой Кабарды Атажукинской фамилии¹. В 1865 г. земля, находившаяся в пользовании Атажуки Абукова, в количестве 14000 десятин была передана из Кубанской области в Терскую². В этом же году Беслан Абуков и его близкий родственник, председатель комиссии Дмитрий Кодзовы получили из этих земель по 2000 десятин в частную собственность. В результате проживавшие на этих землях аулы Магомета Абукова и Тамбиева оказались полностью зависимы от них³. Известно, что Магомет Абуков был вынужден арендовать землю у Беслана Абукова за 1950 руб.⁴ Но уже в 1873 г. срок аренды земли закончился, и Магомет Абуков обратился за поддержкой к начальнику Терской области генерал-адъютанту Лорис-Меликову: «Так как срок арендуемой мною земли на Боргустане у отставного майора Беслана Абукова, где я и сам проживаю с семейством, уже окончился, и майор Абуков не желает на дальнейшее время отдавать мне в аренду свою землю, а между тем я решительно не могу найти себе удобной земли для своего поселения и продовольствия, имеющегося у меня довольно значительного скотоводства, то имею честь просить распоряжения об отдаче в аренду на один год предположенного к пожалованию мне с племянником означенного участка на Зольских свободных землях»⁵. Как видим, родственные связи далеко не всегда играли решающую роль.

После отмены крепостного права в Кабарде в 1867 г. отпущенные на волю подвластные Магомета Абукова образовали новоабуковское общество, которое также находилось на земле Беслана Абукова и также было вынуждено арендовать землю. Жителям данного общества были выделены подворные наделы в разных обществах Кабарды, однако они предпочли арендовать землю у Б. Абукова, но оставаться единым сельским обществом. За короткое время произошел значительный рост абуковского общества, что привело к нехватке земли. Буквально за 5–6 лет численность этого аула увеличилась с 46 дворов до 71. В 1870 г. Беслан Абуков попросил начальника Кабардинского округа в связи с невозможностью «по малой обширности земли оставить на своем участке проживающих в бывшем ауле Абукова жителей» найти им новое место жительства⁶. В 1881 г. он также

¹ См.: УЦГА КБР. Ф. И-50. Оп. 1. Д. 2. Л. 41.

² См.: УЦГА КБР. Ф. И-24. Оп. 1. Д. 295. Л. 9.

³ Численность скота Магомета Абукова и Сергея Тамбиева составляла более 1500 голов лошадей и до 10 тысяч овец.

⁴ См.: УЦГА КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 1848.

⁵ См.: УЦГА КБР. Ф. И-40. Оп. 1. Д. 43. Л. 60.

⁶ См.: УЦГА КБР. Ф. И-23. Оп. 1. Д. 273. Л. 58.

обратился к начальнику Пятигорского округа с просьбой о выселении жителей, в связи с предстоящей продажей на аукционе его земли за уплату поземельных недоимок¹.

Сами жители общества Абукова также неоднократно обращались к начальнику Кабардинского округа. В частности, в апреле 1870 г. они просили предоставить им за неимением пахотных мест таковые из общественных земель на р. Золке². В 1876 г. 46 дворов абуковцев попросили начальство выделить им земли для поселка между реками Подкумком и Эшкаконом, с отмежеванием в их пользование 1500 десятин земли³. Терское областное правление просьбу эту оставило без удовлетворения и определило расселить абуковцев по тем аулам, где им назначены подворные наделы. В 1881 г. терское областное правление рассматривало очередную просьбу абуковцев о наделении их сельского общества землей⁴. Окончательно вопрос о наделении абуковцев землей из кабардинских общественных земель был решен лишь в 1903 г.

Таким образом, земельная реформа вкупе с крестьянской кардинальным образом изменила традиционный хозяйственно-культурный уклад. Земля обрела статус объекта частной собственности, что открыло возможности ее свободного оборота. Владелец мог беспрепятственно распоряжаться своим земельным участком (продажа, залог, аренда). В 70-х гг. XIX в. в Кабарде была создана новая система землевладения, сочетавшая частную и общественную земельную собственность.

¹ См.: ГАСК. Ф. 1037. Оп. 1. Д. 17. Л. 123 об.

² См.: УЦГА КБР. Ф. И-23. Оп. 1. Д. 273. Л. 54 об.

³ См.: ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 13. Д. 144. Л. 8–9.

⁴ См.: ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 13. Д. 192. Л. 186–192.

А.Н. Маремкулов,
доктор юридических наук,
кандидат исторических наук, профессор
кафедры теории государства и права
Кабардино-Балкарского государственного
университета им. Х.М. Бербекова
arsen@yandex.ru

Проблемы трансформации института аманатства на Северном Кавказе в XVIII — XIX веках

105

Аннотация: статья посвящена проблемам трансформации института аманатства на Северном Кавказе, рассматриваются место и роль данного института в правовых отношениях народов Юга России.

Ключевые слова: трансформация, аманатство, обычное право, адат.

Summary: in article problems of transformation of institute of an amanatstvo in the North Caucasus, a place and a role of this institute in legal relations of the people of the South of Russia are considered.

Keywords: transformation, amanatstvo, common law, adat.

В условиях демократизации общества возрос интерес народов к своему прошлому, к различным периодам своей истории. Накопление новых фактов побуждает к пересмотру некоторых утвердившихся в науке представлений. Смена парадигмы открывает широкие перспективы изучения политической истории народов Северного Кавказа.

Сегодня исследователи говорят об этой необходимости открыто, отмечая, что проблема изучения правового мира Кавказа весьма актуальна, поскольку богатейший правовой опыт народов Кавказа во многом еще просто неизвестен подавляющему большинству современников и малодоступен даже ученым-исследователям, среди которых историки права пока едва заметны¹.

Традиционные политические институты народов Северного Кавказа подверглись серьезной трансформации в период освоения региона в XVIII–XIX вв. Этот период характеризуется не только активными военными действиями и дипломатическими усилиями, но и серьезными попытками использовать разнообразные институты, присущие горским народам, посредством которых самодержавная власть стремилась проводить свою политику в регионе. Одним из таких институтов по праву можно считать институт аманатства.

Аманат в переводе с арабского языка означает *заложник*. Необходимо признать, что, несмотря на некоторые нюансы, сложилось достаточно определенное понятие аманата — это человек, взятый в залог, в обеспечение верности племени или народа, подданства покоренных народов.

Этот институт довольно часто использовался среди народов Северного Кавказа, и надо признать, использовался не только как инструмент, связанный исключительно с проведением военных мероприятий. Институт аманатства для народов Северного Кавказа служил своего рода «договором с гарантиями» в конфликтных ситуациях, как внутри общества, так и между народами, населяющими регион.

Этот институт был взят на вооружение представителями царского самодержавия. Жители Северного Кавказа нередко сами предлагали аманатов в знак подтверждения позитивного отношения горцев к политике, проводимой царским самодержавием. Использование этого института в таком виде было характерно для начальной фазы освоения региона.

Наглядным примером может служить грамота от 17 июля 1737 г. В преамбуле к этому акту императрицы Анны Иоанновны отмечалась верная служба кабардинцев в течение 35 лет и говорилось об их просьбах, касающихся выдачи жалованья в полном объеме и установления порядка предоставления аманатов².

По мере укрепления позиций российского самодержавия в регионе институт аманатства трансформировался. Можно проследить трансформацию использования его свойств в зависимости от целей проводимой политики.

Использование его в качестве инструмента в военных целях было направлено в первую очередь против самих горцев. Применяя силу, царские власти

¹ См.: *Шансугов Д. Ю.* Теоретико-правовые основания исследований правового мира Кавказа // Правовой мир Кавказа: прошлое, настоящее, будущее : материалы междунар. науч.-практ. конф.. Ростов н/Д, 2011. С. 8.

² См.: Архив внешней политики России. Ф. Кабард. дела. 1737 г. Д. 2. Л. 64–65. Отпуск // КРО. Т. 2. С. 85–86.

заставляли влиятельных местных феодалов отдавать в аманаты своих близких родственников. Как справедливо отмечают исследователи, «широко распространенный между Россией и кавказскими народами добровольный обычай аманатства, который считался первоначально признаком особого внимания со стороны московских царей к горским князьям, в период усиления влияния царизма на Кавказе сделался принудительным обычаем, а также орудием нейтрализации горской организованности против политики царизма»¹.

Так, в постановляющей части предписания князя Цицианова генерал-майору Дельпоццо от 26 сентября 1805 г. отмечалась необходимость более активного использования института аманатства. Закрепление подобной нормы, по мнению князя, должно было быть направлено на смягчение военных настроений кабардинцев. Здесь же имелась ссылка на аналогичные мероприятия царского командования по захвату Грузии, Татарии, которые при сдаче аманатов из детей старшин «поколебались»².

Архивные материалы сохранили также документы, свидетельствующие об использовании данного института в вопросах переселения горских народов в Турцию.

В предписании Евдокимова начальнику Майкопского укрепления полковнику Горшкову от 3 мая 1862 г. в качестве гарантии должного поведения была закреплена норма, обязывающая доставить темиргоевцам в Майкопское укрепление трех аманатов из «лучших и первенствующих фамилий»³. А в предписании начальника штаба войск генерал-майора Заблодского от 4 мая 1862 г. говорилось о всеобозначенном содействии со стороны администрации в процессе распродажи имущества горцев, а также доставке в укрепление аманата как залого должного поведения, заключающегося в скорейшем отправлении в Турцию⁴.

Необходимо признать, что только такое использование института аманатства, не всегда приводило к существенным результатам в деле освоения региона. Более того, положение дел с аманатами не устраивало и самих представителей самодержавной власти. Так, к примеру, «Тифлиссские ведомости» в 1830 г. сообщали: «В крепости небольшой деревянный домик с железными решетками наполнен аманатами, данными горскими народами. Это оборванные, грязные ребятишки, обреченные вечному невежеству, ибо во Владикавказе их ничему не учат, а содержат, как пленников. Какая была бы польза, если бы учредить для них училище и по окончании курса учения отпускать в дома, а вместо их набирать других: сколько от этого выиграло и правительство, и человечество вообще»⁵.

¹ Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII—начале XIX века (Очерки социально-экономического развития и общественно-политического устройства Чечни и Ингушетии в XVIII — начале XIX века). Элиста, 2002. С. 35.

² Из документальной истории кабардино-русских отношений (вторая половина XVII — первая половина XIX в. Нальчик, 2000) С. 176–177.

³ Российский государственный военно-исторический архив, ф. 14257, оп. 3, д. 528, лл. 9 — 10. // Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи. Нальчик, 2001. С. 157–158.

⁴ См.: Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 528. Л. 26–26 об. // Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи. Нальчик, 2001. С. 158.

⁵ Тифлиссские ведомости. 1830. № 56.

Именно в этот период самодержавная власть также пытается эффективно использовать положительные, издревле присущие рассматриваемому институту качества, а именно способствование урегулированию конфликта между сторонами. Прежде всего это прослеживалось в вопросе образования горских народов.

Военным министром 6 ноября 1837 г. Главному начальнику кадетских корпусов был объявлен указ императора о выпуске находящихся в кадетских корпусах воспитанников горских народов. Император определял, что воспитанников этих «по приобретении ими достаточных познаний в науках выпускать офицерами в Кавказские линейные казачьи войска, с определением в полки, ближайшие к местам их оседлости»¹. Указ этот, на наш взгляд, имел очень глубокое значение, т. к. офицеры из горских народов, безусловно, имели большой авторитет и как «выходцы из своего народа» могли безболезненно занимать должности в российской армии.

Вопросы размещения воспитанников из сыновей горских князей и первостепенных узденей были определены и указом императора от 31 мая 1845 г. вместе с вопросом о размещении воспитанников дворян Царства Польского и Финляндских уроженцев. В указе отмечалось, что размещать воспитанников необходимо «в заведениях в число, штатами определенное». В заключение же указа император предписывал: «впоследствии, при составлении новых штатов для столичных Кадетских корпусов вносимая за упомянутых воспитанников сумма принята была в расчет на покрытие сверхштатных расходов, кои разрешено внести в новые штаты»².

Подтверждением использования воспитанников исключительно в целях проводимой политики может служить мнение императора, отраженное в этом указе, в соответствии с которым воспитанников горцев следует использовать «как в усердии к службе, так и в преданности правительству».

Вопросы образования горских народов отражены и в высочайше утвержденном положении от 11 июня 1849 г.³

Положение состояло из 5 глав, состоявших в свою очередь из 48 параграфов. Цель акта оговаривалась в 2 частях. В первом параграфе отмечалось, что целью принятия акта является «доставление уроженцам Кавказского и Закавказского края средств к образованию себя в таких общих и специальных предметах, которые или вовсе не преподаются в Гимназиях и других училищах Кавказского учебного округа, или проходят в оных не в полном объеме...».

Далее приводились политические аспекты принятия акта. Они были наиболее важны, т. к. отражали непосредственное отношение законодателя к данному вопросу: «1. Приуготовление сыновей Кавказских и Закавказских жителей привилегированного сословия к занятию разных, даже высших должностей по всем родам государственной службы на Кавказе и Закавказом; и. 2. Доставка детям лиц торгового и других сословий средств к приобретению познаний, в будущем их назначении необходимых, и с помощью которых они могли бы содействовать успешному развитию в крае торговли и промышленности».

¹ Полное собрание законов Российской империи. 1838. Т. 12, № 10670.

² Там же. 1842. Т. 16, № 15133.

³ См.: Там же. 1850. Т. 24, № 23307.

Для этих целей принято было решение иметь постоянно «кавказских воспитанников» в Санкт-Петербурге: в Императорском университете — 20 воспитанников, Главном педагогическом институте — 10; Императорском училище правоведения — 5; Институте корпуса инженеров путей сообщения — 4; Институте корпуса горных инженеров — 4.; Строительном училище путей сообщения — 6; Лесном и Межевом институте — 10; Императорской академии художеств — 2; Коммерческом училище — 5; Технологическом институте — 2; в Москве: в Медицинском отделении Императорского Московского университета — 20; в прочих отделениях МГУ — 20; Лазаревском институте восточных языков — 20; Константиновском межевом институте — 15; Ремесленном училище Императорского Московского воспитательного дома — 2; в прочих городах: в Императорском Казанском университете — 5; Горыгорецком земледельческом институте — 5; Главном училище Садоводства (Одесса) — 5.

Отдельная квота из этого числа была установлена для русских детей «дворян и чиновников, беспорочно служащих или служивших на Кавказе и Закавказье». Настоящее положение отражало порядок отправления и приема кавказских воспитанников; изъятия, допускаемые для них в учебных курсах; обязанности относительно них как руководителей заведений, так и лиц, назначенных для наблюдения за ними; обязанности и права кавказских воспитанников по выпуску из заведений.

Отбор воспитанников осуществлялся наместником Кавказа по прошению, поданным жителями Кавказа и Закавказского края, а также вдовами (опекунами) умерших на службе России дворян и чиновников. Служащие русские дворяне и чиновники подавали прошения через своих непосредственных начальников. Параграф 16 определял критерии отбора. Исключению подлежали лица, «перешедшие» установленный возраст и те, чьи родители перешли на службу в «другие места империи».

Особый интерес представляет гл. III, утверждающая изъятия в учебных заведениях для «кавказских воспитанников».

Во-первых, данная категория воспитанников дополнительно изучала местные языки (жители Закавказского края — грузинский и татарский, а жители Кавказа — татарский и черкесский). Во-вторых, «кавказские воспитанники» освобождались от изучения ряда предметов. К примеру, в Санкт-Петербургском и Московском университетах — от математических наук, истории российского законодательства, церковно-славянского языка. В других учебных заведениях они также освобождались от этих предметов. Не подлежали освобождению только воспитанники Академии художеств (примечание 1 к § 32). Объяснение такому положению законодатель не давал. Содержание воспитанников осуществлялось за счет сумм государственного казначейства (в среднем 350 руб. серебром).

Параграф 37 обязывал начальников учебных заведений строго следить за воспитанниками, чтобы они не отклонялись от учебы, «но вместе с тем сколь можно ближе согласовалось [их образование] с видами правительства насчет означенных воспитанников и с будущим их назначением».

Император требовал особого усердия добиваться от них в изучении русского языка и исполнении своих обрядов. Обо всех успехах, способностях

учеников начальники учебных заведений должны были докладывать управляющему делами Кавказского комитета.

Данная серия указов ярко свидетельствует о продуманной политике царского самодержавия. Законодатель создавал всевозможные льготные условия сыновьям князей и прочих владельцев горских народов для укрепления своего престижа среди местных народов. Такой способ освоения региона, безусловно, следует отнести к мирному, позволяющему позитивно ориентировать местное население на проводимую российским самодержавием политику.

Органы самодержавной власти отводили институту аманатства особую роль, используя его как инструмент установления в регионе российской власти. Вместе с тем игнорирование особенностей уклада народов, населяющих Северный Кавказ, приводило к тому, что данный институт терял свои качества (прежде всего, обязательность, возможность смягчить конфликт) и в итоге не всегда мог служить действенным инструментом проводимой политики.

А.Х. Абазов,

*кандидат исторических наук, доцент
кафедры теории и истории государства и
права юридического факультета Кабардино-
Балкарского государственного университета
им. Х.М. Бербекова
alex_abazov@list.ru*

Материалы сельских судов как источник изучения обычного права кабардинцев в последней трети XIX – начале XX века*

Аннотация: в статье анализируется значение материалов сельских (аульных) судов Нальчикского округа Терской области для исследования системы регулирования общественных отношений у кабардинцев в последней трети XIX — начале XX в. Делается вывод, что эти материалы содержат подробные сведения об обычном праве кабардинцев.

Ключевые слова: судоустройство, сельские суды, обычное право, апелляционные жалобы, кабардинцы.

Summary: in the article is analyzed the value of the materials of the rural courts of the Nalchik district of the Tersky area for research of the system of regulation of the public relations at the Kabardians in the last third of XIX — the beginning of the XX century. The conclusion is drawn that these materials contain detailed data about a common law of the Kabardians.

Keywords: judicial system, rural courts, common law, appeal complaints, the kabardians.

В последней трети XIX — начале XX в. обычное право оставалось одним из основных социальных регуляторов в системе правосудия кабардинцев. Нормы их обычного права сохраняли регламентирующую роль в

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Система правосудия Кабарды в 1822–1917 гг.: исторический опыт и уроки» № 12-11-07001.

той степени, в которой это не противоречило законодательству Российской империи. Они применялись в практике как Нальчикского горского словесного суда, так сельских (аульных) и посреднических (медиаторских) судов. Однако комплексное изучение обычного права кабардинцев осложняется отсутствием подробного источниковедческого анализа документов судов, функционировавших в Нальчикском округе Терской области в тот период. В этом плане характеристика информативной отдачи материалов сельских (аульных) судов представляется актуальной исследовательской задачей.

Некоторые сведения о сельских (аульных) судах содержатся в работах Х.М. Думанова, Ю.М. Кетова, Х.С. Кушхова, Ж.А. Калмыкова, И.Л. Бабич, Д.Н. Прасолова, А.Х. Абазова¹ и др. Прежде чем перейти к анализу их материалов, целесообразно дать краткую историческую справку об их деятельности.

Суды в кабардинских селениях (*кбуажэ суд*) были созданы на основании Указа от 1869 г. «О сельском суде»² и являлись частью судебной системы Терской области. Эта система складывалась в условиях взаимовлияния различных правовых систем (российской правовой системы, адата и шариата). При этом сохранялись некоторые институты традиционного судопроизводства кабардинцев и были выработаны модели их функционирования в судах, создаваемых по российскому образцу. Сами же сельские суды осуществляли правосудие в основном по нормам обычного права кабардинцев.

Основы судоустройства и судопроизводства в сельских судах были определены в «Положении о сельских (аульных) обществах и общественном управлении Терской области»³. В их состав входили три судьи и один кандидат (*суд кбуэдзэ*), избираемые на сельских сходах, и один сельский эфенди для разъяснения некоторых положений шариата и проведения присяг. Эфенди также принимал участие в заседаниях в роли делопроизводителя⁴. Претенденты на должности судей и кандидатов должны были хорошо знать народные «обычаи и иметь авторитет в своей общине»⁵. Срок полномочий сельской судьи равнялся 3 годам, с возможностью последующего переизбрания. До 1893 г. старшина не являлся членом сельского суда, однако

¹ См.: Думанов Х.М., Кетов Ю.М. Адыгэ хабзэ и суд в Кабарде во второй половине XVIII – XIX в. Нальчик, 2000; Думанов Х.М. Кушхов Х.С. К вопросу о судоустройстве и судопроизводстве в Кабарде во второй половине XIX – начале XX в. // Культура и быт адыгов (Этнографические исследования). Вып. VI. Майкоп, 1986. С. 41–51; Калмыков Ж.А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1994; Бабич И.Л. Эволюция правовой культуры адыгов (1860–1990-е годы). М., 1999; Прасолов Д.Н. Сельская община в Кабарде во второй половине XIX – начале XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2002. С. 130–137; Абазов А.Х. Формирование многоуровневой судебной системы в Кабарде в конце XVIII – начале XX в.: этапы, особенности // CAUCASICA. Труды Института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона. Т. 1 / под ред. В.А. Захарова. М., 2011. С. 93–108.

² См.: Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007. С. 198.

³ См.: Кубанская справочная книжка. Екатеринодар, 1891. Отд. II. С. 232; Управление Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики (далее – УЦГА КБР). Ф. И-2. Оп. 1. Ед. хр. 888. Л. 1; Думанов Х.М., Кетов Ю.М. Указ. соч. С. 79.

⁴ См.: Научный архив Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук (далее. – Архив КБИГИ). Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 27. Пасп. № 26.

⁵ См.: Архив КБИГИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 27. Пасп. № 39.

судьи находились в его подчинении¹. В 1893 г. старшина был официально утвержден в качестве председателя сельского суда². Старшина был наделен правом штрафовать лиц, уклоняющихся от исполнения судебных решений³. Средний возраст сельских судей колебался от 40 до 60 лет⁴.

Основным предметом разбирательств в сельских судах являлись имущественные споры, нарушение договорных обязательств и возмещение ущерба по искам, сумма которых в 1869–1870 гг. не должна была превышать ста рублей⁵. Поводом для начала судопроизводства являлись жалоба потерпевшего, требование старшины или его помощников либо заявление свидетеля какого-либо правонарушения. Разбирательство осуществлялось устно и гласно, а решение суда оформлялось в письменной форме⁶.

О том, что сельские суды еще функционировали в первой половине 20-х гг. XX в., свидетельствует речь, произнесенная Б.Э. Калмыковым в январе 1923 г. в которой он ставил вопрос о необходимости их ликвидации⁷.

Изучение условий и обстоятельств применения норм обычного права кабардинцев в деятельности сельских (аульных) судов в последней трети XIX — начале XX в. затрудняется ограниченностью источниковой базы. Материалы о деятельности сельских судов хранятся в основном в Управлении Центрального Государственного Архива Кабардино-Балкарской республики. Некоторые документы были в разное время были опубликованы Н.М. Рейнке⁸, Х.М. Думановым⁹, Ж.А. Калмыковым¹⁰.

В материалах сельских судов отображались сведения об удалении из села преступников, назначении опекунов, регулировании определенной группы имущественных споров, мелком воровстве, взыскании долгов, назначении наказаний за оскорбления и причинение телесных повреждений в драках без применения оружия. Разбирательства по этим категориям дел проводились на основе норм обычного права кабардинцев. Наказания, назначаемые сельскими судами, были следующие: общественные работы сроком до 6 дней, штраф в размере до 10 рублей, с зачислением его в сельскую казну, и арест сроком до 7 дней без выселения осужденного.

В большинстве случаев эти сведения приходится восстанавливать на основании анализа таких косвенных источников, как *апелляционные жало-*

¹ См.: Архив КБИГИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 27. Пасп. № 39.

² См.: УЦГА КБР. И-Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 204. Л. 3 об.; Цит. по: *Прасолов Д.Н.* Сельская община в Кабарде во второй половине XIX — начале XX в. Дис. к.и.н. Нальчик, 2002. С. 132.

³ См.: *Думанов Х.М., Кушхов Р.С.* Указ. соч. С. 44.

⁴ См.: *Бабич И.Л.* Указ. соч. М., 1999. С. 102.

⁵ См.: УЦГА КБР, ф. И-2, оп. 1, ед. хр. 1769, л. 69; *Калмыков Ж.А.* Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии. С. 109.

⁶ См.: *Прасолов Д.Н.* Указ. соч. С. 130–137.

⁷ См.: УЦГА КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 74. Т. 1. Л. 1–2; Цит. по: *Думанов Х.М., Кушхов Р.С.* Указ. соч. С. 49.

⁸ См.: *Рейнке Н.М.* Кавказско-горские суды Кавказского края // Журнал Министерства юстиции. 1912. № 2. С. 4–71.

⁹ В статье Х.М. Думанова и Х.С. Кушхова, посвященной вопросам о судоустройстве и судопроизводстве в Кабарде во второй половине XIX — начале XX в., приводятся некоторые тексты решений сельских судов. (См.: *Думанов Х.М., Кушхов Р.С.* Указ. соч. С. 46).

¹⁰ См.: *Калмыков Ж.А.* Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII — начало XX в.). Нальчик, 2007. Приложение № 5–7. С. 210–231.

бы на решения этих судов, приносимые в Нальчикский горский словесный суд. Право на обжалование решений сельских судов было закреплено во «Временных правилах для горских словесных судов Кубанской и Терской областей» от 18 декабря 1870 г. Жалоба имела устоявшуюся форму и состояла из прошения и копии решения сельского суда, на который она подавалась¹.

В прошениях описывалась сущность дела и указывались те отношения и интересы, которые, по мнению жалобщиков, были нарушены. Заключение часть этих документов составляют претензии истцов².

Важные сведения об обычном праве кабардинцев содержатся в копиях решений сельских судов. Стороны за определенную плату могли получить такие копии для представления в течение месяца в апелляционную инстанцию — Нальчикский горский словесный суд³. Аналогично прошениям, эти документы также имели устоявшуюся форму. В первой части излагалась сущность и обстоятельства дела. Во второй — коротко отображалась процедура судебного разбирательства. Далее следовало определение сельского суда, дата его оглашения и подписи судей. Юридическую силу таким копиям придавали подписи сельских старшин или их помощников. В некоторых случаях помимо подписей старшин копии заверялись печатью сельского правления⁴. Оригиналы же решений сельских судов записывались в специальные книги при сельских правлениях. Например, как в книге «1-го Атажукинского сельского правления 1-го участка Нальчикского округа для записи решений сельского суда» за 1891 г.⁵

В целом, материалы сельских судов имеют ценность не только как свидетельство письменной фиксации судебных дел, специфики и порядка судопроизводства в кабардинских селениях в последней трети XIX — начале XX в., но и как форма закрепления норм обычного права кабардинцев, сфера их применения в качестве социальных регуляторов и т. п.

Не менее информативную группу источников по изучению особенностей обычного права в деятельности кабардинских сельских судов составляют материалы полевых исследований. Значительное количество сведений по данной теме содержится в научном архиве Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук (г. Нальчик, Архив КБИГИ). В нем хранятся полевые материалы, собранные в 70–80-х гг. XX в. в ходе этнографических экспедиций Х.М. Думановым, В.Х. Кажаровым, Г.Х. Мамбетовым, С.Х. Мафедзевым⁶ и др.

Полевые материалы позволяют восстановить особенности функционирования в последней трети XIX — начале XX в. таких институтов обычного права кабардинцев, как *кбуажэкъехуэкI* (мера наказания за преступления, которая применялась за кражу имущества и выражалась в том, что

¹ См., напр.: УЦГА КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 2330. Л. 1; УЦГА КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 2436. Л. 2; УЦГА КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 2503. Л. 7–8.

² См.: УЦГА КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 2644. Л. 2; УЦГА КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 3704. Л. 9 и т. п.

³ См.: Калмыков Ж.А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии. С. 110–112.

⁴ См.: УЦГА КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 3415. Л. 7–7 об.

⁵ См.: УЦГА КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 2509. Л. 3.

⁶ См.: Архив КБИГИ. Ф. 10. Оп. 1.

преступника водили по селу с украденным или имитирующим украденное имуществом¹); *тхьэрылуэ щыхьэт* (свидетель под присягой²); *уэчыл* (человек, принимавший участие в судебном разбирательстве в качестве защитника³); *хашэ* (тайный свидетель, доказчик, которому были известны подробности того или иного преступления, личность преступника и другие подробности преступления); *шыкIэкъешэжI* (мера наказания за нарушение адатов, которая выражалась в том, что виновного сажали на лошадь или осла лицом к хвосту и водили по аулу⁴, применялась в основном к лжесвидетелям, лжеприсяжникам, клятвoprеступникам⁵) и др. Как правило, информаторы приобретали эти сведения в 20–30-х гг. XX в. в устной форме от пожилых людей. Поэтому материалы полевых исследований во многом относятся к последней трети XIX — началу XX в.

Таким образом, материалы сельских (аульных) судов Нальчикского округа Терской области являются важным источником изучения обычного права кабардинцев в последней трети XIX — начале XX в. Их анализ имеет большое значение не только в прикладном, но и в научно-теоретическом плане.

¹ См.: Архив КБИГИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 5. Пасп. № 3.

² См.: Архив КБИГИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 5. Пасп. № 1.

³ См.: Архив КБИГИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 27. Пасп. № 38.

⁴ См.: Думэн Х.М. Адыгэхэм я дауэдапщэхэр этнографие терминхэм я псалгальэ кIэщI. Налшык, 2006. С. 193.

⁵ См.: Леонтович Ф.И. Алаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Восточного и Северного Кавказа. Одесса, 1882. Вып. 1. С. 255.

• ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЮРИДИЧЕСКИЕ ВУЗЫ РОССИИ –
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ •

М.С. Трофимов,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры административного и финансового
права Юридического института Северо-
Кавказского федерального университета
sim-pai@mail.ru

**Влияние социальных факторов на реализацию
права человека и гражданина на образование**

***Аннотация:** статья посвящена общим и частным вопросам влияния факторов, порожденных обществом, на степень реализации права на образование. Автор приходит к выводу, что социальные факторы, влияющие на реализацию права на образование, вызваны несовершенством законодательства.*

***Ключевые слова:** образование, право на образование, социальные факторы.*

***Summary:** article is devoted to the general and private questions of influence of the factors generated by society, on extent of realization of the right to education. The author comes to a conclusion that the social factors influencing realization of the right to education, are caused by imperfection of the legislation.*

***Keywords:** education, right to education, social factors.*

Реализация любого нормативного предписания непременно будет искажена под влиянием неких порожденных обществом факторов. Это доказывает проблема реализации гражданами своих субъективных прав и свобод, общая для всех стран мира.

В частности, эта проблема затрагивает и такую сферу, как реализация права человека и гражданина на образование.

Современное российское образование — это непрерывная система последовательных ступеней обучения, на каждой из которых действуют государственные, муниципальные, негосударственные (частные) образовательные учреждения и образовательные учреждения религиозных организаций разных типов и видов.

Образовательная система объединяет дошкольное, общее среднее, среднее специальное, вузовское, послевузовское, дополнительное образование.

Образовательные учреждения могут быть платными и бесплатными, коммерческими и некоммерческими. Им дано право заключать между собой соглашения, объединяться в учебно-воспитательные комплексы (детский сад — начальная школа, лицей — колледж — вуз) и учебно-научно-производственные объединения (ассоциации) с участием научных, производственных и других учреждений и организаций.

Образование в России можно получать с отрывом и без отрыва от производства, в форме семейного (домашнего) образования, а также экстерната.

Деятельность государственных, муниципальных образовательных учреждений строится на базе типовых положений, утвержденных Правительством Российской Федерации, о соответствующих типах и видах образовательных учреждений. На основе типовых положений разрабатываются уставы образовательных учреждений.

Главные задачи общеобразовательных учебных учреждений состоят в том, чтобы создать благоприятные условия для умственного, нравственного, эмоционального и физического развития личности; способствовать выработке научного мировоззрения; обеспечить освоение учащимися системы знаний о природе, обществе, человеке, его труде; сформировать приемы самостоятельной деятельности.

Центральным звеном системы образования в Российской Федерации является общее среднее образование, которое обеспечивается средними общеобразовательными школами, школами с углубленным изучением отдельных предметов, гимназиями, лицеями, вечерними школами, образовательными учреждениями типа интернатов, специальными школами для детей с отклонениями в физическом и психическом развитии, внешкольными образовательными учреждениями (детские музыкальные и художественные школы, школы искусств, хоровые и хореографические студии, фольклорные ансамбли, детско-юношеские спортивные школы, станции юных техников, центры досуга и др.). Появляются новые виды образовательных учреждений (школы-интернаты искусств, агрошколы-интернаты, школы народных ремесел и др.).

Конституция Российской Федерации гарантирует своим гражданам равный доступ к образованию, соответственно, равные возможности для его получения. На практике же реализация гражданами конституционного права на образование (в частности, на доступ к нему) зависит от эффективности образовательной системы, образовательного комплекса, т. е. правового регулирования данной сферы, системы образовательных учреждений, образовательных стандартов, степени подготовки педагогов и т. д.

В нашем государстве сфера образования находится в ведении Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и местного самоуправления. Соответственно, управление образованием, финансирование и нормативно-правовое регулирование образования определенным образом распределено между указанными уровнями публичной власти. Следовательно, реализация гражданами своего права на образование изначально зависит от деятельности органов государственной власти, местного самоуправления, должностных лиц.

Сложность перераспределения компетенции в сфере образования между органами публичной власти стала залогом определенной неэффективности всей системы образования в современной России. По справедливому мнению И.В. Абанкиной, «это вносит сложности в организацию совместного социально-культурного пространства и требует использования современных технологий социального партнерства, основанных на агентских соглашениях. Это становится одним из аспектов управленческого дисбаланса в организации предоставления образования и других услуг социально-культурной сферы»¹.

¹ Абанкина И.В. Проблемы основной школы и система расселения России // Вопросы образования. 2005. № 2. С. 105.

Негативное влияние на сферу образования, по мнению О.Н. Смолина¹, оказал и Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»² и Федеральный закон от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ, известный как «Закон о монетизации льгот»³.

Дело в том, что эти законодательные акты значительно увеличили количество полномочий органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления, т. к. на уровень субъектов Федерации и местного самоуправления было передано 40 полномочий с федерального уровня. При этом дополнительного финансирования под исполнение этих полномочий не предусмотрено, и субъекты Российской Федерации должны изыскивать дополнительные средства из собственных бюджетов.

Между тем, достаточное финансирование является важным условием эффективного функционирования образовательного комплекса.

Мы видим, что такой социальный фактор, как недостаточное финансирование, вкупе с неразумным правовым регулированием сферы предоставления образовательных услуг может существенно повлиять на степень реализации гражданами права на образование.

В России неравенство прав граждан при реализации конституционного права на образование связано и с таким социальным фактором, как неравномерное расселение населения по территории субъекта Российской Федерации, при отсутствии строительства дополнительных социальных объектов.

Необходимым условием территориальной организации системы образовательных учреждений является территориальная доступность образовательного учреждения для учащихся. Например, в п. 11 ст. 11 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»⁴ установлено, что границы поселения, в состав которого входят два и более населенных пункта, устанавливаются с учетом пешеходной доступности до административного центра сельского поселения и обратно в течение рабочего дня для жителей всех населенных пунктов, входящих в состав поселения, а границы муниципального района — с учетом транспортной доступности до административного центра муниципального района и обратно в течение рабочего дня для жителей всех поселений, входящих в состав муниципального района.

Соответственно, можно сделать вывод, что в современных условиях территориальной организации местного самоуправления в России территориальная доступность образовательных учреждений гарантируется. На практике же приходится

¹ См.: *Смолин О.Н.* Новая ситуация в образовательном законодательстве: федеральная и региональная компетенции // *Вопросы образования.* 2005. № 2.

² См.: *Собр. законодательства Рос. Федерации.* 1999. № 21, ст. 5005.

³ См.: О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» : федеральный закон РФ от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ // *Собр. законодательства Рос. Федерации.* 2004. № 35, ст. 3607.

⁴ См.: *Собр. законодательства Рос. Федерации.* 2003. № 40, ст. 3822.

констатировать, что учащимся, особенно детям младшего возраста, нередко бывает трудно добраться до удаленного от места проживания ученика образовательного учреждения, даже если оно находится в том же населенном пункте.

Еще более сложной является ситуация с сельскими поселениями, где либо вовсе нет образовательных учреждений, либо имеется только начальная школа. В таком случае необходима организация транспортной доставки (например, школьными автобусами) учащихся до образовательных учреждений, находящихся в других поселениях.

В соответствии с разделением полномочий в области образования между государственной властью и местным самоуправлением организация движения школьных автобусов является обязанностью органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов, что вновь подтверждает негативное влияние социального фактора на реализацию гражданами своих конституционных прав.

Итак, мы постарались в рамках небольшой статьи рассмотреть, каким образом могут влиять социальные факторы на реализацию прав и свобод человека и гражданина. Избрав в качестве объекта исследования такой аспект, как получение гражданами России школьного образования, мы хотели подчеркнуть роль государства в нейтрализации негативного влияния социальных факторов на реализацию прав и свобод граждан.

Полагаем, что каждое субъективное право человека подвергается влиянию множества социальных факторов, которые порой могут сделать его реализацию вовсе невозможной. В подобной ситуации именно государство обязано создать такие условия, которые позволили бы уравнивать фактически права всех граждан. В частности, применим такой хорошо известный способ, как установление дополнительных гарантий реализации прав и свобод человека и гражданина. Однако установлению таких гарантий должно предшествовать серьезное научное исследование проблемы.

К.А. Струсь,

*кандидат юридических наук, доцент
кафедры теории и истории государства
и права юридического факультета
Северо-Кавказского федерального
университета (филиала) в г. Пятигорске
KonstantinStrus@gmail.com*

К вопросу о применении репутационного рейтинга вузов «Times Higher Education» в российской практике

Аннотация: в статье анализируется система оценки качества деятельности вузов по международному рейтингу «Times Higher Education». Предлагается авторская систематизация указанной системы оценки деятельности вузов.

Ключевые слова: оценка деятельности вузов, международный рейтинг оценки вузов «Times Higher Education».

Summary: in the article the system of an assessment of quality of activity of higher education institutions on the international rating of “Times Higher Education” is analyzed. Author’s systematization of the specified system of an assessment of activity of higher education institutions is offered.

Keywords: assessment of activity of higher education institutions, international rating of an assessment of higher education institutions of «Times Higher Education».

Оценка качества образования, получаемого студентами в различных высших учебных заведениях мира, осуществляется путем определения рейтинга вузов, в котором отражаются не только глобальные, но и специальные критерии оценки, такие как трудоустройство выпускников, отраслевые группы вузов и др. В современной России при определении качества образования используется оценка на основе рейтинга эффективности вузов. Проанализируем основания, на которых строится Всемирный рейтинг университетов **Times Higher Education (далее Times): его показатели, группы, весовые коэффициенты, т. е. формулы расчетов.**

Всемирный рейтинг университетов представляет собой максимально полное и комплексное исследование, позволяющее получить прозрачные, строгие и действительно содержательные всемирные сравнительные оценки, которые затем могут быть использованы университетскими факультетами, стратегическими лидерами, лицами, формирующими политику, и будущими студентами¹.

В названном рейтинге используются 13 индикаторов (показателей), выбранных для отражения деятельности вуза, имеющих свои весовые коэффициенты. Индикаторы разбиты на пять блоков, каждый из которых объединяет несколько показателей и имеет свой коэффициент, равный сумме коэффициентов входящих в него индикаторов и определяющий «вес» в общем описании деятельности вуза.

Первый блок: преподавание — образовательная среда (весовой коэффициент — 30 %). Включает такие показатели, как оценка репутации в преподавании — 15 %; соотношение числа студентов и числа преподавателей — 4,5 %; соотношение числа лиц, получивших степень PhD, к числу лиц, получивших степень бакалавра, — 2,25 %; соотношение числа лиц, получивших степень PhD, и числа преподавателей — 6 %; доход организации, разделенный на число преподавателей, — 2,25 %.

Второй блок: исследования — объемы, доход и репутация (всего 30 %), в том числе оценка репутации в исследованиях — 18 %; доход университета от исследований — 6 %; отношение числа публикаций к численности преподавателей и научных сотрудников — 6 %.

Третий блок: цитирование — влияние исследований (30,0 %). Содержит только один показатель — индекс цитирования опубликованных в вузе работ. Влияние исследований университета, измеряемое индексом цитирования опубликованных в нем работ, — крупнейшая из категорий рейтинга, составляющая почти треть от общей оценки.

¹ См.: Всемирный рейтинг университетов Times Higher Education. URL: [http:// www. timeshighereducation.co.uk](http://www.timeshighereducation.co.uk) (дата обращения: 01.11.2013).

Четвертый блок: отраслевой доход — инновации (2,5 %). Содержит один удельный показатель — доход от исследовательской деятельности, приходящийся в среднем на одного преподавателя.

Пятый блок: международное взаимодействие — сотрудники и студенты (7,5 %). Включает три показателя, отражающих мобильность преподавателей и студентов: доля иностранных сотрудников — 2,5 %; доля иностранных студентов — 2,5 %; доля статей, написанных в международном соавторстве, — 2,5 %.

Для более основательного понимания рейтинга выделим блоки с отдельными показателями, затем перегруппируем их и выстроим новую систему классификации. Для анализа оснований рейтинга используем следующий прием: выделенные блоки расчленим на отдельные показатели, тем самым перейдя к их исходной совокупности. Затем путем перегруппировки построим две новые классификации. В основу первой положим «ресурсный» подход, выделяя человеческие, финансовые и другие ресурсы. Вторая классификация предполагает выделение показателей, отражающих образовательную и научную деятельность вузов.

Первая группа. Из исходного перечня показателей выделим те, которые характеризуют человеческие ресурсы вузов: соотношение численности студентов и преподавателей — 4,5 %; соотношение числа лиц, получивших степень PhD, и числа лиц, получивших степень бакалавра — 2,25 % (доучиваемость до степени PhD); соотношение числа лиц, получивших степень PhD, и числа преподавателей — 6 %; доля иностранных сотрудников — 2,5 %; доля иностранных студентов — 2,5 %. Всего на первую группу приходится 17,75 %.

Вторая группа объединяет показатели, характеризующие финансовые ресурсы: доход организации, разделенный на число преподавателей, — 2,25 %; доход университета от исследований — 6 %; доход от исследовательской деятельности, приходящийся в среднем на одного преподавателя, — 2,5 %. Общая весовая нагрузка второй группы — 10,75 %.

Третья группа — репутация вуза, или «социокультурный» ресурс с показателями: оценка репутации в преподавании — 15 %; оценка репутации в исследованиях — 18 %. Общая весовая нагрузка блока «репутация» составляет 33 %.

И, наконец, четвертая группа — научный ресурс, результативность научных исследований — включает следующие показатели: соотношение числа публикаций к численности преподавателей и научных сотрудников — 6 %; число цитирования другими исследователями опубликованных в вузе работ — 30,0 %; доля статей, написанных в международном соавторстве, — 2,5 %. Всего — 38,5 %.

В результате такой перегруппировки перечня показателей, исходя из ресурсного подхода, получаем следующие четыре группы показателей:

- 1-я группа — человеческие ресурсы — пять показателей (17,75 %);
 - 2-я группа — финансовые ресурсы — три показателя (10,75 %);
 - 3-я группа — репутация вуза — два показателя (33,0 %);
 - 4-я группа — результативность научных исследований — 3 показателя (38,5 %).
-

Рассмотрим полученные группы показателей.

Показатели первой группы отражают долю отдельных групп студентов и преподавателей, или структурные пропорции основных участников образовательного процесса.

Во второй группе из трех финансовых показателей один — абсолютный, чисто финансовый, не привязанный к другим ресурсам, — это доход университета от исследований. Два других — это удельные показатели (доходы от исследовательской деятельности и общие доходы в расчете на одного преподавателя).

Третья группа — репутация вуза — измеряется двумя показателями: репутацией в преподавании и репутацией в исследованиях, при этом оба показателя довольно «весомые» (15 и 18 % соответственно). При этом стоит заметить, что преподавание оценивается чуть ниже, чем научные исследования.

Четвертая группа — научный ресурс — результативность, выражающаяся индексом цитирования опубликованных вузом работ (абсолютный показатель) и соотношением числа публикаций преподавателей и научных сотрудников (удельный показатель).

Если обратиться к анализу отечественной системы оценки эффективности вузов, можно выделить ряд отличий от системы Times Higher Education.

В группе «Научные исследования» рейтинга Times научным исследованием отводится почти 40 % весовой нагрузки, тогда как в российском рейтинге — в 4 раза меньше (11,7 %).

Группа «Финансовые ресурсы» в рейтинге Times составляет более 10 %, а в российском — менее 4 %.

Группа «Репутация вуза» в рейтинге Times составляет третью часть, тогда как в российском рейтинге — более 43 %.

Если обратиться к анализу материально-технической и информационной составляющей, можно заметить, что в рейтинге Times они вообще не учитываются, в то время как в российской практике их суммарный вес составляет пятую часть.

Представленный анализ позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на одинаковое наименование критериев в рейтинге Times и российской системе, их весовая нагрузка существенно различается. В международном рейтинге Times науке в вузах уделяется принципиально большее внимание, чем в России. Оценивая в целом ситуацию по персоналу, занимающемуся исследованиями и разработками в российских вузах, можно отметить сокращение численности исследователей в вузах и рост численности студентов по отношению к преподавателям, что в целом привело к снижению их «плотности» в группе человеческих ресурсов высшей школы — преподавателей и студентов. Обращение к зарубежной практике в развитых странах показывает, что доля исследователей, занятых в секторе высшего образования, в несколько раз выше, чем в России: например, в Великобритании — свыше 30 %, в Германии — около 30 %¹.

Таким образом, вынуждены констатировать, что российские вузы в настоящее время не могут быть достойно представлены в системе международного рейтинга вузов Times Higher Education.

¹ См.: Наука России в цифрах: 2006. Стат. сб. М., 2006.

С.А. Лукинова,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры экологического, земельного и
трудового права Юридического института
Северо-Кавказского федерального
университета
lukinova.sa@rambler.ru

Заключение трудового договора с руководителем образовательной организации: сравнительно-правовой анализ

Аннотация: статья посвящена анализу особенностей заключения трудового договора с руководителем образовательной организации. Исследуется законодательство Российской Федерации и Республики Южная Осетия об образовании.

Ключевые слова: руководитель образовательной организации, трудовые отношения, трудовой договор.

Summary: the article deals with the analysis of the features of the employment contract with the head of an educational institution. The author explores the legislation of the Russian Federation and the Republic of South Ossetia on education.

Keywords: the head of an educational institution, labor relations, employment contract.

Статья 26 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»¹ (далее — Закон «Об образовании») гласит, что управление образовательной организацией осуществляется на основе сочетания принципов единоначалия и коллегиальности. Единоличным исполнительным органом образовательной организации является руководитель образовательной организации (ректор, директор, заведующий, начальник или иной руководитель), который осуществляет текущее руководство ее деятельностью.

К руководителям организации относятся физические лица, наделенные законом, иными нормативными правовыми актами или учредительными документами организации правом осуществлять руководство этой организацией, в том числе выполнение функций ее единоличного исполнительного органа².

Номенклатура должностей педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность, должностей руководителей образовательных организаций утверждена Правительством РФ 8 августа 2013 г.³ В номенклатуру должностей руководителей образовательных организаций включены следующие должности: ректор, директор, заведующий, начальник, президент.

В соответствии со ст. 51 Закона «Об образовании» и ст. 52 проекта аналогичного закона Республики Южная Осетия (далее — РЮО) заключению трудового договора с руководителем образовательной организации в соответ-

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 53, ч. 1, ст. 7598.

² См.: Комментарий к Федеральному закону от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (поглавный) / под ред. В.Е. Усанова. М., 2013.

³ См.: Об утверждении номенклатуры должностей педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность, должностей руководителей образовательных организаций : постановление Правительства РФ от 8 августа 2013 г. № 678 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 33, ст. 4381.

ствии с законодательством и уставом образовательной организации должен предшествовать один из дополнительных юридических фактов:

1) избрание общим собранием, конференцией работников (общим собранием, конференцией работников и обучающихся) образовательной организации с последующим утверждением учредителем образовательной организации;

2) назначение учредителем образовательной организации;

3) назначение Президентом РФ в случаях, установленных федеральными законами¹;

4) назначение Правительством РФ (для ректоров федеральных университетов).

В отличие от российского закона, проект Закона «Об образовании» РЮО предполагает, что руководитель назначается Министерством образования и науки РЮО.

ТК РФ закрепил, что только в случаях, установленных законодательством Российской Федерации, кандидаты на должность руководителя федеральной государственной образовательной организации также согласовываются с уполномоченным Президентом РФ федеральным государственным органом.

Кандидаты на должность руководителя образовательной организации должны иметь высшее образование и соответствовать квалификационным требованиям, указанным в квалификационных справочниках, по соответствующим должностям руководителей образовательных организаций и (или) профессиональным стандартам. К сожалению, названные правовые акты до сих пор не разработаны.

Запрещается занятие должности руководителя образовательной организации лицами, которые не допускаются к педагогической деятельности по основаниям, установленным трудовым законодательством.

Кандидаты на должность руководителя государственной или муниципальной образовательной организации и ее руководитель (за исключением руководителей, назначенных Правительством РФ и Президентом РФ) проходят обязательную аттестацию.

Порядок и сроки проведения аттестации кандидатов на должность руководителя и руководителя государственной или муниципальной образовательной организации в России устанавливаются учредителями этих образовательных организаций, в соответствии с проектом закона РЮО об образовании — уполномоченным государственным органом исполнительной власти.

Должностные обязанности руководителя государственной или муниципальной образовательной организации, филиала государственной или муниципальной образовательной организации не могут исполняться по совместительству.

И в России, и в РЮО особенности замещения должностей, назначения на должности и статуса руководителя федеральной государственной образовательной организации, осуществляющей подготовку кадров в интересах обороны и безопасности государства, обеспечения законности и правопорядка, определяются в порядке, установленном законами государств.

¹ В соответствии с п. 5 ст. 2 Федерального закона от 10 ноября 2009 г. № 259-ФЗ «О Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургском государственном университете» ректор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и ректор Санкт-Петербургского государственного университета назначаются на должность и освобождаются от должности Президентом Российской Федерации (См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 46, ст. 5418).

В соответствии с ч. 4 ст. 275 ТК РФ лицо, поступающее на должность руководителя государственного (муниципального) учреждения (при поступлении на работу), и руководитель государственного (муниципального) учреждения (ежегодно) обязаны представлять сведения о своих доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруга (супруги) и несовершеннолетних детей. Представление указанных сведений осуществляется: лицом, поступающим на должность руководителя федерального государственного учреждения, руководителем федерального государственного учреждения — в порядке, утверждаемом Правительством РФ.

Особенности избрания, назначения на должность и статуса руководителя частной образовательной организации определяются в уставе частной образовательной организации в соответствии с трудовым законодательством.

В образовательной организации высшего образования по решению ее ученого совета может учреждаться должность президента образовательной организации высшего образования.

Закон не допускает совмещение должностей ректора и президента образовательной организации высшего образования.

Порядок избрания президента образовательной организации высшего образования и его полномочия определяются уставом образовательной организации высшего образования.

После избрания президента государственной или муниципальной образовательной организации высшего образования между ним и учредителем этой образовательной организации заключается трудовой договор на срок до пяти лет.

Трудовой договор с руководителем государственного (муниципального) учреждения заключается на основе типовой формы трудового договора, утверждаемой Правительством РФ с учетом мнения Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений¹.

К руководителям организации относятся физические лица, наделенные законом, иными нормативными правовыми актами или учредительными документами организации правом осуществлять руководство этой организацией, в том числе выполнение функций ее единоличного исполнительного органа.

Таким образом, избрание, назначение, утверждение физического лица в качестве руководителя образовательной организации производятся полномочным на то органом. Полномочия по утверждению, назначению, избранию и заключению трудового договора с руководителем образовательной организации могут принадлежать одному и тому же органу (лицу) или быть разделены между разными органами (лицами) законодательством, учредительными документами.

Порядок заключения трудового договора с руководителем образовательной организации в настоящее время закреплен: ст. 17–19 и гл. 43 Трудового кодекса РФ, Законом «Об образовании», иными нормативными правовыми

¹ См.: О типовой форме трудового договора с руководителем государственного (муниципального) учреждения : постановление Правительства РФ от 12 апреля 2013 г. № 329 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 16, ст. 1958.

актами Российской Федерации, а также учредительными документами юридического лица (организации) и локальными нормативными актами. В РЮО законодательство об образовании проходит процесс становления, обсуждается проект закона об образовании.

В отличие от Республики Южная Осетия процедура заключения трудового договора в России может быть закреплена также правовыми актами субъектов Российской Федерации, нормативными правовыми актами органов местного самоуправления.

Формирование нового законодательства об образовании в России и в Республике Южная Осетия предполагает дальнейшую серьезную работу по подготовке и принятию правовых актов, регламентирующих процедуру заключения трудового договора с руководителем образовательной организации (порядок проведения аттестации руководителей образовательных организаций, установление квалификационных требований и закрепление их в соответствующих квалификационных справочниках по соответствующим должностям руководителей образовательных организаций и (или) профессиональных стандартах и пр.).

Следовательно, трудовые отношения с работодателем руководителя образовательной организации возникают на основе сочетания юридических фактов назначения, утверждения, избрания и трудового договора.

Т.Ф. Вышеславова,

*кандидат юридических наук, доцент
кафедры экологического, земельного и
трудового права Юридического института
Северо-Кавказского федерального
университета
vysheslavova_tf@mail.ru*

Дисциплинарная ответственность обучающихся

***Аннотация:** статья посвящена анализу новации Закона об образовании — дисциплинарной ответственности обучающихся, основаниям возникновения дисциплинарной ответственности, дисциплинарному производству.*

***Ключевые слова:** дисциплинарная ответственность, правовой статус обучающихся, привлечение к дисциплинарной ответственности, дисциплинарное производство.*

***Summary:** this article deals with the analysis of innovations of the Education Act — the disciplinary responsibility of students, the grounds of disciplinary responsibility, disciplinary proceedings.*

***Keywords:** disciplinary responsibility, the legal status of students, subjection to the disciplinary liability, disciplinary proceedings.*

Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»¹ (далее — Закон «Об образовании», Закон), вступивший в силу с 1 сентября 2013 г., в ст. 43 впервые установил дисциплинарную ответственность обучающихся. Дисциплинарная ответственность

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 53, ч. 1, ст. 7598.

присуща трудовым правоотношениям при наличии специфических субъектов, объекта, прав и обязанностей данных субъектов, процедуры применения дисциплинарной ответственности. Чем же вызвано закрепление дисциплинарной ответственности в правоотношениях, выходящих за рамки трудовых, имеющих гражданско-правовой характер?

Образовательные правоотношения регулируются образовательным законодательством и представляют собой отношения, в которые вступают в процессе обучения и воспитания, с одной стороны, обучающиеся, а с другой стороны — образовательные учреждения и педагоги. Их специфика проявляется практически во всех элементах структуры образовательного правоотношения — объекте, субъектном составе и содержании.

Как отмечает Т.Н. Трошина, существенной особенностью содержания образовательного правоотношения является то, что обязанная сторона — образовательное учреждение — обладает властными полномочиями по отношению к управомоченному субъекту (обучающемуся, воспитаннику). К управомоченному субъекту могут применяться меры дисциплинарной ответственности, вплоть до исключения из образовательного учреждения¹.

Закон «Об образовании» в пп. 1–2 ст. 43 устанавливает основные обязанности обучающихся, оставляя открытым их перечень, который может быть расширен другими статьями Закона, иными законами и подзаконными нормативными правовыми актами, а также локальными нормативными актами организаций, осуществляющих образовательную деятельность. Виновное нарушение данных обязанностей обучающимися приводит к возникновению дисциплинарной ответственности.

Часть 3 ст. 44 Закона «Об образовании» устанавливает основания применения к обучающимся дисциплинарной ответственности. Такими основаниями признаются: 1) неосвоение или неполное освоение в установленные сроки образовательной программы, невыполнение учебного плана; 2) нарушение правил внутреннего распорядка и устава образовательной организации или положения о специализированном структурном образовательном подразделении организации, осуществляющей обучение; 3) вред, причиненный по их вине имуществу организации, осуществляющей образовательную деятельность. В соответствии со ст. 192 ТК РФ установлены виды дисциплинарных взысканий. Определены категории обучающихся, к которым указанные меры не применяются или применяются с ограничениями, а также периоды недопустимости их применения. Не допускается применение физического и (или) психического насилия по отношению к обучающимся. Заимствованы и дополнены Законом и нормы о выборе меры дисциплинарного взыскания. Так, дополнительно должны учитываться поведение обучающегося, его психофизическое и эмоциональное состояние, а также мнение советов обучающихся, советов родителей. По решению образовательной организации за неоднократное совершение дисциплинарных проступков допускается отчисление из организации несовершеннолетнего обучающегося, достигшего возраста

¹ См.: Трошина Т.Н. Понятие и структура образовательного правоотношения // Реформы и право. 2011. № 3. С. 15.

пятнадцати лет, как мера дисциплинарного взыскания. Отчисление несовершеннолетнего обучающегося применяется как исключительная мера с учетом мнения его родителей (законных представителей) и с согласия комиссии по делам несовершеннолетних, органов опеки и попечительства.

Если руководитель образовательного учреждения не уверен в своей правоте относительно налагаемого взыскания в виде отчисления или же сомневается в достаточном обосновании и количестве доказательств, лучше ограничиться выговором или замечанием. Если все же возникла необходимость отчислить обучающегося, то руководитель должен быть не только абсолютно уверен в своей правоте, но и позаботиться о достаточных документальных доказательствах. В противном случае может возникнуть спор.

Органы, осуществляющие обучение, органы местного самоуправления, законные представители не позднее чем в месячный срок принимают меры, обеспечивающие получение несовершеннолетним обучающимся общего образования. Тем самым соблюдаются гарантии на получение только общего образования. Обучающийся и его законные представители вправе обжаловать в комиссию по урегулированию споров между участниками образовательных отношений меры дисциплинарного взыскания и их применение к обучающемуся. Порядок привлечения к дисциплинарной ответственности должен быть определен Министерством образования и науки РФ¹.

Одним из основополагающих принципов законности и правопорядка в обществе в целом и в образовательной сфере в частности является неотвратимость ответственности за правонарушение.

Таким образом, на законодательном уровне впервые установлены основные элементы правового статуса обучающегося. Однако считаем, что целесообразно разделить в законе обязанности и ответственность в самостоятельные статьи. Отражение ответственности в рамках самостоятельной статьи будет способствовать формированию более четкого представления у обучающихся о наступлении неблагоприятных последствий вследствие виновных нарушений образовательного процесса.

Механический перенос из ТК РФ видов дисциплинарных взысканий в Закон «Об образовании» вряд ли можно признать удачной идеей. Действующий набор средств дисциплинарного воздействия на обучающегося для поддержания дисциплины необходимо дополнять мерами общественного воздействия на нарушителя дисциплины. Безусловно, данное дополнение набора воздействий в Законе стало бы весьма эффективным средством воздействия на нерадивых обучающихся. Перечень дисциплинарных взысканий, установленный ТК РФ и иными федеральными законами, положениями или уставами о дисциплине, является исчерпывающим, поэтому образовательная организация в правилах внутреннего распорядка не может установить иной вид взыскания.

Необходимо также в Законе, Уставе образовательной организации, правилах внутреннего распорядка предусмотреть порядок самого дисциплинарного

¹ См.: Комментарий к Федеральному закону от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (поглавный) / под ред. В.Е. Усанова. М., 2013. С. 45.

производства. Так, существенным регламентирующим фактором можно включить обстоятельства, смягчающие дисциплинарную ответственность, что является достаточно редким явлением в дисциплинарном производстве. Лицо, привлекаемое к дисциплинарной ответственности, вправе защищать свои интересы в дисциплинарном производстве лично и с помощью представителя.

В развитых странах Запада, несмотря на давние и прочные традиции демократии, образовательные отношения регламентируются достаточно жестко. Такие государства и в условиях автономии образовательных организаций в целях подлинной защиты интересов обучающихся стараются максимально конкретизировать их права и обязанности в законе. В России статус конкретного студента во многом зависит от уровня демократии и правопорядка в отдельном вузе. Зарубежное законодательство об образовании содержит примеры подобной регламентации статуса студента; в российской практике большое значение приобретают положения уставов вузов, ощутимую роль играют подзаконные нормативные акты¹.

Образовательное законодательство впервые восприняло в своих нормах динамику образовательных отношений, т. е. механизм их возникновения, изменения и прекращения. Кроме того, самостоятельную нормативную регламентацию получил договор об образовании как основной инструмент регулирования поведения субъектов образовательной деятельности в рамках образовательного процесса². На основании ст. 192 ТК РФ дисциплинарные взыскания применяются за неисполнение или ненадлежащее исполнение работником по его вине возложенных на него трудовых обязанностей. Последние должны быть зафиксированы в трудовом договоре, должностной инструкции либо в локальных нормативных актах работодателя, с которыми работника знакомят до подписания трудового договора. Таким образом, действительно возрастает роль локального регулирования правового статуса обучающегося, особенно заключаемого с ним договора, порядка ознакомления с Уставом, правилами внутреннего распорядка. Следовательно, прежде чем начинать процедуру привлечения обучающегося к ответственности, нужно убедиться в том, что он ознакомлен с тем документом, положения которого он нарушил. Ознакомление обучающегося подтверждается его подписью с указанием даты либо на самом документе, либо в журнале или листе ознакомления.

Необходимо закрепить обязательность фиксирования факта совершения дисциплинарного проступка. Отметим, что такое требование в трудовом законодательстве не содержится, однако сделать это необходимо: законодатель связывает начало течения срока для применения взыскания к субъекту дисциплинарной ответственности именно с днем обнаружения проступка.

¹ См.: *Барабанова С.В.* Административно-правовое обеспечение конституционного права граждан на высшее профессиональное образование в Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 9.

² См.: *Кирилловых А.А.* Новое образовательное законодательство: базовые правовые институты и новации // Адвокат. 2013. № 2. С. 13.

Что же можно считать дисциплинарным проступком? Дисциплинарный проступок должен обладать совокупностью признаков, наличие которых является основанием наложения дисциплинарного взыскания. Субъектом правонарушения может быть обучающийся, находящийся в образовательных правоотношениях с образовательным учреждением. Субъективной стороной является вина обучающегося, т. е. умысел или неосторожность. Объективная сторона — это негативные последствия проступка для образовательной организации. Должна также существовать причинно-следственная связь между действием (бездействием) обучающегося и последствиями для образовательного учреждения. Наложение взыскания должно оформляться приказом, где следует указать: факт нарушения дисциплины, вид нарушения, время совершения или обнаружения дисциплинарного проступка, вид дисциплинарного взыскания и документы, на основании которых издается этот приказ.

Говоря о наложении дисциплинарного взыскания, нельзя не упомянуть о снятии взыскания. Его порядок должен подробно регламентироваться локальным актом образовательной организации и соответствовать ст. 194 ТК РФ.

Таким образом, вводимые Законом «Об образовании» новации являются важным шагом на пути к формированию эффективного механизма правового регулирования образовательных и иных отношений в сфере образования, обладающего стабильностью и одновременно возможностью динамичного развития, направленного на реализацию статусных прав и обязанностей обучающихся. Это в свою очередь выступит дополнительной гарантией реализации прав личности в сфере образования.

Е.А. Моисеев,
аспирант Поволжского кооперативного
института Российского университета
кооперации
e-a-m88@yandex.ru

Защита конституционного права граждан Российской Федерации на доступ к государственной службе

***Аннотация:** рассматриваются основные способы, механизмы и гарантии защиты конституционного права граждан Российской Федерации на доступ к государственной службе.*

***Ключевые слова:** право на доступ к государственной службе, защита права, механизм защиты права, гарантии защиты права.*

***Summary:** the article is devoted to the analysis of protection of the constitutional right of citizens of the Russian Federation on access to the civil service. Covers the basic ways, mechanisms and guarantees protection of the right to access to public service.*

***Keywords:** right to access to public service, protection of a right, mechanism of protection that guarantees protection of rights.*

Одной из важнейших тенденций развития правового государства является актуализация проблем защиты прав и свобод человека и гражданина.

История показывает, что необходимы постоянные усилия для реализации и защиты прав и свобод человека. Каждое поколение отвечает на вечный вызов истории, связанный с отстаиванием этой великой ценности¹.

В особой защите нуждается сегодня право граждан России на доступ к государственной службе, поскольку это право означает равенство исходных возможностей для занятия соответствующих должностей и недопустимость какой-либо дискриминации. Тем самым формируется фундамент для реализации принципа законности на государственной службе.

Актуальности данному исследованию прибавляет тот факт, что в нашей стране до сих пор не выработаны механизмы защиты конституционного права граждан России на доступ к государственной службе.

Очевидно, что защита прав и свобод является обязанностью государства. И именно перед государством стоит задача гарантировать такую защиту.

В Конституции РФ можно выделить три вида гарантий защиты прав и свобод человека и гражданина².

1. Общегосударственные гарантии защиты прав и свобод человека и гражданина, в том числе и социальных, составляющих основы конституционного строя Российской Федерации, включают в себя:

¹ См.: *Саблин Д.А.* Права человека : учеб. пособие. Оренбург, 2004. С. 5.

² См.: *Чепурин В.В.* Право человека на достойную жизнь и состояние его осуществления в современном российском обществе : дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2005. С. 102.

а) конституционное закрепление статуса Российского государства как правового демократического государства, т. к. только правовое демократическое государство с его принципами приоритета прав и свобод человека, верховенства права, разделения властей может создать единую, четко действующую систему государственных гарантий прав и свобод человека;

б) конституционное закрепление основных прав и свобод человека на всей территории Российской Федерации (ст. 15 Конституции РФ);

в) признание Конституцией РФ прав и свобод человека и гражданина непосредственно действующими (ст. 18 Конституции РФ). Такое признание означает, что человек и гражданин могут осуществлять свои права и свободы, а также защищать их в случае нарушения, руководствуясь Конституцией РФ и ссылаясь на нее. Надо отметить, что принцип непосредственного действия прав и свобод человека и гражданина является общепризнанным для правовых зарубежных государств. В нашей конституционной практике он сформулирован впервые;

г) отнесение регулирования прав и свобод человека и гражданина исключительно к ведению Российской Федерации, что призвано обеспечить единый правовой статус человека и гражданина для всех лиц, проживающих на территории страны.

2. Юридические гарантии обеспечения прав и свобод человека и гражданина (закреплены в ст. 33, 46–54 Конституции РФ 1993 г.).

3. Отдельным видом гарантий можно считать возможность самостоятельной защиты человеком и гражданином своих прав и свобод «всеми способами, не запрещенными законом». К таким способам защиты относятся: обращение к средствам массовой информации, к различным общественным организациям, к трудовому коллективу. Особое значение в данном случае играют профсоюзы и правозащитные организации¹.

Все вышеуказанные гарантии защиты прав применимы и к защите права на доступ к государственной службе. Конституционные положения о защите права на доступ к государственной службе раскрываются в иных нормативных актах.

Так, Уголовный кодекс РФ содержит ст. 136, предусматривающую наказание за нарушение равноправия граждан, что предполагает возможность защиты нарушенного права граждан при приеме на государственную службу. Действия представителя нанимателя могут быть защищены в порядке применения норм гл. 25 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ).

В соответствии с Конституцией Российской Федерации «каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод». Право на судебную защиту носит универсальный характер, оно не знает никаких исключений. Следовательно, гражданин, чье право на равный доступ к государственной службе было нарушено, может обратиться в суд с заявлением об оспаривании действий должностного лица (представителя нанимателя). При этом суд, признав заявление обоснованным, принимает решение об обязанности соответствующего органа государственной власти, должностного лица, государственного служащего устранить в полном объеме допущенное нарушение прав и свобод гражданина (ст. 258 ГПК РФ).

¹ См.: Адрианова В.В. Конституционная защита прав человека в России // Российская юстиция. 2011. № 5. С. 5.

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 2 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих» (в ред. от 9 февраля 2012 г.)¹ при рассмотрении дела по существу суду надлежит выяснить, имеет ли орган (лицо) полномочия на принятие решения или совершение действия. В случае, когда принятие или непринятие решения, совершение или несовершение действия в силу закона и иного нормативного правового акта отнесено к усмотрению органа или лица, решение, действие (бездействие) которых оспариваются, суд не вправе оценить целесообразность такого решения, действия (бездействия).

Значит, принятие (или непринятие) гражданина на государственную или муниципальную должность в определенной мере зависит от усмотрения представителя нанимателя, поэтому суд все равно не может оценить целесообразность принятого в этом случае решения. А при условии, что, как правило, порядок принятия решения формально соблюдается, доказать неправомочность принятого представителем нанимателя решения практически невозможно.

Следовательно, хотя законодательством и предусмотрены меры ответственности в случае нарушения права на равный доступ гражданина к государственной службе, привлечь к ответственности виновных лиц довольно сложно. Значит, на сегодняшний день нет достаточных условий для последовательной реализации принципа равного доступа к государственной службе, что требует внесения изменений в законодательство.

Таким образом, можно сделать общий вывод о том, что в России до сих пор нет единого комплекса основополагающих законов, регулирующих государственную политику, связанную с защитой права граждан на равный доступ к государственной службе, а также права на безопасность граждан, обращающихся с жалобами на незаконные действия должностных лиц. Между тем, как отмечает А.Л. Пашин, следует принять не акт кодификационного характера, а основы правовой безопасности и защиты таких граждан, которые собрали бы воедино нормы об их правах, льготах, иных средствах защиты².

Кроме того, следует согласиться с С.А. Ширококовым, утверждающим, что, если государство функционально существует для обслуживания людей, то его учреждения должны стремиться защитить фундаментальные права граждан³.

Таким образом, защита права граждан Российской Федерации на равный доступ к государственной службе — это неотъемлемый атрибут демократического государства, его обязанность. Кроме того, защита такого права (и других конституционных прав граждан) позволяет государству называть себя правовым. В свете того, что наша страна в настоящий период своего развития стремится стать правовым государством, защита права граждан России на доступ к государственной службе должна стать перво-

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 4.

² См.: Пашин А.Л. Конституционно-правовые основы жизнеобеспечения граждан в Стратегии национальной безопасности России // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 20. С. 14–18.

³ См.: Ширококов С.А. Правовая мотивация взаимодействия граждан и государства в Российской Федерации // Вестник Пермского университета. 2012. № 1. С. 53–59.

степенной задачей. Должны быть выработаны конкретные механизмы, а также гарантии такой защиты. Все это является чрезвычайно важным для предотвращения бюрократизации государственного аппарата и превращения его в самодовлеющую силу, оторванную от народа, для обеспечения «нормальной сменяемости» и «обновления» чиновничества, недопущения его превращения в касту.

Р. А-А. Чагаров,
аспирант Саратовской государственной
юридической академии
rustamchagarov09@rambler.ru

Перспективы использования систем видео-конференц-связи при рассмотрении гражданских дел*

***Аннотация:** статья посвящена особенностям доказывания при использовании систем видео-конференц-связи в гражданском судопроизводстве. Исследуются наиболее существенные нововведения в ГПК РФ.*

***Ключевые слова:** суд, гражданское судопроизводство, доказывание, видео-конференц-связь, пересмотр судебных актов.*

***Summary:** The article is devoted to the peculiarities of proof when using video conferencing systems in civil proceedings. The author examines the most significant innovation in Civil Procedural Code of the Russian Federation.*

***Key words:** court, the civil proceedings, proof, videoconferencing, review of judicial acts.*

В связи с изменениями, внесенными в порядок пересмотра судебных постановлений в судах общей юрисдикции, и введением единой апелляционной стадии пересмотра не вступивших в законную силу судебных постановлений особую актуальность приобрела проблема внедрения автоматизированных систем в деятельность органов правосудия.

Прежде всего, это связано с тем, что при апелляционном пересмотре судебного постановления производится повторное рассмотрение дела в судебном заседании по правилам производства в суде первой инстанции, предусматривающее исследование имеющихся в деле и дополнительно представленных доказательств. Председатель Саратовского областного суда В.Н. Тарасов по данному вопросу отметил, что отсутствие возможностей использования систем видео-конференц-связи по действующему ГПК РФ может служить серьезным препятствием в работе апелляционной инстанции, поскольку обеспечение явки участников судебного разбирательства, свидетелей, иных участников процесса из удаленных от областного центра населенных пунктов будет затруднительным в силу экономических условий,

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.1015.

невысокого уровня жизни населения, недостатка общественного транспорта и дороговизны проезда¹.

Использование видео-конференц-связи в процессуальном законодательстве впервые было закреплено в ч. 3 ст. 376 УПК РФ, где отмечалось, что осужденный, содержащийся под стражей, или лицо, в отношении которого велось или ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, заявившие о своем желании присутствовать при рассмотрении жалобы или представления на соответственно приговор, постановление, вправе участвовать в судебном заседании непосредственно либо изложить свою позицию путем использования систем видео-конференц-связи.

В последующем возможность использования видео-конференц-связи была закреплена и в АПК РФ². Согласно ст. 153.1 Кодекса лица, участвующие в деле, и иные участники арбитражного процесса могут участвовать в судебном заседании путем использования систем видео-конференц-связи при условии заявления ими ходатайства об этом и при наличии в соответствующих арбитражных судах технической возможности осуществления видео-конференц-связи. В силу ст. 64 АПК РФ объяснения лиц, участвующих в деле, и иных участников арбитражного процесса, полученные путем использования систем видео-конференц-связи, допускаются в качестве доказательств.

Федеральным законом от 26 апреля 2013 г. № 66-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации»³ в ГПК РФ внесены изменения, предусматривающие возможность проведения судебных заседаний с использованием систем видео-конференц-связи, осуществляемой между судами. Эти изменения направлены на модернизацию судебного процесса и призваны способствовать повышению качества правосудия. Вместе с тем открытым остается вопрос о том, что не будут ли нарушены, с внедрением новых технологий, такие основополагающие принципы судопроизводства, как состязательность, непосредственность, равенство всех перед законом и судом и т. д.

На практике может возникнуть ситуация, при которой одни участники процесса будут находиться в зале суда, а другие — участвовать в процессе посредством видео-конференц-связи и не смогут в полной мере использовать свои права по представлению и исследованию доказательств.

Немаловажными проблемами также являются: возможности организации видео-конференц-связи; технические неисправности; умышленные действия лиц, направленные на срыв судебного процесса, в частности, хакерские атаки; кроме того, нерешенным остается вопрос о размере судебных расходов в связи с данными нововведениями.

Сказанное может быть проиллюстрировано следующими примерами из судебной практики. ФКУ ИК-2 УФСИН РФ по Республике Бурятия обратилось с заявлением в суд об установлении административного надзора в отношении Х. Решением районного суда заявленные требования были удо-

¹ См.: *Тарасов В.Н.* Современный подход в вопросах совершенствования судебной деятельности // Судебный вестник. 2012. № 13. С. 8.

² См.: О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон РФ от 27 июля 2010 г. № 228-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 31, ст. 4197.

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 17, ст. 2033.

влетворены. В апелляционной жалобе Х., в частности, ссылался на то, что в ходе судебного заседания, проводимого посредством видео-конференц-связи, связь была неустойчивая¹.

В судебном постановлении по заявлению Ш. о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок суд указал, что в ходе рассмотрения уголовного дела судебное заседание несколько раз откладывалось в связи с неполадками в системе видео-конференц-связи и по причине отсутствия электроснабжения в суде².

Таким образом, для преодоления правоприменительных, организационных и технических сложностей организации видео-конференц-связи, повышения качества и эффективности гражданского судопроизводства предлагается:

1. Наладить надлежащее техническое обеспечение бесперебойной и качественной связи, которое позволит всем участникам процесса слышать и видеть ход судебного заседания, участвовать в судебном разбирательстве, реализовывать в полном объеме предоставленные ГПК РФ процессуальные права и исполнять обязанности.

2. Включить в ГПК РФ положение о том, что доказательствами, полученными путем использования систем видео-конференц-связи, могут быть, помимо объяснений сторон, третьих лиц и показаний свидетелей, также письменные доказательства и иные материалы.

В связи с изложенным дополнить ч. 1 ст. 55 ГПК РФ абзацем следующего содержания: «Объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей, письменные доказательства и иные материалы могут быть получены путем использования систем видеоконференц-связи».

3. Обеспечить техническую возможность ознакомления с представленными в суд доказательствами для лиц, участвующих в деле.

Возможность ознакомления с письменными доказательствами, а также иными материалами не вызовет затруднений, если суд будет оборудован соответствующими техническими средствами.

Между тем трудности могут возникнуть с возможностью исследования вещественных доказательств посредством видео-конференц-связи.

Согласно принципу непосредственности, который является одним из основных принципов судебного разбирательства, суд, рассматривающий дело, обязан лично воспринимать доказательства по делу, а судебное постановление должно быть основано лишь на исследованных в судебном заседании доказательствах³. Слово «исследовать» означает — осмотреть (осматривать) для выяснения, изучения чего-нибудь⁴. Кроме того, вещественные доказательства исследуются судом путем визуального осмотра.

¹ См.: Апелляционное определение Верховного суда Республики Бурятия от 31 октября 2012 г. по делу № 33-3119 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Решение Санкт-Петербургского городского суда от 28 ноября 2011 г. по делу № 3-335/11 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Определение Верховного Суда РФ от 5 октября 2010 г. № 5-В10-67. Документ опубликован не был. Доступ из «КонсультантПлюс».

⁴ См.: *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. URL:<http://ozhegov.info/slovar/?q=%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%82%D1%8C> (дата обращения: 10.04.2013).

Полагаем, что в связи с развитием информационных технологий и средств связи, которые оказывают все большее влияние на все области современной жизни, включая и правосудие, имеет место трансформация принципа непосредственности. Считаем возможным исследование вещественных доказательств посредством видео-конференц-связи при условии качественной и бесперебойной связи. В противном случае вещественные доказательства должны быть исследованы судом непосредственно.

Вместе с тем, учитывая, что организация видео-конференц-связи — весьма трудоемкий процесс, следует установить порядок и сроки обращения в суд с заявлением об участии в судебном заседании путем использования систем видео-конференц-связи. Во избежание злоупотребления процессуальными правами (например, необоснованных заявлений об участии в судебном заседании путем использования систем видео-конференц-связи с целью затянуть процесс) целесообразно предусмотреть порядок возмещения расходов на проведение видео-конференц-связи.

Полагаем, что окончательные выводы можно будет сделать исходя из практики применения видео-конференц-связи, но уже сейчас можно сказать, что внедрение инновационных технологий в ГПК РФ повысит эффективность и качество правосудия, будет способствовать скорости судопроизводства, своевременной защите прав и интересов граждан и юридических лиц.

Д.Ю. Пратьков,
аспирант Саратовской государственной
юридической академии
pratkov.d.y.1@mail.ru

Инвестиционный договор как правовая форма осуществления капитальных вложений по законодательству Российской Федерации

***Аннотация:** статья посвящена исследованию договора, регулирующего отношения субъектов инвестиционной деятельности, связанные с осуществлением капитальных вложений. Автором делается вывод о том, что инвестиционными договорами, опосредующими капитальные вложения, могут выступать договоры, предусмотренные ч. 2 Гражданского кодекса РФ.*

***Ключевые слова:** инвестиции, капитальные вложения, основные фонды, инвестиционный договор, субъект инвестиционной деятельности, договор строительного подряда.*

***Summary:** the article is devoted to the research of the contract regulating relations between subjects of investment activities related to the implementation of capital investments. The author concludes that the investment contracts which regulating the capital investments are the contracts which are stipulated in the Part II of the Civil Code of the Russian Federation.*

***Keywords:** investments, capital investments, fixed assets, investment contract, subject of investment activities, building contract.*

Правовые и экономические основы инвестиционной деятельности, осуществляемой в форме капитальных вложений, на территории Российской Федерации закрепляет Федеральный закон от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об

инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений»¹ (далее — Закон об инвестиционной деятельности в форме капитальных вложений, Закон), который определяет капитальные вложения как инвестиции в основной капитал (основные средства), в том числе затраты на новое строительство, реконструкцию и техническое перевооружение действующих предприятий, приобретение машин, оборудования, инструмента, инвентаря, проектно-изыскательские работы и другие затраты.

В свою очередь, в соответствии со ст. 1 названного Закона инвестициями являются денежные средства, ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права, иные права, имеющие денежную оценку, вкладываемые в объекты предпринимательской и (или) иной деятельности в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта.

Капитал в наиболее общем виде представляет собой все материально-вещественные составляющие общественного богатства, используемые для получения дохода, в том числе и общественного, а также объекты интеллектуальной собственности. Капитал делится на основной и оборотный. Основной капитал — это часть производительного капитала, которая полностью участвует в процессе производства в течение многих циклов и переносит свою стоимость на производимую продукцию по частям, по мере износа (здания, сооружения, машины и оборудование)².

Конкретные виды основного капитала (основных средств) содержатся в Общероссийском классификаторе основных фондов ОК 013-94³, сферой применения которого выступают организации, предприятия и учреждения всех форм собственности.

Согласно Общероссийскому классификатору основных фондов основными фондами (основным капиталом — в терминологии Закона об инвестиционной деятельности в форме капитальных вложений) являются произведенные активы, используемые неоднократно или постоянно в течение длительного периода, но не менее одного года, для производства товаров, оказания рыночных и нерыночных услуг. Основные фонды состоят из материальных и нематериальных основных фондов.

К материальным основным фондам (основным средствам) относятся: здания, сооружения, машины и оборудование, измерительные и регулирующие приборы и устройства, жилища, вычислительная техника и оргтехника, транспортные средства, инструмент, производственный и хозяйственный инвентарь, рабочий, продуктивный и племенной скот, многолетние насаждения и прочие виды материальных основных фондов.

К нематериальным основным фондам (нематериальным активам) относятся компьютерное программное обеспечение, базы данных, оригинальные

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 9, ст. 1096.

² См.: Кураков Л.П., Кураков В.Л., Кураков А.Л. Экономика и право : словарь-справочник М., 2004. С. 423, 427.

³ См.: О принятии Общероссийского классификатора основных фондов : постановление Госстандарта РФ от 26 декабря 1994 г. № 359. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Общероссийский классификатор основных фондов ОК 013-94 : утв. Постановлением Госстандарта РФ от 26 декабря 1994 г. № 359 (в ред. изм. 1/98, утв. Госстандартом РФ 14 апреля 1998 г.). М., 1995.

произведения развлекательного жанра, литературы или искусства, наукоемкие промышленные технологии, прочие нематериальные основные фонды, являющиеся объектами интеллектуальной собственности, использование которых ограничено установленными на них правами владения. По нашему мнению, в число прочих нематериальных основных фондов входят, в частности, произведения науки, изобретения, полезные модели, селекционные достижения, секреты производства (ноу-хау), товарные знаки и знаки обслуживания.

Объекты капитальных вложений, т. е. различные виды вновь создаваемого и (или) модернизируемого имущества, относящегося к основному капиталу (основным средствам), могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности.

Инвестиционная деятельность в форме капитальных вложений осуществляется на основе договора. Такой договор является инвестиционным, т. к. оформляет складывающиеся между субъектами инвестиционной деятельности в процессе осуществления ими капитальных вложений инвестиционные отношения.

«В правовой науке содержание термина “инвестиционный договор”, обозначающего понятие договорной формы инвестиционной деятельности, определяется неоднозначно, более того, высказанные подходы можно оценить как взаимоисключающие»¹.

Так, по мнению О.Н. Кондрашковой, «инвестиционный договор — это сложный по своей юридической природе договор. Он определяет взаимоотношения собственников или титульных владельцев средств, вкладываемых в объекты предпринимательской деятельности, их взаимодействие в процессе реализации инвестиционного проекта, в пользовании им или в эксплуатации объекта, в распределении доходов от деятельности или эксплуатации объекта, а также устанавливает право собственности (как правило — долевой) на объект»².

В данном определении инвестиционный договор выступает правовым средством, опосредующим весь ход инвестиционной деятельности, регулирующим права и обязанности субъектов инвестиционной деятельности на протяжении всего инвестиционного процесса от вложения инвестиций до распределения доходов от использования объекта инвестиционной деятельности.

Л.Г. Сайфулова полагает, что «инвестиционный контракт — это экономическое понятие. Отношения с таким содержанием (инвестиции) могут существовать в различных правовых формах. Инвестиционным можно, по большому счету, считать любой договор, связанный с вложением денег: учредительный договор, простое товарищество, займ, подряд, купля-продажа и т. д. Объединяет эти виды договоров только их экономическое содержание — вложение средств, как правило, с целью получения в дальнейшем прибыли»³.

Разделяют точку зрения о том, что инвестиционный договор представляет собой экономическое понятие, а не самостоятельный вид договора, также

¹ Антипова О.М. Правовое регулирование инвестиционной деятельности (анализ теоретических и практических проблем). М., 2007. С. 95.

² Хозяйственное право : учебник : в 2 т. / отв. ред. В.С. Мартемьянов. М., 1994. Т. 2. С. 170.

³ Сайфулова Л.Г. Договор долевого участия в жилищном строительстве : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2001. С. 84.

А.П. Сергеев и Т.А. Терещенко, утверждающие, что «понятие инвестиционного договора является категорией скорее экономической, чем юридической»¹. Следовательно, заключают авторы, «то, что экономически может быть признано инвестиционным договором, по правовой природе является уже известным типом (видом) гражданско-правового договора или по крайней мере смешанным договором»².

В качестве инвестиционного договора может выступать договор простого товарищества³, договор строительного подряда⁴, договор поручения и договор комиссии⁵, а также другие гражданско-правовые договоры, заключаемые в целях реализации инвестиционного проекта в рамках осуществления инвестиционной деятельности в форме капитальных вложений (в частности, договор на выполнение проектно-изыскательских работ, договор займа, договор об оказании услуг⁶, агентский договор⁷).

Б.В. Муравьев приходит к выводу, что инвестиционный договор, являющийся основанием возникновения инвестиционного обязательства в строительстве между заказчиком и инвестором, представляет собой самостоятельный вид договора, не предусмотренный Гражданским кодексом Российской Федерации⁸.

В. Лисица считает, что инвестиционный договор — это непоименованный договор в российском гражданском праве, и его не стоит отождествлять с каким-либо договором, предусмотренным Гражданским кодексом Российской Федерации⁹. Автор приводит четыре вида двусторонних инвестиционных договоров, обязательным участником которых должен быть инвестор, в частности, договор долевого участия в строительстве жилья, концессионный договор, инвестиционное соглашение между Министерством экономики и иностранным инвестором, соглашение о разделе продукции¹⁰.

Следует заметить, что в российском законодательстве не содержится понятие «инвестиционный договор», соответственно, отсутствует и его легальное определение.

Вместе с тем ст. 8 Закона об инвестиционной деятельности в форме капитальных вложений предусмотрено, что отношения между субъектами инвестиционной деятельности осуществляются на основе договора и (или) государственного контракта, заключаемых между ними в соответствии с

¹ Сергеев А.П., Терещенко Т.А. Инвестиционный договор: непоименованный договор или экономическое понятие? // Закон. 2011. № 6. С. 45.

² Там же. С. 46.

³ См., напр.: Брагинский М. Финансирование строительства жилого дома // Право и экономика. 1999. № 4. С. 79; Павлодский Е. Правовая природа «инвестиционного контракта» // Право и экономика. 2000. № 9. С. 73.

⁴ См.: Антипова О.М. Указ. соч. С. 139–140, 177, 181.

⁵ См.: Гражданское право : учебник / отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2006. Т. 2. С. 390.

⁶ См.: Шербинин С.С. Комментарий к Закону об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений. М., 2003. С. 66, 71–72.

⁷ См.: Гуцин В.В., Овчинников А.А. Инвестиционное право : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 596–597.

⁸ См.: Муравьев Б.В. Инвестиционные обязательства в строительстве // Юрист. 2001. № 3. С. 58.

⁹ См.: Лисица В. Инвестиционный договор // Закон. 2003. № 6. С. 116.

¹⁰ См.: Там же. С. 116–117.

Гражданским кодексом РФ. Согласно абз. 3 ст. 6 названного Закона одним из прав инвестора является самостоятельное определение объемов и направлений капитальных вложений, а также право на заключение договоров с другими субъектами инвестиционной деятельности в соответствии с Гражданским кодексом РФ. На договорное регулирование инвестиционной деятельности, осуществляемой в форме капитальных вложений, а также отношений, складывающихся между субъектами инвестиционной деятельности, указывается и в других нормах рассматриваемого Закона.

Из приведенных законодательных положений можно сделать вывод, что договор, регулирующий отношения между субъектами инвестиционной деятельности в процессе осуществления ими капитальных вложений, является гражданско-правовым договором. Причем, согласно пп. 2 и 3 ст. 421 Гражданского кодекса РФ, возможно заключение договора, как предусмотренного, так и не предусмотренного законом или иными правовыми актами (непоименованного договора), а также договора, содержащего элементы различных договоров, предусмотренных законом или иными правовыми актами (смешанного договора).

По нашему мнению, в качестве инвестиционного договора, в рамках которого осуществляются капитальные вложения, могут выступать договоры, предусмотренные ч. 2 Гражданского кодекса РФ. Конкретные и наиболее важные направления капитальных вложений, перечисленные в абз. 4 ст. 1 Закона об инвестиционной деятельности в форме капитальных вложений, опосредуются уже известными гражданско-правовыми договорами. Так, правовой формой осуществления затрат на новое строительство, реконструкцию действующих предприятий является предусмотренный ст. 740 ГК РФ договор строительного подряда. Приобретение машин, оборудования, инструмента, инвентаря возможно на основании договора поставки (ст. 506 ГК РФ) либо на основании договора финансовой аренды (договора лизинга) (ст. 665 ГК РФ). Проектно-изыскательские работы могут осуществляться в рамках договора подряда на выполнение проектных и изыскательских работ (ст. 758 ГК РФ), который в данном случае будет носить инвестиционный характер.

Субъекты инвестиционной деятельности вправе заключить государственный контракт при осуществлении капитальных вложений, относящихся к государственной форме собственности. В этом случае затраты на новое строительство, реконструкцию, проектно-изыскательские работы, а также на приобретение машин и оборудования будут осуществляться на основе государственного контракта на выполнение подрядных работ для государственных нужд (ст. 763 ГК РФ) и на основе государственного контракта на поставку товаров для государственных нужд (ст. 525 ГК РФ) соответственно.

В подтверждение вывода о том, что инвестиционными договорами, опосредующими капитальные вложения, могут выступать предусмотренные ч. 2 Гражданского кодекса РФ договоры, можно сослаться на Постановление Пленума ВАС РФ от 11 июля 2011 г. № 54 «О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем», в абз. 1 п. 4 которого указано, что «при рассмотрении споров, вытекающих из договоров, связанных с инвестиционной

деятельностью в сфере финансирования строительства или реконструкции объектов недвижимости, судам следует устанавливать правовую природу соответствующих договоров и разрешать спор по правилам глав 30 (“Купля-продажа”), 37 (“Подряд”), 55 (“Простое товарищество”) Кодекса и т. д.»¹.

На подрядную природу широкого круга отношений, возникающих в процессе вложения инвестиций в основной капитал (основные средства), указывает и состав субъектов инвестиционной деятельности, осуществляемой в форме капитальных вложений, которыми, согласно п. 1 ст. 4 Закона об инвестиционной деятельности в форме капитальных вложений, являются инвесторы, заказчики, подрядчики, пользователи объектов капитальных вложений и другие лица.

В заключение отметим, что инвестиционный договор как правовая форма осуществления капитальных вложений регулирует складывающиеся между субъектами инвестиционной деятельности отношения по поводу вложений инвестиций в различные виды вновь создаваемого и (или) модернизируемого имущества в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта. Названные общественные отношения, представляющие собой инвестиционные отношения, в целом носят экономический характер, т. к. опосредуют перемещение материальных благ от одного субъекта к другому. Соответственно, инвестиционный договор, опосредующий капитальные вложения, отражает экономическую (инвестиционную) составляющую взаимоотношений субъектов инвестиционной деятельности, а потому может быть представлен на практике в качестве уже известных гражданско-правовых договоров.

¹ См.: Вестник ВАС РФ. 2011. № 9.

А.Л. Сотник,
аспирант Института государства и права
им. В.М. Корецкого НАН Украины
tonchiks88@gmail.com

Предмет, цели и задачи учебной дисциплины «Правовая политология»

Аннотация: статья посвящена определению предмета правовой политологии, рассмотрению ее целей и задач как новой учебной дисциплины.

Ключевые слова: правовая политология, право, политика, политологическое образование.

Summary: the article is devoted to the analysis of the legal political science, namely the definition of its subject, aims and objectives as a new academic discipline.

Keywords: legal political science, law, politics, political knowledge.

В условиях формирования гражданского общества, провозглашения в постсоветских странах курса на построение демократического социально-правового государства возникает необходимость преобразования учебно-воспитательного процесса на основе ценностей гуманизма и

демократии. Ведь именно образование сегодня выступает одним из ключевых факторов формирования демократического общества.

Современная образовательная система должна соответствовать духу, потребностям и целям демократического общества, ориентироваться на формирование активной, автономной, независимой, непатерналистской личности, которая чувствует себя самодостаточной ценностью и так воспринимается обществом¹. Поэтому сегодня перед социально-политическими науками стоит важная задача — подготовка высококвалифицированных, высокообразованных специалистов, уровень знаний которых соответствует требованиям современного демократического общества.

Правовая политология как новая учебная дисциплина, на наш взгляд, должна занять одно из приоритетных мест в системе современного политологического образования. Роль качественного преподавания правовой политологии актуализируется исходя из необходимости: 1) овладения студентами-политологами и юристами знаниями о политико-правовых явлениях и процессах для эффективного применения их на практике; 2) формирования у студентов-политологов демократического правового мировоззрения, уважения к праву, принятия фундаментальных правовых ценностей и принципов; 3) направления знаний на решение конкретных политических проблем.

Сегодня большинство ученых склонны полагать, что политической науке следует выходить на новый уровень развития, а преподавание политических знаний должно быть направлено на познание политической действительности во всем многообразии ее измерений и связей с другими сторонами общественной жизни. Ведь в современных условиях стремительного развития интеграционных процессов перед социально-политическими науками возникают такие комплексные задачи, которые не может решить самостоятельно ни одна отдельная область знаний.

Известные российские ученые Н.И. Матузов и А.В. Малько утверждают: «Политология неизбежно должна выходить на более широкие, обобщенные формы знания (наука, религия, культура, мораль, экология, информация, национальные отношения, экономика и др.), что позволяет расширить диапазон познания студентов, развить их способности к анализу и интерпретации политических явлений с общегуманитарных позиций, выработать у них умение самостоятельно ориентироваться в мире политики, в каком бы статусе они в дальнейшем ни выступали»². В то же время Н.И. Матузов и А.В. Малько считают, что для повышения исследовательского потенциала политической науки, эффективности взаимодействия политической теории и практики необходимо развивать сотрудничество между студентами и специалистами юриспруденции и политологии.

В целом данное сотрудничество очень полезно на практике, ведь специалисты-политологи должны знать нормативно-правовую базу, регулирующую деятельность органов государственной власти, ориентироваться в

¹ См.: Політична освіта в Україні: проблеми та перспективи розвитку / Інститут громадянської освіти НаУКМА; [за заг. ред. С. Г. Рябова]. Київ, 2005. С. 4.

² Политология для юристов : курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 2002. С. 14.

системе действующего законодательства, уметь пользоваться официальными правовыми документами, самостоятельно решать отдельные вопросы правового характера по реализации своих прав и свобод. В то же время юристы должны не только знать структуру и содержание норм права, но и рассматривать их политическую обусловленность, взаимосвязь с политическими нормами, действующими в обществе.

По мнению Г. Друри, было бы наивно полагать, что политологи станут юристами, а юристы — политологами. Он заявляет: «Продвижение вперед возможно только через включение в исследовательские и учебные программы социальных наук соответствующих правовых аспектов, более тесное междисциплинарное сотрудничество, а также более частое обращение как юристов, так и политологов к работам друг друга»¹.

На современном этапе интеграция политико-правовых знаний в учебном процессе проявляется, в основном, в виде включения политологии или отдельных политологических дисциплин в учебные программы для юристов и наоборот. Однако, на наш взгляд, эта интеграция должна осуществляться более системно и комплексно, поскольку именно право сегодня призвано играть ключевую роль в организации и функционировании политической жизни общества.

В данном контексте заслуживает внимания точка зрения американских исследователей А. Мартина и М. Хезельтона, которые подчеркивают, что интеграция между политической наукой и правоведением сегодня должна осуществляться комплексно, а не только в форме введения курса «Политическая наука для юристов». «Политические знания и инструментарий, используемый политологами, позволяет лучше понять, как правовая система работает. Потенциальная польза от этого не ограничивается исключительно изучением политической науки. Правовые школы должны привнести это понимание и методы в свои учебные программы»².

Учитывая вышесказанное, считаем, что особенностью правовой политологии как новой учебной дисциплины является то, что она призвана предоставлять целостные знания о политике, политической власти, политических отношениях, явлениях и процессах в их политико-правовой обусловленности, обобщать практику применения норм права в деятельности субъектов политики, разрабатывая на этой основе рекомендации с целью повышения эффективности деятельности политических институтов и совершенствования механизмов их правового регулирования.

На наш взгляд, правовая политология как учебная дисциплина представляет собой систему знаний, полученных наукой правовой политологией и практикой государственного и правового строительства.

Предметом учебной дисциплины «Правовая политология» должны стать, прежде всего, общественно-политические отношения, которые возникают в процессе политико-правового развития, проблемы их правового регулирова-

¹ Друри Г. Политические институты с точки зрения права // Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингеманна. М., 1999. С. 213.

² Martin A.D., Morgan L.W. Hazelton. What political science can contribute to the study of law // Review of Law & Economics. 2012. Vol. 8. P. 515.

ния и практики реализации законодательства; изучение и содержательный анализ основных проблем, которые определены предметным полем правовой политологии как отрасли научного знания.

Определяя цель правовой политологии, нужно исходить из того, что она является триединой, т. е. объединяет образовательную, развивающую и воспитательную цели обучения. Разрабатывая учебную программу в целом и каждое отдельное занятие, преподавателю нужно учитывать, что студент должен приобретать политико-правовые знания, умения и навыки, у него должен развиваться критическое творческое мышление.

Считаем, что основной целью преподавания учебной дисциплины «Правовая политология» является приобретение и усвоение комплекса политико-правовых знаний, навыков и умений, а также формирование системы потребностей и установок личности, соответствующих ценностям демократического правового государства. Иначе говоря, цель правовой политологии в целом соответствует цели современного политологического образования — формирование высоконравственной творческой, активной личности студента как гражданина и будущего специалиста, который имеет высокий уровень политико-правовой культуры и внутреннее желание действовать в соответствии с требованиями права и справедливости.

Исходя из того, что правовая политология ориентирована на формирование у студентов политико-правовой культуры, соответствующих оценок и мотивов правомерного поведения, она призвана играть одну из ключевых ролей в современных процессах гуманизации образования. Ведь в рамках правовой политологии обучение личности рассматривается в пространстве гуманистического правового мышления, осознанного усвоения правовых норм, внутреннего принятия права, включения его в систему собственных ценностных ориентаций. Принципы права — его стержневые идеи — составляют тот фундамент, на основе которого должна выстраиваться вся система политико-правовых знаний в рамках правовой политологии.

Российский ученый Г. Малышенко убеждена, что в современных социально-политических и экономических условиях развития общества студенты должны иметь высокую правовую культуру. «Принципы правового демократического общества должны стать основой формирования правосознания всей студенческой молодежи и выступать для нее в качестве критериев оценки с началом профессиональной деятельности»¹.

Исходя из вышесказанного, считаем, что главной задачей правовой политологии является формирование личности гражданина, которому присущи политическая и правовая культура, осознанные ценности свободы, справедливости, ответственности, готовность к компетентному участию в политической жизни. Правовая политология как учебная дисциплина должна способствовать: 1) развитию политико-правовой компетентности и активной гражданской позиции студентов; 2) усвоению ценностей демократического правового общества, формированию уважения к праву, культивированию

¹ Малышенко Г.И. Проблемы личностно-ориентированного воспитания студентов в процессе изучения политологии как науки и учебной дисциплины // Инновационное образование и экономика. 2009. Т. 1. № 5. С. 21.

фундаментальных правовых ценностей и принципов демократического правового государства; 3) преодолению таких характеристик политического сознания, как нетерпимость, конфронтация, отчужденность, становлению культуры толерантности, стимулированию молодежи к активному участию в политической жизни страны.

Знания, полученные в процессе изучения правовой политологии, дадут возможность студентам лучше понять суть современных политико-правовых явлений и процессов, помогут сформировать специалистов, которые по уровню знаний и культуры будут отвечать требованиям современного общества, а по специфике профессиональных компетенций будут иметь возможность найти свое особое место в практической сфере.

С.А. Токмин,
аспирант Сибирской академии права,
экономики и управления
tokmins@mail.ru

Политико-правовые документы в системе источников российского права

***Аннотация:** статья посвящена анализу политико-правовых документов как источников советского и российского права и их месту в системе современных источников российского права.*

***Ключевые слова:** правотворчество, источники права, политико-правовые документы, партийные документы, правовые доктрины.*

***Summary:** the article is dedicated to the analysis of the political and legal documents as sources of soviet and Russian law and their place in the system of the contemporary sources of Russian law.*

***Keywords:** lawmaking, sources of law, political and legal documents, party documents, legal doctrines.*

Вопрос об источниках права, их природе и понятии, их соотношении с формами права, их видах и других аспектах, является одним из самых дискуссионных, традиционно острых и далеких от полного разрешения.

Один из ведущих исследователей темы М.Н. Марченко обоснованно отмечает, что в современной теории права нередко преобладает «формально-юридическое» представление об источниках права, т. е. категории «источник права» и «форма права» воспринимаются фактически как синонимы. Этому, по мнению ученого, способствует ряд объективных причин. Однако сам автор полагает правильным эти два понятия различать. Совпадение формы и источника права имеет место лишь тогда, когда речь идет о вторичных, формально-юридических источниках права. Что же касается первичных источников права, рассматриваемых в виде материальных, социальных и иных факторов, оказывающих постоянное влияние и предопределяющих процессы правообразования, правотворчества и законотворчества, то «совпадения источников права с формами права нет и быть не может»¹.

¹ Марченко М.Н. Источники права. М., 2005. С. 57.

В более детализированном варианте М.Н. Марченко полагает необходимым рассматривать термин «источник права» в нескольких аспектах: а) «источник права» в непосредственно-этимологическом значении; б) естественный источник права (фактор географического, климатического, биологического и иного рода, оказывающий непосредственное влияние на процесс правообразования и опосредованное влияние — на процесс правотворчества и, соответственно, на само право); в) социальный источник права, т. е. фактор социального, политического, идеологического, культурологического и тому подобного характера, оказывающий прямое воздействие на процесс правотворчества, а через него, опосредованно — и на само право; г) материальные источники права, представляющие собой разного рода экономические факторы; д) философский источник права, т. е. идеи (либеральные, консервативные и прочие) и мировоззренческие конструкции, на базе которых вырабатываются те или иные нормы права, элементы правовой системы; е) источник в формально-юридическом плане¹.

Т.Н. Радько, рассматривая право как социальное явление под углом зрения его «материальных» источников, отмечает справедливо пишет: «Изначально оно может иметь и действительно имеет внеправовую основу, поскольку является продуктом (следствием) развития общества, его экономических, политических, идеологических, социальных детерминантов. Способ производства материальных благ, формы их распределения, деятельность государства, политические отношения в обществе, расстановка классовых сил, идеология, господствующая (главенствующая) в обществе, социальная структура общества — выступают внеправовыми (доправовыми) источниками права»².

Обратим внимание на то, что, несмотря на некоторые различия в терминологии, многие авторы говорят о необходимости рассматривать в качестве источников права политические воззрения, устоявшиеся в том или ином государстве, официальную политико-правовую доктрину, господствующую идеологию. Действительно, сколько бы теоретики права не рассуждали об относительной самостоятельности друг от друга права и государства, о «связанности» государства правом и приоритете естественно-правовых начал в условиях правовой государственности, сложно отрицать, что политические силы, вооруженные определенной идеологией и формирующие государственный механизм, всегда оказывают влияние на содержание права. И на определенных исторических изломах это влияние оказывается более интенсивным и эффективным, нежели воздействие иных правообразующих факторов. Политико-идеологические источники права нередко довлеют над материальными.

С этих позиций в современную отечественную теорию права «возвращаются» и иные, кроме нормативно-правовых актов, порой недостаточно изученные советской наукой, источники. Соответственно, потребности юридической практики, решение задачи совершенствования правовой системы России в части источников права, требуют научного сопровождения. Поэтому в последние годы появился ряд публикаций, в которых анализируются «нетипичные» источники российского права: принципы и нормы

¹ См.: Марченко М.Н. Указ. соч. С. 46–51.

² Радько Т.Н. Теория государства и права. М., 2005. С. 361–362.

международного права, правовые позиции судов и правоположения судебной практики, правовые акты муниципальных и иных негосударственных образований, правовая доктрина, индивидуальный договор и др. На деле многие из них из советской правовой системы никуда и не исчезали, просто они были завуалированы, не признавались официальной правовой доктриной¹.

Кстати, и сама юридическая доктрина должна рассматриваться в качестве важного источника права. Интересное диссертационное исследование по этому поводу было проведено Е.О. Мадаевым, с выводами которого в целом можно согласиться, за исключением одного момента, о котором речь пойдет далее. В отличие от представленных в научной литературе сложных, многозначных пониманий, автор предлагает рассматривать категорию «источник права» в двух основных значениях: 1) источники права в материальном смысле, в значении «естественные, материальные, психологические и интеллектуальные факторы формирования правовых норм, его отправные начала». Среди них выделяются разновидности: культурологические (цивилизационные), экономические, политические, научные и тому подобные источники. К ним относятся прежде всего правовые обычаи, правовые принципы и юридическая доктрина; 2) источники права в формально-юридическом смысле, в значении «формы внешней фиксации, официального формального выражения правовых норм». Это прежде всего нормативные правовые акты, в том числе политико-правовые документы типа «доктрина» и «концепция», договоры нормативного содержания и юридические прецеденты².

Принимая в общих чертах предложенную Е.О. Мадаевым схему, с ним нельзя согласиться в одном (принципиальном в контексте нашего исследования) моменте. На наш взгляд, политико-правовые документы типа «доктрина» и «концепция», а также имеющие важное значение с точки зрения направленности нашего исследования «программы» нельзя отождествлять с нормативными правовыми актами (тем не менее автор это делает, судя по использованному словесному оператору «в том числе...»).

Как известно, на сегодня официальное определение понятия «нормативный правовой акт» отсутствует. Практики в таких условиях вынуждены ориентироваться на доктринальные воззрения, а также на затрагивающие этот вопрос постановления Пленума Верховного Суда РФ 1993 г., запрос в Конституционный Суд РФ, утвержденный Постановлением Государственной Думы РФ 1996 г., постановление Пленума Верховного Суда РФ 2007 г.

Согласно правовой позиции Пленума Верховного Суда РФ, сформулированной им в 1993 г., «под нормативным правовым актом понимается изданный в установленном порядке акт управомоченного на то органа государственной власти, органа местного самоуправления или должностного лица, устанавливающий правовые нормы (правила поведения), обязательные для неопределенного круга лиц, рассчитанные на неоднократное применение, действующие независимо от того, возникли или прекратились конкретные

¹ См., напр.: *Петров К.В., Сапун В.А., Смирнова М.Г.* Нетипичные источники российского права // *Российский юридический журнал.* 2009. № 1.

² См.: *Мадаев Е.О.* Доктрина в правовой системе Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2012. С. 133.

правоотношения, предусмотренные актом»¹. Несмотря на то что данный документ уже утратил силу в связи с принятием после вступления в силу нового ГПК РФ другого постановления по тем же вопросам, данное определение является одной из немногих пусть не официальных, но официозных дефиниций, и практика до сих пор на него ориентируется.

В запросе Государственной Думы в Конституционный Суд РФ о проверке конституционности одного из указов Президента предлагается следующее определение: «нормативный правовой акт — это письменный официальный документ, принятый (изданный) в определенной форме правотворческим органом в пределах его компетенции и направленный на установление, изменение или отмену правовых норм. В свою очередь, под правовой нормой принято понимать общеобязательное государственное предписание постоянного или временного характера, рассчитанное на многократное применение»². В.Н. Лобутина отмечает, что Минюст России рекомендует практикам обращаться именно к этому тексту³.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ дефиниция как таковая не приводится, однако перечисляются «существенные признаки, характеризующие нормативный правовой акт»: издание его в установленном порядке уполномоченным органом государственной власти, органом местного самоуправления или должностным лицом, наличие в нем правовых норм (правил поведения), обязательных для неопределенного круга лиц, рассчитанных на неоднократное применение, направленных на урегулирование общественных отношений либо на изменение или прекращение существующих правоотношений⁴.

Как представляется, политико-правовые документы типа «программа», «доктрина» и «концепция» лишены отдельных признаков нормативного правового акта. Они практически не устанавливают и не содержат норм права. В них излагаются основы правовой политики государства в определенной сфере, могут быть выражены нормативные предписания большей степени абстрактности, нежели правовые нормы — правовые декларации и принципы⁵.

По-видимому, в данном случае мы имеем дело с особым правовым феноменом, представляющим собой некую переходную ступень между источ-

¹ О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел по заявлениям прокуроров о признании правовых актов противоречащими закону : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 апреля 1993 г. № 5 (в ред. от 24 апреля 2002 г. № 8) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1993. № 7.

² Об утверждении положения об Администрации Президента Российской Федерации : запрос о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 2 октября 1996 г. № 1412, утв. Постановлением Государственной Думы РФ от 11 ноября 1996 г. № 781-П ГД «Об обращении в Конституционный Суд Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 49, ст. 5506.

³ См.: Лобутина В.Н. Федеральный регистр нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации как средство обеспечения единства правового пространства Российской Федерации // Бюллетень Министерства юстиции РФ. 2003. № 2. С. 31–32.

⁴ См.: О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2007 г. № 48 (в ред. от 9 февраля 2012 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 1.

⁵ Об особенностях таких предписаний см.: Давыдова М.Л. Нормативно-правовые предписания в российском законодательстве. Волгоград, 2001.

никами права в материальном смысле и источниками права в формальном смысле. При этом имеются в виду «истоки» — источники политического и идеологического характера.

Государство посредством политико-властных институтов формулирует в названных документах свое видение того, как должны быть реализованы в законодательстве поддерживаемые государством правовые идеи, материальные источники права. Впоследствии эти документы становятся правотворческим ориентиром, от них отталкивается законодатель, на их основе строится система источников права в формальном смысле, т. е. законодательство.

В настоящее время, в частности, важнейшее значение в рассматриваемом контексте приобрела такая форма политико-правового документа, как послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ. Простой сопоставительный анализ текста каждого из посланий последних лет и направленности законотворческих усилий Парламента и Правительства в течение последующих нескольких месяцев позволяет увидеть прямую связь. Кроме того, достаточно часто принимаются (издаются) документы в формате «программа», «концепция», «доктрина» и даже «стратегия».

Следует отметить, что подобные документы не являются изобретением современных политиков. Они имели место в политико-правовой практике нашего государства практически во все периоды истории. В Советском Союзе своеобразным «передаточным звеном» между коммунистической идеологией и правовой сферой жизни общества служили программные документы КПСС — Программа КПСС, принятая 22-м съездом КПСС (1961 г.), решения партийных съездов и всесоюзных конференций, пленумов ЦК Партии, Продовольственная программа, одобренная майским (1982 г.) Пленумом ЦК КПСС, и тому подобные документы, которые после их издания на долгие годы определяли направления государственно-властных усилий, в том числе и правового регулирования конкретных сфер общественных отношений. Законодательство конструировалось и адаптировалось «под» партийные решения. Программные документы коммунистической партии, с учетом специфики политико-правового режима являвшиеся программными документами политического руководства страны, определяли правовые принципы, содержание законодательства, структуру и функционирование правовой системы Советского Союза в целом. «Партийные программы и решения... не образуют право в собственном смысле этого слова. Однако их доктринальное значение неоспоримо, ибо в этих документах содержится изложение марксистско-ленинской теории в ее современном звучании по самым разным вопросам», — писали об этом Р. Давид и К. Жоффре-Спинози¹.

Как представляется, вдумчивый и детальный анализ исторического опыта с поправкой на современные реалии позволил бы современным политикам, законодателю избежать многих ошибок стратегического и тактического характера и найти подсказки правильных политических и правотворческих решений.

¹ Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности : пер. с фр. М., 1997. С. 189.

С.А. Балаев,

*ст. преподаватель Астраханского филиала
Саратовской государственной юридической
академии, аспирант Астраханского
государственного университета
balaev30@gmail.com*

Налогово-правовая политика России в контексте реализации функции налогообложения

Аннотация: в статье анализируются особенности налогово-правовой политики как ключевого направления функции налогообложения, основные проблемы в ее реализации и перспективы развития.

Ключевые слова: налогово-правовая политика; функция налогообложения; инновационная деятельность; национальная безопасность; федеральный бюджет.

Summary: this article analyzes the characteristics of fiscal and regulatory policy as a key area of the functions of taxation, the main problems in the implementation and development prospects.

Key words: tax and regulatory policy, and the function of taxation; innovation, national security, the federal budget.

Государство, осуществляя свою деятельность по ряду ключевых направлений, реализует множество видов политики — социальную, национальную, экономическую и др. Поскольку главным регулятором общественных отношений в демократическом государстве является право, правовая политика выступает одним из важнейших направлений его функционирования.

Правовая политика в сфере реализации функции налогообложения — это научно обоснованная, системная деятельность органов государственной и муниципальной власти, институтов гражданского общества по созданию эффективного механизма правового регулирования общественных отношений по обеспечению повышения эффективности формирования налоговых доходов бюджетов всех уровней бюджетной системы государства за счет выстраивания оптимальной системы установления и взимания налогов, акцизов, а также сборов, пошлин и платежей, в целях реализации стоящих перед государством задач, обусловленных его сущностью и социальным назначением.

Цель правовой политики в сфере налогообложения — повышение эффективности деятельности государства в сфере налогообложения, использование всех имеющихся резервов для мобилизации налоговых доходов бюджетов всех уровней, борьба с бюджетным дефицитом, уход от его нефтегазовой зависимости. На протяжении 90-х гг. XX в. проводимая Россией политика в сфере налогообложения являлась нестабильной, какие-либо обоснованные правовые идеи в части ее проведения отсутствовали, в связи с чем возникли такие финансово-правовые механизмы, как налоговая реструктуризация, зачет требований. На этом фоне продолжающаяся политическая борьба между исполнительной и законодательной ветвями власти привела к крайне неэффективной работе государства по администрированию налоговых доходов, что повлекло за собой острый дефицит бюджета, в результате было сокращено

финансирование таких расходных статей бюджета, как содержание армии, правоохранительных органов, социальной сферы¹.

Данные негативные факторы, угрожая национальной безопасности, повлекли за собой всплеск преступности в стране, явились одной из причин экономического кризиса 1998 г. Этот пример наглядно демонстрирует необходимость всесторонне осмысленного планирования и проведения правовой политики в сфере реализации функции налогообложения как важнейшей предпосылки нормального функционирования государства, качественной и полной реализации всех его направлений деятельности.

Представляется, что последовательная правовая политика в сфере реализации функции налогообложения в Российской Федерации стала формироваться после принятия в 1997 г. ч. 1 Налогового кодекса РФ, т. к. именно данный нормативный правовой акт стал образцом выражения централизованной и стратегически выверенной правовой политики в сфере налогообложения в законодательном акте как источнике права.

По мнению заместителя Министра финансов РФ Сергея Шаталова, который в 1990-е гг. являлся одним из разработчиков проекта Налогового кодекса РФ, «...в деле принятия Налогового кодекса РФ политические силы общества на удивление были достаточно едины. Фактически все политические усилия были направлены на реализацию в части первой Налогового кодекса РФ таких базовых принципов правовой политики государства, как налоговая справедливость, стабильность и предсказуемость законодательства...»².

Данная ситуация объясняется тем, что с момента распада СССР в начале 90-х гг. XX в. образовался «правовой вакуум» по многим вопросам общественной жизни, в том числе и по вопросам налогообложения, который было необходимо заполнить соответствующими нормативными правовыми актами.

Важно отметить, что правовая политика в сфере налогообложения, реализуясь в том числе в нормах Налогового кодекса РФ и законах об отдельных налогах³, отображает юридико-финансовые механизмы регулирования налогообложения, в частности, определяет основные положения (принципы) налогового законодательства, его приоритеты, а также процессуальные механизмы их реализации. Кроме того, с начала текущего столетия для налоговой системы России характерно снижение ставок по основным прямым налогам (налог на прибыль организаций — до 24 %, налог на доходы физических лиц — до 13 %).

Данный вектор развития экономики был задан Президентом РФ и обозначен в ежегодных посланиях Федеральному Собранию РФ⁴. Основы государственной правовой политики Российской Федерации в сфере регулирования

¹ См.: О федеральном бюджете на 1995 год : федеральный закон РФ от 31 марта 1995 г. № 39-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 14, ст. 1213; О федеральном бюджете на 1997 год : федеральный закон РФ от 26 февраля 1997 г. № 29-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 9, ст. 1012.

² См.: URL: <http://www.minfin.ru> (дата обращения: 19.10.2013).

³ См., напр.: О налогах на имущество физических лиц : закон РФ от 9 декабря 1992 г. № 2003-1 (в ред. от 23 июля 2013 г.) // Российская газета. 1992. 14 февр.

⁴ См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 30 ноября 2010 г. // Парламентская газета. 2010. 9 дек.; Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 22 декабря 2011 г. // Российская газета. 2011. 23 дек.; Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12 декабря 2012 г. // Российская газета. 2012. 13 дек.

вопросов налогообложения разрабатываются Министерством финансов РФ, которое также осуществляет координацию и контроль за деятельностью входящей в его структуру Федеральной налоговой службы, являющейся главным администратором налоговых доходов бюджета нашей страны.

Федеральная налоговая служба России, обеспечивая реализацию налогово-правовой политики Министерства финансов РФ, осуществляет контроль и надзор за соблюдением законодательства о налогах и сборах, за правильностью исчисления, полнотой и своевременностью внесения в соответствующие бюджеты налогов и сборов, привлекает нарушителей налогового законодательства к налоговой ответственности.

Анализируя современную ситуацию в реализации функции налогообложения, можно выделить основные приоритетные направления налогово-правовой политики России, которые следуют из Основных направлений налоговой политики РФ на 2012 г. и на плановый период 2013 и 2014 гг.¹ Данный документ, хотя и не является нормативным правовым актом, но служит основанием для внесения изменений в законодательство о налогах и сборах, которые разрабатываются в соответствии с предусмотренными в нем положениями, что позволяет увеличить прозрачность и прогнозируемость налогово-правовой политики государства. Основными целями налоговой политики продолжают оставаться поддержка инновационной деятельности (в том числе и путем предоставления новых льгот, направленных на ее стимулирование), а также поддержка инвестиций в области образования и здравоохранения. Необходимой предпосылкой создания привлекательного инвестиционного климата, особенно в части привлечения иностранных инвесторов, является предельная систематизация законодательства, формирование и развитие надежных кредитно-банковских институтов, страхового дела, а также общая стабильная политико-экономическая ситуация в стране.

В рамках проводимой налоговой правовой политики основными источниками повышения доходного потенциала взимаемых налогов может стать как изменение правил исчисления и уплаты отдельных налогов, так и принятие мер в области налогового администрирования. В первую очередь, необходимо принять меры для повышения доходов бюджетной системы от налогообложения демонстративного потребления, ренты, возникающей при добыче природных ресурсов, а также от перехода к новой системе налогообложения недвижимого имущества.

В настоящее время Федеральной налоговой службой совместно с Росреестром проводятся подготовительные мероприятия по введению в нашей стране налога на недвижимость вместо земельного налога и налога на имущество, причем налоговой базой, как планируется, будет являться кадастровая стоимость недвижимости, приближенная к рыночной. По нашему мнению, такая реформа может принести положительные результаты в части дорогой элитной недвижимости, которая в настоящее время облагается налогом на имущество, причем налоговой базой является кадастровая стоимость, определенная еще в 80-е гг. XX в., соответственно,

¹ См.: Социальный мир. 2011. № 35.

давно устаревшая. Однако следует отметить, что при введении нового налога нельзя забывать о социально незащищенных слоях населения, например, о пенсионерах, получивших недвижимость по наследству, в дар, предусмотрев для них необходимые льготы и другие налоговые преференции. Отдельным направлением политики в области повышения доходного потенциала налоговой системы будет являться оптимизация существующей системы налоговых льгот и освобождений, а также ликвидация имеющихся возможностей для уклонения от налогообложения, так называемая «деофшоризация» российской экономики¹.

Таким образом, Основные направления налоговой политики России составлены с учетом преемственности ранее поставленных базовых целей и задач, что говорит о комплексном, системном подходе нашего государства к поступательной реализации функции налогообложения, проведении в данном направлении скоординированной и взвешенной налогово-правовой политики.

За последние годы в области реализации налогово-правовой политики нашим государством решен ряд задач, поставленных Правительством РФ. Это и совершенствование налога на добавленную стоимость, налога на прибыль организаций, налога на доходы физических лиц, налога на добычу полезных ископаемых; и индексация ставок акцизов; провозглашенное в Бюджетном Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ «О бюджетной политике в 2009–2011 годах»² введение налога на недвижимость взамен действующих земельного налога и налога на имущество физических лиц.

В настоящее время в целях минимизации рисков, связанных с сокращением объемов промышленного производства, возможным ростом задолженности по налогам и сборам перед бюджетной системой Российской Федерации и увеличением масштабов уклонения от уплаты налогов, предполагается повышение качества налогового администрирования, развитие института изменения срока уплаты налогов и сборов (инвестиционный налоговый кредит, рассрочки и отсрочки), совершенствование порядка учета в налоговых органах организаций и физических лиц, оптимизация взаимодействия, в том числе посредством передачи документов в электронном виде, между налоговыми органами и банками, органами исполнительной власти, местными администрациями, другими организациями, которые обязаны сообщать в налоговые органы сведения, связанные с налоговым администрированием.

Таким образом, в настоящий момент налогово-правовая политика России, будучи регламентированной и последовательной, постепенно реформирует налоговую систему, приводя ее в соответствие с принципами демократического правового государства, что очень важно в свете геополитических процессов в условиях глобализации. О качественных изменениях в сфере реализации функции налогообложения говорят такие факторы, как гибкость налоговой

¹ См.: Основные направления налоговой политики РФ на 2012 г. и на плановый период 2013 и 2014 гг. // Социальный мир. 2011. № 35.

² См.: Социальный мир. 2008. № 26.

системы, проявляющаяся в индивидуальном подходе к конкретным налогоплательщикам при одновременной общеобязательной законодательной регламентации основных элементов налога, относительно последовательной и упорядоченной системе правовых институтов в структуре отрасли налогового права, устанавливающих понятия видов налогов, всех элементов их составов, регламентирующих порядок применения налоговых льгот и иных преференций.

Кроме того, нормы, составляющие правовые институты и подотрасль налогового права, уже не являются противоречивыми, взаимоисключающими, как это имело место в налоговом законодательстве 90-х гг. XX в., **исключают** двойное налогообложение¹. Вместе с тем в сфере реализации функции налогообложения у Российского государства имеется немало нерешенных задач, главная из которых — уход от сырьевой зависимости, от перекрытия дефицита федерального бюджета за счет средств нефтегазового трансферта, имеющего место в настоящее время. Для достижения данной цели, по нашему мнению, необходима мобилизация налоговых доходов бюджетов всех уровней путем проведения широкого комплекса мероприятий юридического и организационного характера.

¹ См.: Об основах налоговой системы в Российской Федерации : закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2118-1 // Российская газета. 1992. 10 марта; О налоге на добавленную стоимость : закон РФ от 6 декабря 1991 г. № 1992-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 52, ст. 1871; О подоходном налоге с физических лиц : закон РФ от 7 декабря 1991 г. № 1998-1 // Российская газета. 1992. 13 марта.
